

ISSN 2713-0681

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЦЕНТР
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
Институт социально-политических исследований
ОБЩЕСТВЕННАЯ РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

НАУКА. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

№ 1 / 2023

Том 29

DOI: 10.19181/nko.2023.29.1

Сетевой рецензируемый научный журнал
Издается с 1995 г.

(Ранее назывался: «Социальная политика и предпринимательство»;
«Предпринимательство. Политика. Наука»; «Наука. Политика. Предпринимательство»)

Выходит 4 раза в год

Включён в перечень ВАК.

Включён в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Журнал открытого доступа. Плата за публикацию с авторов не взимается.

Москва
2023

Главный редактор научного журнала

Левашов Виктор Константинович, доктор социологических наук, директор Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН.

Заместители главного редактора

Великая Наталия Михайловна, доктор политических наук, зам. директора по научной работе, руководитель центра политологии ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Иванов Вилен Николаевич, член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Рогачев Сергей Владимирович, доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра социальной безопасности и рискологии ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Ответственный секретарь

Гребняк Оксана Валерьевна, научный сотрудник ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Члены редколлегии

Атанесян Артур Владимирович, доктор политических наук, профессор, Ереванский государственный университет (Армения).

Большаков Владимир Ильич, доктор философских наук, профессор РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина.

Вакарелу Мариус, доктор философии, Национальный университет политических наук и госуправления (Румыния).

Вдовиченко Лариса Николаевна, доктор социологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет

Гуселтов Борис Павлович, доктор политических наук, ИСПИ ФНИСЦ РАН; Институт Европы РАН.

Евтич Миролjub, доктор политических наук, профессор, Белградский университет (Сербия).

Журавлев Анатолий Лактионович, академик РАН, доктор психологических наук, профессор, Институт психологии РАН; Московский Гуманитарный Университет.

Забирова Айгуль Тлеубаевна, доктор социологических наук, Университет ОАЭ (ОАЭ).

Зубок Юлия Альбертовна, доктор социологических наук, профессор, ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Иванов Дмитрий Владиславович, доктор социологических наук, Санкт-Петербургский государственный университет; Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС.

Ильичева Людмила Ефимовна, доктор политических наук, профессор, ИСПИ ФНИСЦ РАН; РАНХиГС.

Мартыненко Владимир Владимирович, доктор политических наук, профессор, ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Назарова Елена Александровна, доктор социологических наук, профессор, МГИМО; РАНХиГС.

Овчарова Ольга Геннадиевна, доктор политических наук, профессор РГГУ; профессор РГСАИ.

Орлова Ирина Викторовна, доктор философских наук, профессор РАНХиГС.

Осипов Геннадий Васильевич, академик РАН, доктор философских наук, профессор, ИСПИ ФНИСЦ РАН, Высшая школа современных социальных наук МГУ им. М.В. Ломоносова.

Письменная Елена Евгеньевна, доктор социологических наук, профессор, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН; Финансовый университет при Правительстве РФ.

Романович Нелли Александровна, доктор социологических наук, профессор, Воронежский филиал РАНХиГС.

Рубан Лариса Семеновна, доктор социологических наук, профессор, ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Сакка Фламиния, доктор политических наук, профессор, Университет Тушии (Италия).

Селезнёв Игорь Александрович, кандидат социологических наук, ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Селиверстова Нина Анатольевна, доктор социологических наук, профессор, МосГУ.

Сингх Вирендра, доктор философии, профессор, Аллахабадский университет (Индия).

Топилин Анатолий Васильевич, доктор экономических наук, ИДИ ФНИСЦ РАН.

Тощенко Жан Терентьевич, член-корр. РАН, доктор философских наук, профессор, Институт Социологии ФНИСЦ РАН; РГГУ.

Шереги Франц Эдмундович, кандидат философских наук, директор Центра социального прогнозирования и маркетинга.

Editor in Chief

Victor K. Levashov, Doctor of Sociology, Director, Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS (ISPR FCTAS RAS).

Deputy Chief Editors

Nataliya M. Velikaya, Doctor of Political Science, Deputy Director of Science and Research, Head of the Center for Political Science ISPR FCTAS RAS.

Vilen N. Ivanov, Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophy, Professor, Main Researcher, ISPR FCTAS RAS (Moscow, Russia).

Sergey V. Rogachev, Doctor of Economics, Professor, Main Researcher, ISPR FCTAS RAS.

Executive Secretary

Oksana V. Grebnyak, Researcher, ISPR FCTAS RAS.

Members of the editorial Board

Arthur V. Atanesyan, Doctor of Political Science, Professor, Yerevan State University (Armenia).

Vladmir I. Bolshakov, Doctor of Philosophy, National University of Oil and Gas "Gubkin University".

Marius Vacarelu, Ph.D. in administrative sciences, National University of Political Studies and Public Administration (Romania).

Larissa N. Vdovichenko, Doctor of Sociology, Professor, Russian State University for the Humanities.

Boris P. Guseletov, Doctor of Political Science, ISPR FCTAS RAS; Institute of Europe RAS.

Mirosljub Jevtic, Ph.D. in Political Science, Full Professor, University of Belgrade (Serbia).

Anatoly L. Zhuravlev, Academician, Doctor of Psychology, Professor, Institute of Psychology RAS; Moscow University for the Humanities.

Aigul T. Zabirova, Doctor of Sociology, United Arab Emirates University (UAE).

Yuliya A. Zubok, Doctor of Sociology, Professor, Deputy Director, ISPR FCTAS RAS.

Dmitrii V. Ivanov, Doctor of Sociology, St Petersburg University; North-Western Institute of Management – Branch of RANEPА.

Ludmila E. Ilyicheva, Doctor of Political Science, Professor, ISPR FCTAS RAS; RANEPА.

Vladimir V. Martynenko, Doctor of Political Science, Professor, ISPR FCTAS RAS.

Elena A. Nazarova, Doctor of Sociology, Professor, MGIMO University; RANEPА.

Olga G. Ovcharova, Doctor of Political Science, Professor, RSUH; RSSAA.

Irina V. Orlova, Doctor of Philosophy, Professor, RANEPА.

Gennadii V. Osipov, Academician, Doctor of Philosophy, Professor, ISPR FCTAS RAS; Higher School of Contemporary Social Sciences, MSU.

Elena E. Pismennaya, Doctor of Sociology, Professor, Institute for Demographic Research of FCTAS RAS; Financial University under the Government of the Russian Federation.

Nelly A. Romanovich, Doctor of Sociology, Professor, RANEPА Voronezh branch.

Larissa S. Ruban, Doctor of Sociology, Professor, ISPR FCTAS RAS.

Flaminia Saccà, Full Professor of Political Sociology, Tuscia University (Italy).

Igor A. Seleznev, Candidate of Sociology, ISPR FCTAS RAS.

Nina A. Seliverstova, Doctor of Sociology, Professor, Moscow University for the Humanities.

Virendra P. Singh, Ph.D. in Sociology, Professor, University of Allahabad (India).

Anatoly V. Topilin, Doctor of Economics, Institute for Demographic Research of FCTAS RAS.

Zhan T. Toshchenko, Corresponding Member of RAS, Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Sociology of FCTAS RAS; RSUH.

Franс E. Sheregi, Candidate of Philosophy, Director of the Center for Social Forecast and Marketing.

ПОЛИТИКА И СОЦИАЛЬНАЯ СФЕРА ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА

Савинков В. И.

Научно-техническая политика Российского государства и резервы взаимодействия академического, вузовского и предпринимательского секторов науки 8

Рубан Л. С., Ананьин М. А.

Процессы цифровизации на производстве, в государственном управлении и социальной сфере России 25

ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ В ГРАЖДАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Аверкиева Е. В.

Институты гражданского общества в формировании национальной идентичности молодёжи 38

Мчедлова Е. М.

Динамика социокультурных процессов в условиях становящегося нового мира. 51

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ

Медведева Е. И., Крошилил С. В., Авачёва Т. Г.

Трансформация парадигмы потребления в современном российском обществе 60

Садовая В. В.

Постковидная этика труда как перспектива развития самозанятости в России 78

Романович Н. А.

Проблемы института семьи в молодёжной среде. 90

СОВРЕМЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Гуселетов Б. П.

Италия: парламентские выборы-2022 и перспективы взаимоотношений с Россией 103

ИСТОРИЯ

Мухачев В. В.

От имени социализма и во имя человечества (к 100-летию образования СССР) 116

ДЕМОГРАФИЯ И МИГРАЦИОЛОГИЯ

Галкин К. А.

Активность и стратегии заботы о здоровье пожилых людей: городской и сельский контекст 130

Исповедников Д. Ю.

Экономические и социальные последствия запрета на трудоустройство иностранных рабочих (пример Центрального федерального округа) 143

Ростовская Т. К., Кучмаева О. В.

Кросскультурные браки как резерв демографического развития России . . . 159

РЕЦЕНЗИИ

Игумнов О. А.

К вопросу о развитии теории социального капитала, или нужно ли множить сущности без необходимости 173

Иванов Д. В.

Западная социология с восточноевропейской точки зрения (рецензия на учебное пособие. Титаренко Л. Г. Современная западная социология. Минск: РИВШ, 2021. 420 с.) 183

ПОЗДРАВЛЕНИЯ И ЮБИЛЕИ

От редакции

Талантливый ученый, организатор науки, наставник: Сергею Владимировичу Рогачеву – 90 189

© ИСПИ ФНИСЦ РАН, 2023
© ОБЩЕСТВЕННАЯ РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК, 2023

POLITICS AND SOCIAL SPHERE OF SOCIETY

Savinkov V. I.

Science and technology policy of the Russia and reserves of interaction between academic, university and entrepreneurial sectors of science 8

Ruban L. S., Ananjin M. A.

Digitalization processes in production, public administration, and the social sphere in Russia 25

MODERN POLITICAL PROCESSES IN RUSSIA AND ABROAD

Averkieva E. V.

Civil society institutions in the formation of the national identity of young people 38

Mchedlova E. M.

The dynamics of sociocultural processes in conditions of the emerging new world. 51

MODERN PROBLEMS IN A TRANSFORMING SOCIETY

Medvedeva E. I., Kroshilin S. V., Avacheva T. G.

Transformation of the consumption paradigm in modern Russian society . . . 60

Sadovaya V. V.

Post-COVID ethics of work as a perspective for the development of self-employment in Russia 78

Romanovich N. A.

Problems of the family institution in the youth environment 90

MODERN POLITICAL PROCESSES IN RUSSIA AND ABROAD

Guseletov B. P.

Italy: parliamentary elections-2022 and prospects for relations with Russia 103

HISTORY

Mukhachev V. V.

On behalf of socialism and in the name of humanity (to the 100th anniversary of the formation of the USSR) 116

DEMOGRAPHICS AND MIGRATIONOLOGY

Galkin K.A.

Activity and strategies for caring for the health of the elderly: urban and rural context 130

Ispovednikov D. Yu.

Economic and social consequences of the ban on the employment of foreign workers (Example of the Central Federal District) 143

Rostovskaya T. K., Kuchmaeva O. V.
Cross-cultural marriages as a reserve of demographic development
in Russia. 159

REVIEWS

Igumnov O. A.
On social capital theory development question,
or whether it is necessary to multiply entities unnecessarily. 173

Ivanov D. V.
Western sociology from an Eastern European perspective
(review of the handbook. Titarenko L. G. Modern western sociology.
Minsk : RIVSH, 2021. 420 p.). 183

GREETINGS AND ANNIVERSARIES

Editorial note
Talented scientist, science organizer, mentor: Sergei V. Rogachev – 90 189

© ISPR FCTAS RAS, 2023
© PUBLIC RUSSIAN
ACADEMY
OF SOCIAL SCIENCES, 2023

DOI 10.19181/nko.2023.29.1.1
EDN OTFULR
УДК 316.422.44

В. И. Савинков¹

¹ Российский государственный социальный университет.
Москва, Россия.

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА И РЕЗЕРВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ АКАДЕМИЧЕСКОГО, ВУЗОВСКОГО И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО СЕКТОРОВ НАУКИ

Аннотация. В последние 15 лет Российской Федерации объявлена экономическая обструкция, связанная с попыткой Западных стран вытеснить Россию с внешнего товарного и финансового рынков. Введённые Западом эмбарго в значительной степени затронули и внутренний рынок из-за его чрезмерной насыщенности импортным товаром. Инициированная Правительством более 10-ти лет назад политика импортозамещения не смогла решить проблемы дефицита высокотехнологичной продукции из-за технологического отставания многих предприятий гражданской экономики, в том числе по причине недостаточного привлечения отечественной науки к содействию в развитии инновационного производства. Имеются проблемы и в самой российской науке. Основная – недофинансирование исследований как следствие слабой развитости предпринимательского и государственного рынка заказов на научную продукцию. Большинство коммерческих структур предпочитают приобретать готовые патенты или технологии у иностранных фирм. Не выстроен и оптимальный механизм административной координации и финансового субсидирования креативного взаимодействия трёх секторов науки для решения задач, актуальных с позиции внутренней и внешней политики. Общероссийские исследования, проведённые с участием автора в 2011–2020 годах, свидетельствуют о положительном опыте кооперированного взаимодействия различных секторов науки при смешанном государственно-частном финансировании и в опоре на технологическую платформу производственных компаний. Такова практика для 80% научных организаций, выполняющих прикладные исследования. Что касается фундаментальных наук, в этом сегменте тесное сотрудничество академических НИИ не только возможно, но и желательно с вузами, как в рамках мегапроектов, так и при подготовке учебников для вузов.

Ключевые слова: научная политика; национальная безопасность; сегменты науки; научная кооперация; инновационное производство

Для цитирования: Савинков В. И. Научно-техническая политика Российского государства и резервы взаимодействия академического, вузовского и предпринимательского секторов науки // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29, № 1. С. 8–24. DOI 10.19181/nko.2023.29.1.1. EDN OTFULR

Введение. До середины 1930-х годов в мире доминировало представление о науке как преимущественно индивидуальной деятельности, космополитичной, мало зависящей от экономики и политики, допускающей свободный трансграничный обмен научной информацией. Это мнение стало меняться по мере милитаризации экономики и спроса на новые технологии. Растущий

тренд инновационности в экономике, о неизбежности чего ещё в 1911 году писал австро-американский экономист и социолог Й. А. Шумпетер [1], простимулировал рост инвестиций в науку и со стороны экономики, монополизировавшей рынок массового потребления, и со стороны государства, заинтересованного в развитии оборонной промышленности. В СССР в связи с полной национализацией экономики основным и единственным инвестором в науку являлось государство. Научная деятельность стала одной из прерогатив государственной политики и была рассредоточена по трем сферам: производственная, академическая, вузовская. По причине конфликтности международных отношений, порождённой противоречиями мировой экономической системы, направленность государственных инвестиций преимущественно в макроэкономике и оборонную отрасль была обоснованной. Следствием директивного управления наукой стало игнорирование государством ряда перспективных направлений, относящихся преимущественно к области микроэкономики и которые, в последующем, легли в основу монополизации глобального рынка.

В начале 1950-х годов экономические развитые страны стали наращивать инвестиции в исследования в области кибернетики и генетики. В СССР на тот период эти отрасли властью игнорировались, им объявляли обструкцию. Такая позиция тормозила модернизацию советской экономики и к 1990 году вытеснила её на периферию международного товарного рынка. В докладе Европейской комиссии в 1997 г. содержится заключение, согласно которому уже в 1995 г. 35% мирового рынка высокотехнологичной продукции обеспечивали страны Европейского союза, 20% – США, 11% – Япония, 13% совместно Сингапур, Корея, Китай и лишь 0,13% – Россия [2, с. 222].

Особенно сильно затронул кризис 1990-х годов социальные науки, те отрасли, которые практиковались в политических исследовательских и образовательных организациях. Но глубоким оказался кризис и для вузовских кафедр социального профиля. Научные школы социальной философии, политэкономии, социальной истории, сформировавшиеся за многие десятилетия советской научной и образовательной практики, в большинстве случаев распались. Адекватной замены этим школам не нашлось, и сейчас по призыву правительства приходится снова корректировать учебники обществоведения, истории..., опираясь на методический опыт советского периода.

Изменение в 1990-х годах формы собственности многих научных организаций, осуществлявших прикладные исследования и разработки в производственных компаниях, не внесло нового в основное содержание их деятельности. Хотя управление большинством научных организаций, оставшихся под опекой государства (в том числе академических), по форме базировалось на административных принципах, что естественно при бюджетном финансировании, в функциональном аспекте эти научные учреждения были предоставлены сами себе, а их связь с реальным производством была потеряна. Так, в 2002 г. из 2066 инновационно-активных российских предприятий лишь 2,5% использовали разработки академических НИИ в качестве источника своей инновационной деятельности, и 2,2% таким источником назвали научно-технические работы вузов [3, с. 98]. Рост числа малых исследовательских организаций сопровождался значительным сокращением числа организаций, занятых проектированием новых технологий для производства. Так, с 1990 по 2005 год в 8,7 раза сократилось количество проектных, в 4,1 раза – конструкторских организаций, в 1,8 раза – научно-технических подразделений на промышленных предприятиях. Кроме сокращения общего числа научных организаций (в РФ: 1990 г. – 4646; 1994 г. – 3968) [4, с. 23] также произошло сокращение численности

исследователей на 25% (1995 г. – 518690 человек; 2005 г. – 391121 человек) [5, с. 589]. Российская Федерация получила в наследство научную систему, требовавшую и в организационном, и в содержательном аспекте не просто реформирования, но реанимацию. Об этом свидетельствует позиция российских учёных, 94% которых в ходе общероссийского опроса в 2005 г. высказали мнение, что российская наука находится преимущественно в состоянии кризиса: по многим направлениям – упадка, в лучшем случае – застоя [6, с. 222–224].

Неэффективность использования российской науки в экономической и социальной практике проявилась тогда, когда экономический кризис 2008 года оголил зависимость многих предприятий от импорта технологий и актуальной стала задача импортозамещения. Программа импортозамещения большинством предприятий на начальной стадии была воспринята формально, а со стороны органов государственного надлежущего контроля за характером инвестирования целевых ассигнований на импортозамещения не было. По итогам 10 лет реализации программы оказалось, что «согласно оценкам экспертов, разрабатываемые и внедряемые в производство инновационные продукты импортозамещения на 25% состоят из зарубежных комплектующих» [7, с. 117]. Вместо производства импортозамещающей продукции, 45% выполненных исследовательскими организациями, вузами, производственными компаниями совместных исследовательских проектов были направлены на создание для предприятий модернизированного технологического процесса, так как по имевшейся у них старой технологии произвести инновационную продукцию не получалось [7, с. 117].

Что касается социальных наук, недооценка потенциала и недостаточное стимулирование государством их активности проявилось в 2022 году в виде отсутствия прогностических моделей влияния ценностных ориентаций молодого поколения на его поведение, неспособности предвидеть массовую эмиграцию и в начале специальной военной операции, и в период ограниченной мобилизации.

В статье в опоре на данные официальной статистики, общероссийских социологических и экспертных исследований, проведённых в 2011–2020 годах Центром социального прогнозирования и маркетинга (ЦСПиМ, руководитель Ф. Э. Шереги) с участием автора, анализируется результативность государственной политики по стимулированию работы исследовательских организаций, а также состояние и резервы взаимодействия академического, вузовского и предпринимательского секторов науки.

Политика активизации научной деятельности в условиях социально-экономической стабилизации. В любом государстве характер рыночного или директивного управления наукой зависит от структуры, источников и объёма финансирования деятельности научных организаций. В условиях развитого рынка зависит и от соотношения областей науки, в предположении, что большая часть организаций технической науки финансируется гражданской экономикой, которая для устойчивости своей позиции на рынке товаров и услуг часть свободного капитала инвестирует в инновационные проекты. В 1960-х годах в мировой практике произошло вычленение фундаментальной науки и её различение от прикладной, когда Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) предложила три уровня градации видов научных исследований: чистые фундаментальные исследования, ориентированные фундаментальные исследования, прикладные исследования (стратегические, конкретные, экспериментальные) [8, с. 8–9]. В СССР статистические службы также придерживались тройной градации научных исследований в следующем

порядке: фундаментальные исследования, прикладные исследования, разработки. Такая градация сохранилась и в Российской Федерации.

В 1990-е годы наука не могла быть в центре внимания: из-за всеобщего кризиса основной задачей являлось восстановление экономики, причём в форме рыночных товарно-денежных отношений. Единственным источником финансирования науки оставалось государство. Для упорядочения функционирования научных организаций в 1996 г. был принят Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике»¹, призванный регулировать отношения между субъектами научной и научно-технической деятельности, органами государственной власти и потребителями научной и научно-технической продукции, в том числе по предоставлению государственной поддержки инновационной деятельности. Постановка задачи была весьма оптимистичной, учитывая, что закон принимался в условиях экономического кризиса, накануне финансового дефолта 1998 года. В последующем закон лег в основу поддержки и регулирования федеральной территории «Сириус» и инновационного центра «Сколково». Финансирование научных организаций только для формирования фонда оплаты труда не решало материальных проблем самих исследователей. Уместно отметить, что даже в 2000 году средняя величина заработной платы персонала, занятого исследованиями и разработками, составляла всего 2322,9 рублей (\$82,7) [9, с. 133]. Поэтому закон предусматривал непривычную для советского периода форму поддержки исследователей – гранты и субсидии. Большею частью они не были целевыми, тематику исследований чаще всего формулировали сами научные организации и завершались они вербальным отчетом, т.е. результаты не планировалось доводить до практического внедрения. Данная форма поддержки учёных в 1990–2000-е годы сыграла большую роль в сохранении российского научного сообщества. *Отсутствие установок государственных органов на переход к целевому финансированию проектов, используя в качестве основного критерия практическое внедрение полученной научной продукции, по сей день является причиной относительно низкой рентабельности инвестирования в науку.* Например, контент-анализ 1512 отчетов по итогам выполнения научно-исследовательских проектов в рамках федеральной целевой программы «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России на 2014–2020 гг.» показал, что хотя 96,6% проектов носили характер прикладных исследований, в том числе 33,8% были направлены на разработку новых технологий производства; 33,4% – на разработку концепции, методов, подходов к отысканию путей решения научных задач; 17,8% – на разработку, создание новых машин, установок, приборов, однако в 90% случаев бизнес-планы исследовательских проектов не предусматривали стадию трансфера научного продукта в производство и завершались отчетом о целевом освоении выделенных ассигнований на грант. Однако нельзя отрицать пользу грантов и субсидий для сохранения научного потенциала страны в условиях технологической трансформации экономики. Этим объясняется тот факт, что даже в 2020 г. ассигнования на гранты составили 330053,4 млн руб., т.е. 51,6% в общем объёме ассигнований на научные исследования и разработки [9, с. 115].

Среди организаций, выполняющих научные исследования и разработки, доля государственных составляла в 2000 г. – 71,7%, в 2020 г. – 62,1%. Если к последнему показателю добавить новый тип организаций, каковых в 2000 г.

¹ О науке и государственной научно-технической политике : Федеральный закон от 23.08.1996 г. № 127-ФЗ // Гарант. URL: <https://base.garant.ru/135919/> (дата обращения: 27.12.2022).

не было: смешанные, с долей государственной собственности (4,6%) и государственные корпорации (2,9%), тогда в сумме получится – 69,6%. То есть доля исследовательских организаций, находящихся в зоне интереса государства, велика и за 20 лет изменилась мало [9, с. 38].

Федеральный закон № 127-ФЗ от 1996 г. впервые внес ясность в функции научных организаций различной формы собственности, не уточнив при этом субординацию горизонтального характера, однако обозначив условную научную иерархию в соотношении академических учреждений и исследовательских организаций неакадемического типа. Законодательное уточнение статуса исследовательских организаций различных форм собственности было назревшей задачей, не столько в аспекте научной дифференциации, сколько для упорядочения отношений фискального характера. Закон не регулирует отношения между самими научными организациями различной формы собственности или ведомственной подчиненности и это положение к настоящему времени не изменилось: три основных направления – академическая, предпринимательская и вузовская наука – функционируют как бы сами по себе. Законом гарантирована свобода творчества, право выбора направлений и методов проведения научных исследований и экспериментальных разработок. Эта гарантия – концептуальная, в действительности степень свободы творчества зависит от наличия современных технических и технологических средств, объёма ассигнований. Рост ассигнований и в реальных (по номиналу), и в постоянных ценах был значителен в первые 10 лет 2000-х годов, в следующие 10 лет инфляция нивелировала весь прирост объёма государственных ассигнований в научные исследования. Так, ассигнования в науку в 2000 г. составили 76897,1 млн руб. или \$2736,6². За 10 лет (2000–2010 гг.) кратность роста объёма ассигнований в науку в постоянных ценах составила – 8,4 раза, а за следующие 10 лет (2010–2020 гг.) – 2,1 раза [9, с. 138]. Начиная с 2010 г. финансирование научных исследований и разработок непрерывно увеличивалось и в 2020 г. по номиналу превысило объём финансирования в 2010 г. – в 5,1 раза. Однако из-за значительной инфляции в постоянных ценах 2010 г. кратность роста составила всего 2,1 раза (см. табл. 1).

К 2020 году структура источников финансирования науки мало изменилась, основная нагрузка, как и прежде, ложится на государственный бюджет (см. рис. 1).

Ассигнования из средств федерального бюджета на гражданскую науку за 10 лет (2010–2020 гг.) увеличились в постоянных ценах в 1,2 раза, в том числе на фундаментальные исследования – в 1,3 раза (в 2010 г. – 82172,0 млн руб., в 2020 г. – 107124,2 млн руб.); на прикладные научные исследования – в 1,2 раза (в 2010 г. – 155472,0 млн руб., в 2020 г. – 182551,7 млн руб.) [9, с. 109]. Рост в обоих случаях незначительный.

Как и в 2010 г., основная доля ассигнований в 2020 г. (с тенденцией понижения) была направлена в научно-исследовательские организации. Следующие по объёму финансирования – конструкторские организации, доля которых значительно уменьшилась. Низка доля ассигнований проектным и проектно-исследовательским организациям, а также опытным заводам, хотя по абсолютной величине их финансовая поддержка растёт. Относительно велика доля ассигнований для научных организаций высшего образования, промышленного производства, опытных заводов (см. рис. 2).

² Среднегодовой курс доллара США в 2000 г.: \$1 = 28,1 руб., в 2010 г.: \$1 = 30,37 руб., в 2020 г.: \$1 = 72,15 руб.

Таблица 1

Динамика внутренних затрат на исследования и разработки за период 2010–2020 гг.

Организации	2010 г. млн руб.	2020 г. млн руб.	Крат- ность роста	2010 г. млн \$	2020 г. млн \$	Крат- ность роста
Всего	230785,2	1174534,3	5,1	7599,1	16279,1	2,1
Научно-исследовательские	136699,4	655228,4	4,8	4501,1	9081,5	2,0
Конструкторские	56385,0	189083,7	3,4	1856,6	2620,7	1,4
Проектные и проектно- изыскательские	1626,5	3851,9	2,4	53,6	53,4	1,0
Опытные заводы	171,1	3853,4	22,5	5,6	53,4	9,5
Образовательные организа- ции высшего образования	10963,1	108343,6	9,9	361,0	1501,6	4,2
Организации промышленного производства	12633,4	112060,9	8,9	416,0	1553,2	3,7
Прочие организации	12306,7	102112,5	8,3	405,2	1415,3	3,5

Источник: составлено автором на основе данных [9, с. 106].

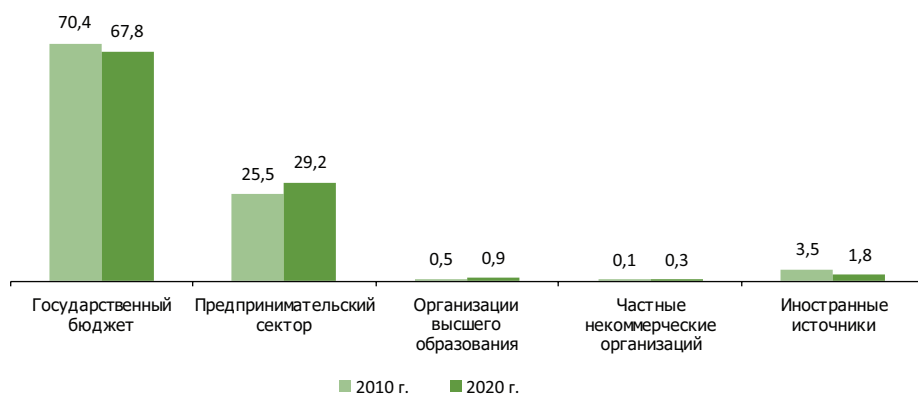

Рисунок 1. Долевое соотношение источников финансирования научных исследований (2010–2020 гг.), %

Источник: составлено автором на основе данных [9, с. 113].

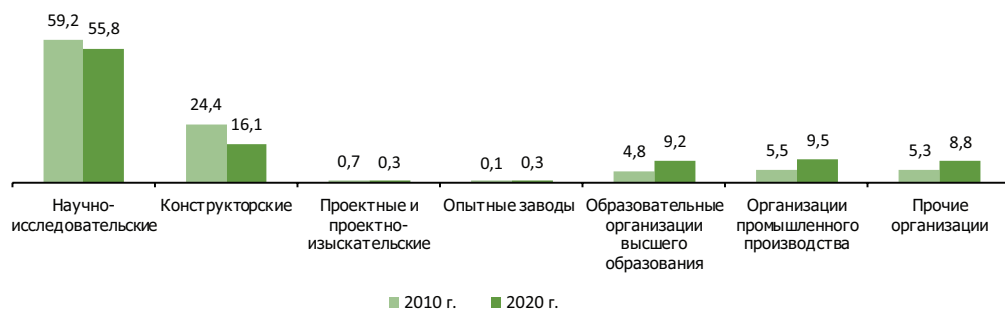

Рисунок 2. Долевое соотношение внутренних затрат на исследования и разработки в 2010 и 2020 гг., %

Источник: составлено автором на основе данных [9, с. 106].

За последние 10 лет отрицательное действие инфляции стало причиной стагнации реальной величины оплаты труда учёных. Средняя величина заработной платы персонала, занятого исследованиями и разработками, составила в 2010 г. – 25043,5 руб. (\$824,6), в 2020 г. – 60247,3 руб. (\$835,0) [9, с. 133].

Бремя финансирования технического обеспечения основной массы исследований, а также фонда оплаты труда для большинства исследователей, по сей день ложится на госбюджет. Правомерно предположить, что при чрезмерно трудоёмком становлении профессиональной карьеры учёного именно невысокая оплата труда является причиной снижения притока молодых специалистов в науку. Численность персонала, занятого исследованиями и разработками, за 20 лет (2000–2020 гг.) уменьшилась на 208,4 тыс. чел., т.е. на 23,5%, в том числе численность исследователей за этот же период – с 425954 до 346497 чел., т.е. на 18,7%, численность техников – с 75184 до 59557 чел., т.е. на 20,8% [9, с. 42]. В общем количестве численно уменьшившейся части персонала научных организаций исследователи и техники в совокупности составляют 64,7%. И это при том, что число организаций, выполняющих научные исследования и разработки, за период с 2000 г. по 2020 г. увеличилось (см. табл. 2).

Таблица 2

Изменение числа организаций, выполняющих научные исследования и разработки, по типам (2000–2020 г.)

Организации	2000год (А)	2020 год (В)	Разность (В–А)	Увеличение / уменьшение, в %
Всего	4099	4175	76	1,9
Научно-исследовательские	2686	1633	-1053	-39,2
Конструкторские	318	239	-79	-24,8
Проектные и проектно- изыскательские	85	12	-73	-85,9
Опытные заводы	33	35	2	6,1
Образовательные организации высшего образования	390	969	579	148,5
Организации промышленного производства	284	441	157	55,3
Прочие организации	303	846	543	179,2

Примечание. Начиная с 2015 г. в число организаций включаются филиалы образовательных организаций высшего образования.

Источник: составлено автором на основе данных [9, с. 34].

Численность сотрудников государственных исследовательских организаций в 2000 г. составляла 673658 чел., а в 2020 г. – 518386 чел., т.е. на 23% меньше (см. табл. 3) [9, с. 44]. За этот же период средний возраст исследователей уменьшился: с 49 до 46 лет [9, с. 53], однако сокращение молодых сотрудников продолжилось. Так, в 2010 г. доля сотрудников в возрасте до 30 лет среди исследователей составляла 15,6%, а в 2020 г. – 13,1%.

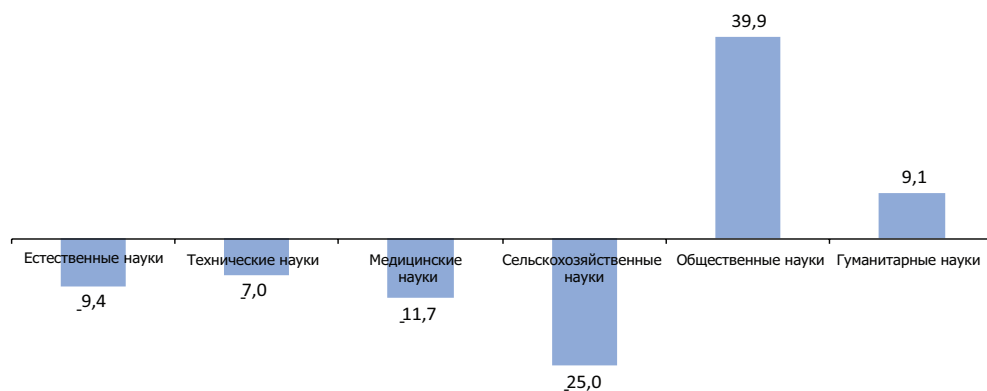
С 2010 г. продолжилось сокращение численности исследователей во всех негуманитарных областях науки, прежде всего в медицинской и сельскохозяйственной. Рост численности был большим только в общественных и значимым в гуманитарных науках (см. рис. 3).

Таблица 3

Изменение численности персонала, занятого исследованиями и разработками, по типам организаций (2000–2020 гг.), чел.

Организации	2000 год (А)	2020 год (В)	Разность (В–А)	Увеличение / уменьшение, %
Всего	887729	679333	-208396	-23,5
Научно-исследовательские	718434	388757	-329677	-45,9
Конструкторские	56488	103346	46858	83,0
Проектные и проектно-исследовательские	6811	1955	-4856	-71,3
Опытные заводы	6145	2897	-3248	-52,9
Образовательные организации высшего образования	31110	61436	30326	97,5
Организации промышленного производства	54721	63189	8468	15,5
Прочие организации	14020	57753	43733	311,9

Источник: составлено автором на основе данных [9, с. 42].

Рисунок 3. Показатель увеличения / уменьшения численности исследователей по областям науки (2010–2020 г.), %

Источник: составлено автором на основе данных [9, с. 55].

Отрицательная тенденция характерна и для системы подготовки научных кадров. Число аспирантур составило в 2000 г. – 1362, в 2020 г. – 1189 (сокращение на 12,7%); численность в них аспирантов, соответственно 117 714 и 87 751 человек (сокращение на 25,5%) [9, с. 61]. Доля защитивших диссертацию среди выпуска из аспирантуры, соответственно 30,2% и 9% [9, с. 64]. Если проблемы финансовой поддержки научных организаций объясняются общим кризисом в экономике, то отсутствие защиты диссертации у 90% выпускников необъяснимо экономическими причинами, кроме как кризисом аспирантуры.

Для придания грантам и субсидиям характера государственного заказа, систематизации научных направлений проектов и их согласования с акту-

альными задачами развития экономики, президентом РФ был принят указ от 07.07.2011 г. № 899 «Об утверждении приоритетных направлений развития науки, технологий и техники в Российской Федерации и перечня критических технологий Российской Федерации»³. В указе выделено 8 приоритетных направлений научных исследований, финансируемых государством: а также 28 критических технологий, исследования по которым считаются приоритетными для государства.

Существенной поддержкой для российской науки явились финансируемые государством федеральные программы исследований и разработок по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России на 2007–2013 гг. и 2014–2020 гг.⁴

Меры, принятые государством, не всегда сопровождалась позитивным результатом. Так, 9 апреля 2010 г. было принято Постановление Правительства РФ № 219 «О государственной поддержке развития инновационной инфраструктуры в федеральных образовательных учреждениях высшего профессионального образования»⁵. Постановлением предусматривалось стимулирование научной сферы вузов путем оказания помощи по закупке современной техники, приборов. Кстати, как показали результаты общероссийского исследования, в такой поддержке нуждались и исследовательские организации (см. табл. 4).

Таблица 4

Характер обновления основных фондов в организациях разной принадлежности
(доля исследовательских организаций, %)

Характер обновления основных фондов	Принадлежность организации			
	РАН	Другие академии	Предпринимательский сектор	Сектор высшего образования
По мере морального старения	10	5	5	5
Только по мере физического износа	10	10	15	5
От случая к случаю	60	55	55	65
Практически не обновлялись	20	30	25	25
Итого	100	100	100	100
<i>Всего от случая к случаю или не обновляются</i>	<i>80</i>	<i>75</i>	<i>80</i>	<i>90</i>

Источник: Общероссийское репрезентативное исследование ЦСПиМ в 2019 г.

³ Об утверждении приоритетных направлений развития науки, технологий и техники в Российской Федерации и перечня критических технологий Российской Федерации : Указ Президента РФ от 07.07.2011 г. № 899 // Гарант. URL: <https://base.garant.ru/55171684> (дата обращения: 18.01.2023)..

⁴ О федеральной целевой программе «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России на 2007–2013 годы» : Постановление Правительства РФ от 17.10.2006 г. № 613 // Гарант. URL: <https://base.garant.ru/190108>; О проведении конкурсного отбора на предоставление субсидий в целях реализации федеральной целевой программы «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России на 2014–2020 годы» и предоставлении указанных субсидий : Постановление Правительства РФ от 28.11.2013 г. № 1096 // Гарант. URL: <https://base.garant.ru/70520994> (дата обращения: 18.01.2023).

⁵ О государственной поддержке развития инновационной инфраструктуры в федеральных образовательных учреждениях высшего профессионального образования : Постановление Правительства РФ от 9.04.2010 г. № 219 // Гарант. URL: <https://base.garant.ru/12174942> (дата обращения: 18.01.2023).

Предполагалось также, что одним из стимулов активизации научной деятельности вузов станет учреждение в них автономных хозяйствующих субъектов – организаций малого предпринимательства. Средства вузами расходовались на закупку техники, в основном без учёта перспективных задач научной деятельности по причине отсутствия гранта или субсидии, которые вне конкурсной процедуры не были гарантированы. Малые предприятия проводили работы в основном на средства вуза, так как коммерческие заказы от предприятий не были гарантированы, а в конкурсе грантов не всегда удавалось выиграть [10, с. 64–87]. Неудачная реализация закона № 219 привела Минобрнауки России к выводу о том, что поддержка развития науки как в вузовских, так и в иных научных организациях *должна быть не системной, а целевой, поддерживать надо не вообще инновационную научную инфраструктуру организации, а инновационную техническую базу целевого научного проекта.*

Хотя система грантов и субсидий сыграла положительную, а может быть и решающую роль в сохранении научного потенциала страны, тем не менее, гранты не могут быть не только единственной, но даже доминирующей формой поддержки функционирования и развития науки. Наука востребована тогда, когда она непосредственно взаимодействует с экономикой, учитывая, что 67% исследователей работают в технической, медицинской, сельскохозяйственной отраслях науки (см. рис. 4). Но и в социальной и гуманитарной науках требуется решать много прикладных задач. Расширенная система грантов и субсидий есть не что иное, как вынужденное замещение государством в условиях экономического кризиса функций непосредственного потребителя научной продукции.

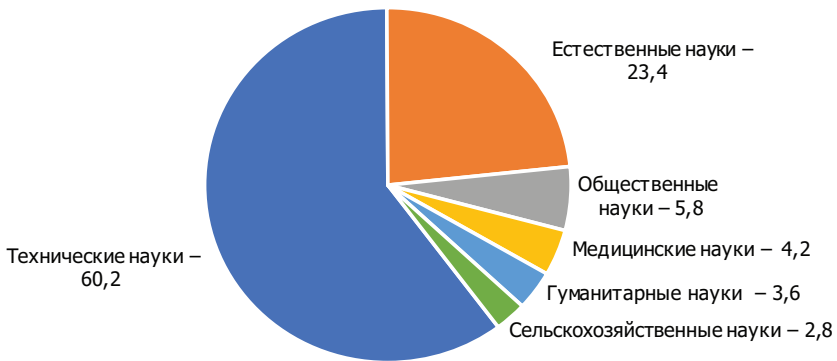

Рисунок 4. Распределение исследователей по областям науки в 2020 году, %

Источник: составлено автором на основе данных [9, с. 56].

Резервы взаимодействия академического, вузовского и предпринимательского секторов науки. С введением эмбарго со стороны стран Запада, государство с 2010 г. стало субсидировать программу импортозамещения, к реализации которой были подключены производственные компании, научные коллективы академических, предпринимательских, вузовских исследовательских организаций. Поддержка со стороны государства требовалась потому, что недостаточность собственных источников финансирования вынуждала производственные компании использовать государственные субсидии для разработки инновационных продуктов (см. рис. 5).

Рисунок 5. Нормированная структура источников инвестиций в инновационные проекты производственных компаний, %

В апреле 2010 г. было принято постановление Правительства № 218 «Об утверждении Правил предоставления субсидий на развитие кооперации российских образовательных организаций высшего образования, государственных научных учреждений и организаций реального сектора экономики в целях реализации комплексных проектов по созданию высокотехнологичных производств»⁶. Постановление не только содействовало консолидации усилий трёх секторов науки, но также привлекло инвестиции производственных компаний как партнёров в научном проекте, заинтересованных в укреплении своей позиции на рынке за счёт инновационного производства. Оно также содействовало кооперации усилий исследователей различных секторов науки, в основном в прикладных исследованиях. Контент-анализ 1512 научных тем федеральной целевой программы «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России на 2014–2020 годы» (проведён ЦСПиМ в 2020 г.) показал следующее соотношение реализованных за этот период фундаментальных, прикладных исследований и организационных мероприятий (симпозиумы, конференции...): соответственно 5%:85%:10%. Что касается фундаментальных исследований, они и в экономически развитых странах, как правило, финансируются государством (частично фондами).

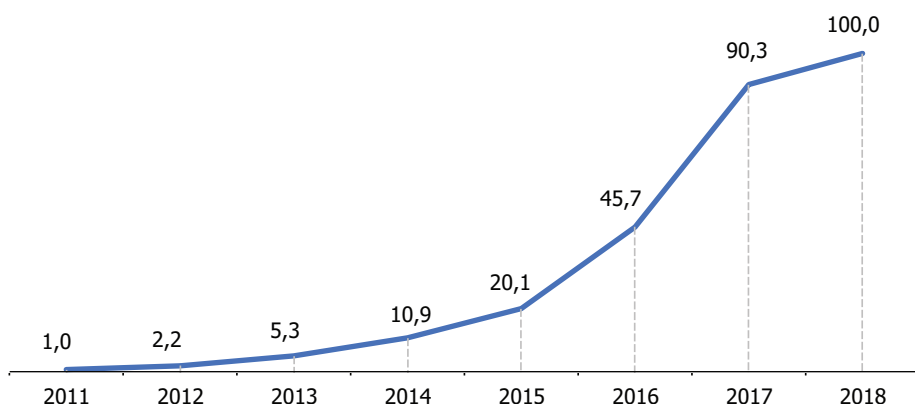
Сопровождение приоритетных направлений консолидированных исследований, имеющих стратегическое значение, в 2021 г. было возложено на Совет при Президенте РФ по науке и образованию, а также на постоянно действующий орган при Правительстве – Комиссию по научно-технологическому развитию РФ⁷.

⁶ Об утверждении Правил предоставления субсидий на развитие кооперации российских образовательных организаций высшего образования, государственных научных учреждений и организаций реального сектора экономики в целях реализации комплексных проектов по созданию высокотехнологичных производств и Положения о проведении конкурса на определение получателей субсидий из федерального бюджета на развитие кооперации российских образовательных организаций высшего образования, государственных научных учреждений и организаций реального сектора экономики в целях реализации комплексных проектов по созданию высокотехнологичных производств : Постановление Правительства РФ от 9.04.2010 г. № 218 // Гарант. URL: <https://base.garant.ru/12174931> (дата обращения: 31.01.2023).

⁷ О мерах по повышению эффективности государственной научно-технической политики : Указ Президента РФ от 15.02.2021 г. № 143 // Гарант. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400346065>;

Общероссийские исследования реализации постановления № 218, проводившиеся ЦСПиМ с участием автора в 2011–2019 годах показали, что *при нынешнем состоянии экономики и относительной скудости источников финансирования науки предложенная государством форма кооперации, консолидирующая креативные усилия всех секторов науки для решения задачи инновационного развития производства, является наиболее оптимальной*, хотя не лишена ряда недостатков.

Особенность кооперирования секторов науки на платформе реального производства требует разработки *интегрального бизнес-плана* в предположении, что совместный проект завершится трансфером научного продукта в производство. При отсутствии у большинства академических и вузовских научных организаций навыков взаимодействия с производством, заключение договоров о научной кооперации исследовательской деятельности на платформе производственных компаний продвигалось медленно, порой требовало 3–4 года. В итоге, несмотря на наличие государственного финансирования с момента принятия постановления № 218, активная реализация двух третей совместных научных проектов была начата только в 2016–2017 гг. (см. рис. 6). Даже в 2018 г. для 35% совместных научных проектов исследовательских организаций, вузов и производственных компаний отсутствовал *бизнес-план*, вместо него партнеры руководствовались схематическим техническим заданием. При кооперированном решении научных задач с выходом на конечный продукт и его трансфер в производство ощущалось отсутствие опыта *оценки рисков*. При оценке рисков партнёры по научной программе внимание уделяли в основном пяти направлениям: соответствие квалификации исследователей задачам научного проекта, объективность организационного плана исследования, достаточность технического и технологического потенциала, достаточность объёма финансирования, обоснованность сроков исследования.

Рисунок 6. Кумулятивная доля совместных научных проектов по годам заключения договора о сотрудничестве между исследовательскими организациями, вузами и производственными компаниями, %

Об утверждении Положения о Комиссии по научно-технологическому развитию Российской Федерации : Постановление Правительства РФ от 30.04.2021 г. № 689 // Гарант. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400639331> (дата обращения: 31.01.2023).

Предложенная правительством практика научного партнерства большинством производственных компаний была воспринята положительно. К 2018 году 80% научных тем, разрабатывавшихся исследовательскими организациями и вузами совместно с производственными компаниями, вписались в перспективные планы по разработке и производству инновационного продукта партнерских компаний. В 20% случаев предложенные исследования производственными компаниями заранее не планировались, однако вызвали у них интерес и были включены в план разработки инновационного продукта. Проведённый в 2019 году ЦСПиМ общероссийский опрос экспертов показал, что научное партнерство производственных компаний относительно результативно продолжилось с вузами, а большая часть исследовательских организаций вышла из проекта. Причина – функциональный кризис в научных организациях, долгие годы не связанных с прикладными исследованиями, потерявших часть ведущих учёных (и по возрасту, и по причине миграции), отсутствие технологической модернизации лабораторий, испытательных баз и полигонов.

Как показал опыт, во многих случаях эффективной кооперации научных организаций, вузов и производственных компаний для совместного выполнения научной программы мешает ментальная инерционность. Имеет место пассивность ряда вузов и академических исследовательских организаций в проявлении инициативы по формулированию темы исследования, порождённая нежеланием исследовательских организаций участвовать в стадии трансфера научной продукции в производство инновационного продукта. Субкультура исследователей вузов и академических организаций иная, чем предпринимательских (конструкторских, проектных). Вузовские и академические исследователи более склонны к схоластике и часто завершение своей работы видят в вербальном отчете, не стремясь участвовать в стадии практической реализации результата научного проекта. Исправление ситуации возможно только за счет изменения творческого мышления консервативного характера и внесения в сознание учёных элементов экономического прагматизма.

Несмотря на возникавшие трудности, по мнению 63,1% экспертов государственный проект кооперированного креативного взаимодействия науки и производства был весьма результативным, по мнению 35,4% – средней результативности, 1,5% – низкой результативности.

Выводы. Активизация усилий «коллективного Запада» по экономической изоляции России и её вытеснению с международного рынка технологичной продукции подтверждает важность науки в обеспечении национальной безопасности в области инновационной технологии. Этим обосновано повышение внимания правительства задачам импортозамещения, решить которые без содействия науки затруднительно. Учитывая, что на современном этапе не менее 80% научных задач требуют прикладных исследований, следует признать обоснованным консолидацию трёх секторов науки – академической, предпринимательской и университетской – в партнерском взаимодействии с производственными компаниями, по модели постановления № 218, эффективно опробованной на практике с 2010 по 2020 год. Однако в практике данной модели кооперации научных организаций, базирующейся на платформе инновационных устремлений производственных компаний, требуется произвести ряд коррекций:

- целесообразно отказаться от директивно-стандартизованных интервалов выполнения научных проектов и определять интервал длительности проекта, равно как и ресурсные затраты на его выполнение, на основании бизнес-плана заявки с обоснованием сроков и финансовых затрат на выполнение проекта, от стартового состояния и до реализации трансфера научного продукта в производство;

- в зависимости от степени научного задела, полный цикл реализации проекта требует 3-7 лет, поэтому минимальный плановый срок выполнения совместного с производственными компаниями научного проекта должен составлять не менее 3-х лет, иначе возникает опасность, что конечный научный продукт не будет доведен до стадии производства;
- прогнозные расчеты объемов финансирования государством российской науки следует осуществлять исходя из общемирового опыта: 1) среди запатентованных инновационных продуктов используются в производстве не более 5%; 2) среди разрабатываемой научной продукции коммерциализуются не более 1%; 3) среди новых товарных видов, готовых к серийному производству, на рынок попадают не более 10%;
- государству целесообразно отказаться от «системной» формы развития научной инфраструктуры исследовательских организаций и университетов, перейти к целевому субсидированию, в соответствии с подлежащей разработке актуальной научной задачей и в соотношении с наличной научно-экспериментальной базой партнерской производственной компании;
- необходимо совершенствовать защиту прав на интеллектуальную собственность участников кооперированного научного проекта;
- для эффективного управления кооперированной научной программой с участием различных секторов науки целесообразно реализовать не менее 4-х уровней менеджмента: по координации взаимодействия партнеров по научной программе; по управлению исследовательским процессом; по маркетингу рынка и продвижения научного продукта; по трансферу научного продукта в производство.

Следует найти оптимальные способы аккумуляции расходов на военную и гражданскую науку. В современных условиях их взаимная изолированность нерентабельна. Опыт развития информационных, генно-инженерных, медицинских, нанотехнологий свидетельствует о том, что *экономический эффект гражданской науки становится многократно выше, чем военной*, особенно с позиции массовости и полезности использования результатов. Этот момент учтен в научной политике США, аккумулирующих затрачиваемые на науку средства за счёт того, что значительная часть гражданских исследований осуществляется также в военных целях. Это является одним из факторов ведущей роли государства в финансировании НИОКР. Другой фактор – традиционно высокая доля фундаментальных исследований, финансируемых за счет госбюджета. Сроки государственной поддержки проектов в области фундаментальных исследований варьируют в среднем в интервале 3-5 лет, а для инфраструктурных проектов – до 10 лет, причём поддержка материальной базы комплексная, собственно закупка оборудования не является центральной статьёй расходов на исследования⁸.

Следует стремиться к переходу от *конкурсных форм к целевым формам субсидирования научных исследований*, в том числе прикладных. Инициаторами научных проектов в случае прикладных исследований должны быть производственные компании, партнёрами – исследовательские организации, вузы. Учитывая различия в форме собственности партнёров, государство может рассматривать субсидии на условиях частно-государственного проекта.

Для общественных наук существует ряд важных социальных тем, представляющих интерес как для фундаментальной науки, так и для прикладных исследований. Предметы фундаментальной науки – проблемы генезиса цивили-

⁸ Наука как сектор американской экономики // USedu. URL: <http://usedu.ru/science-in-social-development/16-nauka-kak-sektor-amerikanskoj-ekonomiki.html> (дата обращения: 27.12.2022).

лизации, эволюции социальных институтов, в особенности государства; тенденция диверсификации культур, вариация гендерных отношений в условиях мутаций, вызванных глобализацией экономики и массовой миграцией; этногенез и формы этнической и религиозной толерантности; эволюция формы семьи и социальной демографии. Предмет прикладных исследований также широк: эволюция ценностных ориентаций и характера противоречий между поколениями; особенности формирования массового сознания в условиях трансформации коммуникации и информационной экспансии; изменение форм социального управления в гражданском обществе и координации социальных инициатив масс; адаптации системы образования к новым условиям динамизма образа жизни, цифровизации производства и др. В научной разработке перечисленных тем заинтересовано государство как основной социальный институт, регулирующий жизнедеятельность общества. В области социально-гуманитарных наук актуально взаимодействие академических и вузовских научных коллективов в подготовке учебников для всех уровней образования.

Библиографический список

1. *Шумпетер Й. А.* Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М. : Эксмо, 2008. 864 с. ISBN 5-282-01415-7.
2. *Селезнев А. З.* Финансирование науки в России: декларации и реальность // Вестник Российской академии наук. 2003. Т. 73, № 3. С. 220–227. EDN [OMBIGN](#).
3. Наука России в цифрах: 2002 : Стат. сб. / Л. Э. Миндели, Н. В. Городникова, Л. М. Гохберг [и др.]. М. : ЦИСН, 2003. 140 с. ISBN 5-7602-0132-8. EDN [TTBYIN](#).
4. Наука в Российской Федерации : Стат. сб. / О. Р. Шувалова, И. А. Кузнецова, Л. А. Росовецкая [и др.]. М. : ИД ГУ ВШЭ, 2005. 492 с. EDN [PCNHBV](#).
5. Российский статистический ежегодник: 2006 : Стат. сб. М. : Росстат, 2006. ISBN 5-89476-222-7.
6. *Шереги Ф. Э., Стриханов М. Н.* Наука в России: социологический анализ. М. : ЦСП, 2006. 456 с. ISBN 5-98201-003-7. EDN [OXFDNX](#).
7. *Шереги Ф. Э.* Задачи «симбиоза» науки и производства // Управление наукой: теория и практика. 2022. Т. 4, № 2. С. 112–122. DOI [10.19181/sntp.2022.4.2.12](#). EDN [RZZOPM](#).
8. *Миндели Л. Э., Хромов Г. С.* Научно-технический потенциал России : в 2-х ч. Ч. 2. М. : ИПРАН РАН, 2012. 280 с. ISBN 978-5-91294-049-1. EDN [QVNAHD](#).
9. Индикаторы науки: 2022 : Стат. сб. / Л. М. Гохберг, К. А. Дитковский, М. Н. Коцемир [и др.]. М. : НИУ ВШЭ, 2022. 400 с. DOI [10.17323/978-5-7598-2647-7](#). EDN [MPYQHI](#).
10. *Ключарев А. Г., Попов М. С., Савинков В. И.* Образование, наука и бизнес: новые грани взаимодействия. М. : Институт социологии РАН, 2017. 488 с. ISBN 978-5-89697-283-9. EDN [YNKYZT](#).

Поступила в редакцию: 02.02.2023. Принята к печати: 21.02.2023.

Сведения об авторе:

Савинков Владимир Ильич, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры человеческого капитала и управления персоналом Российского государственного социального университета. Москва, Россия.

visavinkov@senat.gov.ru

Author ID РИНЦ: 497755

ORCID: 0000-0002-1544-1605

V. I. Savinkov¹

¹ Russian State Social University,
Moscow, Russia.

SCIENCE AND TECHNOLOGY POLICY OF THE RUSSIA AND RESERVES OF INTERACTION BETWEEN ACADEMIC, UNIVERSITY AND ENTREPRENEURIAL SECTORS OF SCIENCE

Abstract. In the last 15 years the Russian Federation has been declared an economic obstruction, associated with the attempt of Western countries to oust Russia from the external commodity and financial markets. The embargoes imposed by the West have largely affected the domestic market because of its excessive saturation with imported goods. Import substitution policy initiated by the Government more than 10 years ago could not solve the problem of shortage of high-tech products due to technological backwardness of many enterprises of civil economy, including due to insufficient involvement of domestic science to assist in the development of innovative production. There are also problems in Russian science itself. The main one is underfunding of research as a consequence of weak development of entrepreneurial and state market of orders for scientific products. Most commercial structures prefer to acquire ready-made patents or technologies from foreign firms. There is no optimal mechanism for administrative coordination and financial subsidizing of creative interaction between the three sectors of science to solve problems relevant from the position of domestic and foreign policy. All-Russian studies conducted with the author's participation in 2011–2020 show the positive experience of cooperative interaction between different sectors of science with mixed public-private financing and in the reliance on the technological platform of manufacturing companies. This is the practice for 80% of scientific organizations performing applied research. As for the basic sciences, in this segment close cooperation of academic research institutes is not only possible but also desirable with universities, both in the framework of megaprojects and in the preparation of textbooks for universities.

Keywords: science policy; national security; segments of science; scientific cooperation; innovative production

For citation: Savinkov V. I. (2023) Science and technology policy of the Russia and reserves of interaction between academic, university and entrepreneurial sectors of science. *Science. Culture. Society*. Vol. 29. No. 1. P. 8–24. DOI 10.19181/nko.2023.29.1.1

References

1. Schumpeter J. A. The theory of economic development. Capitalism, socialism and democracy. Moscow: Eksmo Publ.; 2007. 864 p. ISBN 5-282-01415-7 (in Russ.).
2. Seleznev A. Z. Science budgeting in Russia: declarations and realities. *Vestnik Rossijskoj akademii nauk*. 2003;73(3):220–227 (in Russ.).
3. Mindeli L. E., Gorodnikova N. V., Gokhberg L. M. [et al.]. Science of Russia in numbers: 2002 [own]. Moscow: CISN; 2003. 140 p. ISBN 5-7602-0132-8 (in Russ.).
4. Shuvalova O. R., Kuznetsova I. A., Rosovetskaya L. A. [et al.]. Science in the Russian Federation [own]. Moscow: Higher School of Economics Publ.; 2005. 492 p. (in Russ.).
5. Russian Statistical Yearbook: 2006. Moscow: Rosstat; 2006. ISBN 5-89476-222-7 (in Russ.).
6. Sheregui F. E., Strikhanov M. N. Science in Russia: sociological analysis. Moscow: TsSP Publ.; 2006. 456 p. ISBN 5-98201-003-7 (in Russ.).
7. Sheregi F. E. Tasks for the symbiosis of science and industry. *Science Management: Theory and Practice*. 2022;4(2):112–122. DOI 10.19181/smtp.2022.4.2.12 (in Russ.).
8. Mindeli L. E., Khromov G. S. Scientific and technical potential of Russia [own]: in 2 parts. P. 2. Moscow: ISS RAS; 2012. 280 p. ISBN 978-5-91294-049-1 (in Russ.).

9. Gokhberg L. M., Ditkovskiy K. A., Kotsemir M. N. Science and technology indicators in the Russian Federation: 2022. Moscow: HSE; 2022. 400 p. DOI [10.17323/978-5-7598-2647-7](https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2647-7) (in Russ.).
10. Klyucharev G. A., Popov M. S., Savinkov V. I. Education, science and business: new facets of interaction [own]. Moscow: Institute of Sociology of RAS; 2017. 488 p. ISBN 978-5-89697-283-9 (in Russ.).

Received: 02.02.2023. Accepted: 21.02.2023.

Information about the author:

Vladimir I. Savinkov, Doctor of sociology, associate professor, professor of Faculty of human capital and personnel management, Russian State Social University.
Moscow, Russia. visavinkov@senat.gov.ru
ORCID: 0000-0002-1544-1605

DOI [10.19181/nko.2023.29.1.2](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.1.2)

EDN [OJGJAH](https://edn.nko.ru/OJGJAH)

УДК 316.422

Л. С. Рубан¹, М. А. Ананьин²

¹ Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН.

² Министерство иностранных дел РФ.
Москва, Россия.

ПРОЦЕССЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА ПРОИЗВОДСТВЕ, В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ И СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ РОССИИ

Аннотация. В статье представлены материалы, раскрывающие актуальную потребность современности, а именно: модернизацию российской экономики, системы государственного управления и социальной сферы с помощью цифровизации, обосновываются и показываются возможности внедрения нововведений во всех сферах жизни. Авторы используют результаты отечественных и зарубежных («Эрнст энд Янг», KMDA, ВШЭ, компании ТеДо совместно с Центром устойчивого развития Школы управления Сколково и др.) социологических исследований (экспертных опросов в форме интервью, включённого наблюдения, контент-анализа научных публикаций и информации, представленной в СМИ). Методологией исследования является системный анализ, дающий возможность глубокого комплексного изучения заявленной проблемы. Компаративный анализ процессов цифровизации в нашей стране и за рубежом позволяет сравнить достижения российских и иностранных специалистов, выявить наиболее частые проблемы и риски, связанные с инновационной деятельностью. Также авторами с помощью Сорбонского метода углублённого анализа научных и информационных текстов проводится работа по созданию динамичной картины цифровизации всех отраслей жизни российского общества и выявлению перспективных направлений для плодотворного сотрудничества России с зарубежными странами, добившимися в этой области наибольших результатов. Необходимость активизации модернизационных процессов в стране связана с обострением внешнеполитической обстановки и введением новых пакетов жёстких антироссийских санкций США и Европейским Союзом после начала специальной операции России на Украине 24 февраля 2022 года. Коллективный Запад стремится способствовать изоляции нашей страны, нанести Российской Федерации сильнейший ущерб и противодействовать использованию новых иностранных высоких технологий и импортного оборудования.

Ключевые слова: цифровизация; формализация данных; передача информации; новые технологии

Для цитирования: Рубан Л. С., Ананьин М. А. Процессы цифровизации на производстве, в государственном управлении и социальной сфере России // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29, № 1. С. 25–37. DOI [10.19181/nko.2023.29.1.2](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.1.2). EDN [OJGJAH](https://edn.nko.ru/OJGJAH)

Вступление. Исследования цифровизации в настоящий момент не случайно являются самыми актуальными и востребованными во всём мире, ведь оцифровка данных, всей массы вербальной и визуальной информации, значительно повышает скорость её обработки. Цифровизация является процессом формализации данных и усиления их прозрачности, открытости и доступности для населения. В этом заключается её вклад в совершенствование российской действительности [1, с. 16].

Как отмечают эксперты, «новые технологии изменяют способы взаимодействия людей и саму организацию их деятельности, ведут к качественным изменениям в экономике и социальной сфере. Происходит “цифровая трансформация”, связанная с внедрением современных информационных технологий, которые предоставляют широкие возможности для трансформации государственного (“оцифровки” процессов, электронного и цифрового правительства). Происходят значительные изменения в организации деятельности органов государственной власти, во взаимодействии граждан и госорганов» [2, с. 71].

В статистическом сборнике «Цифровая экономика 2022» наглядно показано осуществление данного процесса. По доступу к Интернету в домашних хозяйствах в 2020 г. Россия находилась на 10 месте после Южной Кореи, Великобритании, Германии, Финляндии, Швеции, Франции, Эстонии, Чехии и Италии, при этом пользовались Интернетом каждый день 76,7%, а от случая к случаю – 89,6% населения. По использованию Интернета для чтения или скачивания газет, журналов и электронных книг, а также для дистанционного обучения Россия занимала в 2020 г. 12-е место; по осуществлению финансовых операций – 11-е место, а по заказу товаров и услуг – 13-е место. По использованию цифровых технологий в организациях наша страна занимала 1-е место, хотя по индексу развития электронного правительства РФ находилась лишь на 36-м месте из 193 стран, но по онлайн взаимодействию населения с органами власти – снова на 1-м месте [3].

Большинство опрошенных российских респондентов в возрасте от 18 до 65 лет считают привлекательной для себя профессию программиста и IT-специалиста (71% населения), а интерес к использованию умных технологий проявляют от 23 до 64%. По количеству специалистов в сфере информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) Россия находится на 9-м месте, а по количеству молодых специалистов (моложе 35 лет) – снова на 1-м месте и также на 1-м месте по количеству подготовленных в вузах и колледжах специалистов по специальности «Информационно-коммуникационные технологии» [3].

Обзор литературы, методов исследования и методологии. Рассматривая значительный объем литературы по исследуемой проблеме, следует отметить, что о необходимости активного внедрения цифровизации в жизнь начали дискутировать ещё в начале XXI в. Так, в 2007 г. в Москве на заседании Никитского клуба С. П. Капица при обсуждении интеллектуальной собственности призывал обратиться к фундаментальным аспектам информационной природы развития человечества» [4].

Анализируя развитие цифровизации в России, в 2005 г. председатель Совета Федерации ФС РФ того периода С. М. Миронов указывал: «Общество требует от органов государственного управления всё большей открытости и доступности власти, что реализуется через «электронное правительство. Но информационные технологии не могут быть наложены на старые бюрократические структуры, поэтому нужна административная реформа и реформа самоуправления» [5].

В монографии «Энергетика России: проблемы и перспективы» академики В. Е. Фортон и О. Н. Фаворский отмечали, что «энергетика напрямую определяет уровень и темпы социально-экономического развития стран и является технической основой цивилизации» [6]. А академик П. Л. Капица указывал «на жёсткую корреляцию между уровнем экономического развития и удельной энерговооружённостью государства, так как создать мощную современную экономику могут только энергетически развитые страны» [6].

В монографии «Перспективы энергетического сотрудничества Россия – АТР (в экспертных оценках)» в главе «Инновационная инфраструктура» срав-

нивается развитие цифровизации в России и странах ЮВА и подчёркивается, что сотрудничество между учёными нашей страны и АСЕАН «по перспективным направлениям инновационного характера позволит существенно укрепить положение партнёров в мировом хозяйстве» [7].

Информационным угрозам и защите от них, посвящена брошюра «Предложения компании ARinteg», в которой анализируется «инфраструктура и сервисы в производственной и финансово-кредитной сфере, а в качестве упреждающего подхода предлагается использование сканирования веб-приложений, внедрение систем криптографической защиты конфиденциальной информации, средств аутентификации для выстраивания надёжной системы безопасности сетевых ресурсов в процессе оказания государственных и муниципальных услуг»¹.

Цифровизация активно осуществляется в Топливо-энергетическом комплексе России. В качестве примера приведём ведомственный проект «Цифровая энергетика»², серию научных статей в российских энергетических журналах: «Цифровой геосупервайзинг бурения оптимизированного дизайна скважин» [8]; «Цифровые технологии в топливно-энергетическом комплексе России» [9]; «Принципы построения интегрированных систем управления операционной деятельностью на примере центра управления бурением группы компаний “Газпром нефть”» [10], запатентованное исследование «Адаптивная система управления бурением скважин на базе единой цифровой платформы» [11], а также проект «Газпром нефть: Цифровизация бурения скважин» [12].

В статье «Парадоксы цифровизации и “чёрный лебедь” российской действительности» профессора Л. С. Рубан и В. А. Цыбулевского [1], анализируется процесс цифровизации производства, управления и социальной сферы РФ с фокусом на энергетическом секторе и вычленением технических и социальных рисков, сопутствующих этому процессу. Торы дают отсылку на теорию «чёрного лебедя», изложенную в книге «Чёрный лебедь. Под знаком непредсказуемости» Н. Н. Талеба [13]³, применительно к работе в условиях турбулентности. В развитие этой концепции зам. министра энергетики России А. Инюцын по итогам Российской энергетической недели (РЭН, 2017 г.) оценил цифровизацию не как угрозу, а как условие развития⁴.

Интересно исследование Е. И. Добролюбовой, представленное в статье «Государственное управление по результатам в эпоху цифровой трансформации: обзор зарубежного опыта и перспективы для России» [2], в которой проведён анализ использования цифровых технологий. Автор заострила внимание на мнении зарубежных коллег Е. Столтермана и А. Крун Форс [14], отметивших результаты от эффекта внедрения «прорывных» цифровых технологий для цифровой трансформации общества. Что, как подчёркивали Дж. Грей и Б. Рамп [15], стало ключевым трендом, характерным для различных отраслей экономики и социальной сферы, а также, как показывают К. Мэтт, Т. Хэсс, А. Бенлин [16] и С. Берман [17], способствовало «изменению деятельности (в т.ч. управления) на основе применения инновационных технологий» [16].

Такие учёные как И. Ландгрин и А. Ф. Винстра [18], а также М. Петров, В. Буров, М. Шклярчук, А. Шаров [19], В. Н. Южаков, Э. В. Талапина, Е. Н. Клочкова,

¹ Предложения компании ARinteg (Ваш гарант информационной безопасности). М.: ARinteg, 2017. 82 с.

² Ведомственный проект «Цифровая энергетика» // Министерство энергетики РФ. URL: <https://minenergo.gov.ru/node/14559> (дата обращения: 27.09.2022).

³ Автор теории «чёрного лебедя» спрогнозировал последствия COVID-19 // РИА Новости. 18 апреля 2020. URL: <https://ria.ru/20200418/1570226025.html> (дата обращения: 27.09.2022).

⁴ «Цифровизация не угроза, а условие развития»: интервью с А. Инюцыным // Коммерсантъ. 10 октября 2017. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3429024> (дата обращения: 27.09.2022).

А. А. Ефремов [20] – рассматривают цифровую трансформацию как трансформацию процессов оказания государственных услуг с использованием технологий больших данных, искусственного интеллекта, «Интернета вещей».

Вопросам сотрудничества РФ со странами ЮВА посвящена статья Л. С. Рубан и М. А. Ананьина «Сравнительный анализ инновационных процессов в России и странах Юго-Восточной Азии», в которой показано, что современный этап мирового экономического и социального развития характеризуется существенным влиянием цифровизации, основанной на цифровом предоставлении информации и автоматизации процессов, что приводит к снижению издержек, повышению эффективности экономики и улучшению качества жизни. Цифровизация становится драйвером мирового общественного развития [21].

Осуществление цифровизации производства, государственного управления и социальной сферы в России. Исследование, представленное в данной статье, служит комплексному изучению процесса модернизации производства и управления для оптимизации всех сторон социальной жизнедеятельности российского общества через внедрение цифровизации и передовых технологий, хеджирования рисков и противостояния внешним угрозам. Для реализации этой задачи была использована методология системного анализа и такие социологические методы, как экспертные опросы в форме интервью, включённое наблюдение и контент-анализ научных работ и публикаций в средствах массовой информации.

Переходя к анализу эмпирических данных, обратимся к исследованию «Эрнст энд Янг» (N=100 специалистов из 11 отраслей, 2010 г.), в рамках которого эксперты указали на риски, связанные с управлением и планированием бизнеса, как на новые возможности внедрения нововведений во всех сферах жизни. В частности, Г. Бхавай и М. Хейнен уточняли, что «в непредсказуемой экономической ситуации выживают только те компании, которые не боятся использовать инновации для уменьшения рисков и обеспечения устойчивого роста деятельности, решения проблемы выживания в условиях нестабильности и неопределённости» (цит. по [7]).

Близким по методам опросов является исследование «ESG в цифровом мире: вызовы и возможности», проведённое в период с февраля по апрель 2022 года компанией «Технологии Доверия» (ТеДо) совместно с Центром устойчивого развития Московской школы управления Сколково [22]. В качестве респондентов выступили специалисты из 61 крупной российской компании. Использовался онлайн-опрос и глубинные интервью. Опросы показали, что «46% респондентов заявили о продвинутом уровне реализации цифровой трансформации (создание продукта) против 14% компаний, находящихся на продвинутом уровне в сфере ESG. При этом только 28% участников опроса высказали мнение о продвинутом уровне реализации практик в обеих областях. Респонденты осознают ключевую роль цифровых решений ESG-трансформации, а 65% убеждены, что осуществить ESG-трансформацию без применения цифровых решений невозможно. Однако, исследование показывает, что на данный момент цифровые решения для ESG почти не используются (35% ответов)» [22, с. 5–6].

Исследователи из ТеДо и Сколково пришли к выводу, что «ключевыми направлениями для внедрения цифровых инноваций на данный момент являются такие бизнес-процессы, как подготовка отчётности (12%), защита данных (11%), управление персоналом (10%) и организация цепочки поставок и логистики (9%), в то время как на другие процессы приходится довольно низкий процент автоматизации и иной цифровой инновационной деятельности» [22, с. 6]. Они указали, что «развитие цифровых решений в рамках экологии

включает климатические вопросы (16%), управление отходами (15%) и сохранение биоразнообразия (13%), но на рынке для них не хватает цифровых инструментов, как и для предотвращения загрязнения окружающей среды и ресурсосбережения, которые входят в топ-5 ESG-аспектов» [22, с. 7].

Надо отметить, что тренд на ответственность и экологичность широко распространён. «Понятие ESG (экология, социальная политика и корпоративное управление) означает устойчивое развитие, которое строится на принципах ответственного отношения к окружающей среде; высокой социальной ответственности; высоком качестве корпоративного управления, а бизнес должен соответствовать стандартам развития в трех категориях: социальной, управленческой и экологической»⁵.

Говоря о цифровой трансформации, следует также отметить исследование «Цифровая трансформация в России – 2020» консалтинговой компании KMDA. Результаты опроса более 700 представителей российского бизнеса из 27 отраслей свидетельствуют, что размер бюджетных расходов компаний на цифровую трансформацию варьируется от 3 до 10% годовой выручки. Причём 80% расходов приходится на реализацию стратегии цифровой трансформации или отдельных цифровых проектов, что на 19% больше, чем было в 2018 г.⁶ Исследование KMDA подтвердило, что за последние два года тема цифровой трансформации стала стратегической повесткой большинства компаний в РФ: 64% специалистов считают цифровую трансформацию необходимым процессом для устойчивого развития в условиях современных вызовов и отмечают, что ряд российских компаний: Магнит, X5 Retail Group (управляет торговыми сетями «Пятёрочка», «Перекрёсток» и «Карусель») и другие крупные ритейлеры, становятся «флагманами цифровизации», совершенствуют логистику, внедряют голосовые ассистенты⁷.

Эксперты утверждают, что к 2024 г. большинство социальных, управленческих и экономических процессов в нашей стране будет оцифровано, и государство окажется обладателем огромного массива персональных данных, а очные контакты граждан с чиновниками резко сократятся. Решению этих проблем посвящён целый ряд документов и выступлений государственных лиц РФ. Так, ещё 12 декабря 2013 г. Президент России В. В. Путин в послании Федеральному Собранию РФ говорил о необходимости создания технопарков и бизнес-инкубаторов, а чтобы побудить регионы вкладывать средства в это развитие, предлагал выделять им в течение трёх лет налоги за счёт федерального бюджета в виде межбюджетных трансфертов для того, чтобы они направлялись на дальнейшее развитие таких парков в регионах⁸.

Выступая на международной онлайн-конференции Artificial Intelligence Journey (AI Journey) 4 декабря 2020 г. В. В. Путин сказал: «В наступающее десятилетие нам предстоит провести цифровую трансформацию всей страны, повсеместно внедрить технологии искусственного интеллекта и анализа больших данных»⁹.

⁵ Кондратенко М. ESG-принципы: что это такое и зачем компаниям их соблюдать // РБК. Тренды. 6 декабря 2022. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/green/614b224f9a7947699655a435> (дата обращения: 08.12.2022).

⁶ Аналитический отчет «Цифровая трансформация в России – 2020» // KMDA. 14 июля 2020. URL: http://bit.ly/KMDA_DTR_2020 (дата обращения: 08.12.2022).

⁷ Там же.

⁸ Послание Президента Российской Федерации от 12.12.2013 г. 6/н (О положении в стране и основных направлениях внутренней и внешней политики государства) // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/38057/page/3> (дата обращения: 08.12.2022).

⁹ Конференция по искусственному интеллекту: стенограмма выступления В. В. Путина // Официальный сайт Президента РФ. 4 декабря 2020. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64545> (дата обращения: 13.09.2022).

Тема развивалась далее премьер-министром России М. В. Мишустиним на заседании правительства: «Важно к концу десятилетия увеличить долю собственных электронных компонентов для цифровой трансформации промышленности. Она должна превысить 40%. Чтобы сохранить конкурентоспособность производства, надо не только успешно перейти на «цифру», но и организовать работу на новых принципах: быстро, качественно, дёшево, под конкретные требования заказчиков... Отечественная промышленность сможет к концу десятилетия выпускать по этой модели не менее 70% высокотехнологичной продукции»¹⁰.

В Распоряжении правительства № 390-р 29 декабря 2021 года были перечислены основные направления работы: в рамках проекта «Умное производство» формируется система поддержки отечественных программных решений для обрабатывающей промышленности; осуществляется проект «Цифровой инжиниринг» по внедрению технологий виртуальных испытаний продукции; вводится «Новая модель занятости» по совершенствованию механизмов подбора кадров; развивается проект «Продукция будущего» по расширению возможностей по кастомизации продукции, то есть выпуску изделий под заказ конкретного потребителя.

Перечисленные стратегические направления синхронизированы с государственными программами и национальными проектами и утверждены на период до 2030 г., однако их выполнение протекает не без проблем. Стоит упомянуть интервью директора Центра подготовки руководителей цифровой трансформации Высшей школы государственного управления РАНХиГС К. А. Ткачёвой, которая указывает, что не все государственные служащие понимают и принимают цифровизацию, не все осознают её значимость и необходимость, но мы идём к государству как платформе, где все оцифровано, и этот процесс затронет всех и каждого очень скоро. Чиновникам в этой ситуации нужно и важно понять стоящие перед нашей страной задачи и настроиться на то, что учиться им придётся на протяжении всей своей деятельности, что они должны становиться более клиентоориентированными и понимать, как работают технологии и какие риски они несут, повышать свою цифровую грамотность, быть готовыми к «проактивным» услугам¹¹.

Что же такое «проактивные» услуги, внедряемые в нашей стране, и чему они служат? «Проактивные» услуги должны сформировать в нашей стране новую социальную реальность, когда не гражданин добивается от государства документа (справки, свидетельства и т.д.) или пособия, а государство автоматически предоставляет гражданину нужные услуги и автоматически выдаёт необходимый документ. К сожалению, осуществление этой задачи пока не вопрос ближайшего времени, но есть и успешно реализованные проекты: в частности, выдача цифровых трудовых книжек и паспортов, которая приближает нас к новой цифровой реальности. Другой момент: мы каждый день как клиенты участвуем в осуществлении банковских услуг, онлайн-торговли, рекламы, предиктивной аналитики. И это лишь небольшая часть отраслей, которые радикально поменялись или вовсе впервые появились благодаря цифровой трансформации в последние годы в России.

¹⁰ Куксенкова И. В ближайшие 10 лет Россию ждёт большая цифровая трансформация // 1TV. 8 ноября 2021. URL: <https://u.to/nONaHA> (дата обращения: 13.09.2022).

¹¹ Зубова И. Кто такие руководители цифровой трансформации : интервью К. Ткачевой // Российская газета. 24 января 2020 г. № 14(8068). URL: <https://rg.ru/2020/01/23/kto-takie-rukovoditeli-cifrovoy-transformacii.html> (дата обращения: 13.09.2022).

Ставшая не только назревшей, но и злободневной задача современного российского общества состоит в том, чтобы государство преобразовалось в эффективный и динамичный сервис, поэтому необходимо объединить всю базовую информационную систему для хранения и обработки данных, создать единую платформу – национальную систему управления данными, развивать у государственных чиновников актуальное дизайн-мышление, проводить реализацию которого, что, как считают эксперты, возможно удастся сделать с большой степенью вероятности к 2023 году.

Отметим значимость международного форума Kazan Digital Week – 2021, где в рамках круглого стола «Кадры для цифровой трансформации государства и бизнеса» очень продуктивно выступила уже упомянутая нами К. А. Ткачёва. Говоря о цифровой трансформации, она уточнила, что это не только автоматизация или цифровизация процессов, то есть просто внедрение новых технологий и цифровых сервисов, не столько инвестиции в новые технологии, сколько глубокое преобразование всей модели организации и реорганизации бизнес-и других экономических и социальных процессов с помощью цифровых инструментов и радикального повышения их эффективности. Всё это нацелено на достижение стратегических целей организации, кардинальное изменение продуктов и услуг, что выдвигает новые требования к кадрам и корпоративной культуре организации для увеличения скорости достижения результатов и экономии ресурсов для этого¹².

Итак, в нашей стране быстро нарастает тенденция к полному уходу от бумажных документов. Разработаны проекты цифровых паспортов, электронных дипломов и аттестатов, цифровой профиль школьника, идет внедрение искусственного интеллекта, причём его роль постоянно возрастает, как и сложности, связанные с этикой его применения. Кроме того, наряду с профессиональными навыками в сфере цифровой трансформации экономики на первый план выходят «soft skills», или гибкие навыки, которые помогут быстро обучаться государственным служащим и специалистам бизнес-компаний легко адаптироваться к внешним вызовам. В частности, для этого кардинального преобразования подготовки кадров в марте 2021 года была запущена цифровая трансформация вузов, появилась должность «цифрового» проректора (CDTO, Chief Digital Transformation Officer) и проект «Электронный кадровый документооборот», предусматривающий перевод на «цифру» документов, которые касаются трудовых отношений. Все услуги в этой сфере можно будет получать через портал «Работа в России».

Активно идёт процесс цифровизации и в производственной сфере, где передовой, технически оснащённой, динамичной, способной к быстрым прогрессивным преобразованиям и экономящей средства является энергетическая отрасль. Частично этот вопрос уже был затронут выше, в обзоре литературы. К примеру, в Министерстве энергетики России разработали проактивную государственную услугу «Запасы топлива 3.0», которая позволяет получить без подачи заявления и пакета документов цифровую выписку с утвержденным объёмом запасов топлива для ТЭС. По предварительной оценке, это позволяет сэкономить в каждом отдельном случае до 40 млрд рублей.

Не отстаёт и социальная сфера. Так, 29 декабря 2021 года принято Распоряжение правительства Российской Федерации № 390-р по утверждению стратегического направления в области цифровой трансформации здравоохранения.

---

¹² Ксения Ткачева: показатель успеха цифровых команд – это в том числе довольные клиенты // Интерфакс. 22 сентября 2021. URL: <https://www.interfax.ru/interview/792037> (дата обращения: 18.09.2022).

ранения. Реализации распоряжения служит проект Министерства здравоохранения, который состоит из нескольких крупных блоков: речевое заполнение медицинских документов, система по предсказательной диагностике онкологических и сердечно-сосудистых заболеваний, удалённый мониторинг состояния здоровья пациента с коронавирусом и вызов скорой помощи.

При проведении цифровой трансформации страны необходимо учитывать и достижения других государств. Например, 1 сентября 2021 г. создано Японское цифровое агентство, которое предприняло конкретные шаги по созданию основы повышения производительности производства и управления с использованием цифровых инструментов и более прочного встраивания Японии в глобальную ИТ-инфраструктуру. Были выбраны глобальные ИТ-фирмы для предоставления «правительственных облачных» услуг, чтобы интегрировать разрозненные ИТ-услуги местного и центрального правительства. В период COVID компания быстро внедрила общенациональную базу данных и приложение для подтверждения статуса вакцинации населения и готова приступить к расширению использования системы My Number населения Японии.

А маленькое островное государство Юго-Восточной Азии Сингапур на протяжении ряда лет возглавляет рейтинг Asian Digital Transformation Index, подтверждая высокий уровень цифровой трансформации государственного управления и городской инфраструктуры. Опыт Сингапура, к которому приковано столько внимания со стороны специалистов, может быть полезен и для нашей страны. Для популяризации этих наработок был снят фильм «Умная нация», материалы которого используются и в российских образовательных программах.

В России также накоплен эффективный опыт цифровизации в социальной отрасли: четыре масштабных проекта в сфере ИТ будут реализованы в РФ в ближайшие 10 лет. Прежде всего, это создание Единой централизованной цифровой платформы в социальной сфере, которая поможет оперативно предоставлять гражданам положенные им меры поддержки с использованием принципов социального казначейства для получения федеральной помощи. Для этого премьер-министр М. В. Мишустин утвердил программу цифровой трансформации социальной сферы для максимального упрощения процедур взаимодействия граждан с органами власти. Многие в цифровом формате на портале «Госуслуг» доступны уже сейчас. При этом надо учитывать, что у сервиса «Госуслуги» в Российской Федерации один из самых больших охватов населения по сравнению с другими государствами, где есть такие же сервисы. Можно особо отметить опыт Федеральной налоговой службы и Счётной палаты, которые в плане цифровизации ушли далеко вперед аналогичных ведомств в других странах.

Однако внешние факторы несут не только новый опыт и знания, но и риски. В связи с этим президент РФ В. В. Путин подписал Указ «О мерах по обеспечению ускоренного развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации» № 83 от 2 марта 2022 года, в котором одной из ключевых задач названа защита цифровизации от негативного воздействия извне: «кардинальное снижение рисков, связанных с использованием зарубежных программ, вычислительной техники и телекоммуникационного оборудования»¹³. С 2025 года использование зарубежных средств защиты информации будет запрещено, и чтобы укрепить технологический суверенитет, нужно максимально быстро заниматься импортозамещением.

¹³ О мерах по обеспечению ускоренного развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 02.03.2022 г. № 83 // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47593> (дата обращения: 18.09.2022).

Актуальность рисков и угроз извне признают и зарубежные эксперты. Так, в докладе независимой целевой группы CFR «Противостояние реальности в киберпространстве: внешняя политика фрагментированного Интернета» говорится, что эпоха глобального Интернета закончилась, составители отмечают, что видение открытой, надежной и безопасной глобальной сети не было достигнуто и вряд ли будет реализовано в будущем. В результате данных фактов Интернет стал менее свободным, более фрагментированным и менее безопасным, чем когда-либо прежде. В докладе представлена новая стратегия для сегодняшнего более сложного, разнообразного и опасного киберпространства, из того, что противники разрабатывают всеобъемлющие стратегии для киберпространства и усложняют навигацию в области облачных технологий и угроз от кибератак¹⁴.

Процессы цифровизации, которые активно идут в системе государственного управления и в экономике, должны быть максимально защищены от любого потенциального негативного воздействия извне, такое требование выдвинул В. В. Путин, указав, что: «Очевидный путь к реализации этой задачи – это переход на отечественную технику, технологии, программы и продукты. Таким образом, для укрепления нашего технологического суверенитета правительству необходимо за максимально короткое время создать современную российскую электронную компонентную базу, для чего нужно работать самым активным образом»¹⁵. С 2025 года использование зарубежных средств защиты информации будет вообще запрещено. Нам нужно разработать и внедрить свое технологическое оборудование, в том числе для производства программно-аппаратных комплексов, распорядился В. В. Путин: «здесь нужно широко задействовать инструменты и ресурсы национальной программы «Цифровая экономика». На этом направлении надо стимулировать не только процессы импортозамещения, но и создание собственных уникальных продуктов, опережающих конкурентов, подчеркнул президент¹⁶.

Заключение. Итак, несмотря на усложнившуюся глобальную обстановку, цифровизация способствует продвижению нашей страны по пути прогресса, внедрению в производство, государственное управление и социальную сферу новых технологий, повышающих эффективность этих отраслей, защищающих сохранность и конфиденциальность используемых данных. Новая форма обработки и использования компьютерных данных позволяет нашей стране повышать свою конкурентоспособность.

Однако внедрение цифровизации не позволяет избежать рисков в осуществлении этой деятельности. Антироссийские санкции, введённые Европейским Союзом и США, блокируют передачу России новых технологий. Это противодействие и стремление коллективного Запада направлено на замедление развития и подрыв нашей экономики и средств связи, а также коммуникации РФ с зарубежными государствами.

С другой стороны, в случае нарушения подачи энергетического (электрического) питания процесс работы компьютерной техники может быть нарушен или даже остановлен, а банковские операции заблокированы. Резонен

---

¹⁴ Confronting Reality in Cyberspace. Foreign Policy for a Fragmented Internet // CFR. 12 июля 2022 г. URL: <https://www.cfr.org/report/confronting-reality-in-cyberspace> (дата обращения: 18.09.2022).

¹⁵ Латухина К. Путин призвал переходить на отечественную технику и технологии // Российская газета. 20 мая 2022. URL: <https://rg.ru/2022/05/20/putin-prizval-perehodit-na-otechestvennuiu-tehniku-i-tehnologii.html> (дата обращения: 18.09.2022).

¹⁶ Там же.

вопрос: «Имеет ли Россия силы, средства и возможности, чтобы эффективно преодолевать эти трудности, а при необходимости осуществлять наступательные действия?»

Збигнев Бжезинский, никогда не питавший к нашей стране тёплых чувств, в *Financial Time* так писал о Российской Федерации: «Россия слишком слаба, слишком отстала и слишком бедна, чтобы восстановить империю»¹⁷, но пролёт российского истребителя в апреле 2016 года над эсминцем США «Дональд Кук», после которого на корабле перестала работать, а затем вышла из строя вся электроника, показал, насколько слаба или не слаба Российская Федерация и может ли она себя защитить и за себя постоять [23].

Российское вооружение, производимое ВПК РФ, в ходе специальной операции на Украине показывает своё превосходство над вооружением не только Украины, но и над боевыми системами США и Европейского Союза, а российская производственная сфера целенаправленно осуществляет импортозамещение. Таким образом, самодостаточность государства вновь становится одним из главных принципов безопасности и выживаемости в изменившихся глобальных условиях в настоящее время.

Библиографический список

1. Рубан Л. С., Цыбулевский В. А. Парадоксы цифровизации и «чёрный лебедь» российской действительности // Бурение и нефть. 2020. № 6. С. 14–23. EDN OKLJES.
2. Добролюбова Е. И. Государственное управление по результатам в эпоху цифровой трансформации: обзор зарубежного опыта и перспективы для России // Вопросы государственного и муниципального управления. 2018. № 4. С. 70–93. EDN VOUREW.
3. Цифровая экономика: 2022: Краткий стат. сб. / Г. И. Абдрахманова, С. А. Васильковский, К. О. Вишневский [и др.]. М. : НИУ ВШЭ, 2022. 124 с. DOI 10.17323/978-5-7598-2599-9. EDN KBTTTRT.
4. Интеллектуальная собственность в XI веке: «король умер?» / Под ред. Н. М. Румянцевой. Москва, 2007. ISBN 5-8341-0083-X (Цикл публичных дискуссий «Россия в глобальном контексте», Никитский клуб. Вып. 31).
5. Миронов С. М. Из публичных выступлений 2005 г. Москва : Ключ-С, 2005. 32 с. ISBN 5-93136-017-4. EDN PDSMWM.
6. Энергетика России: проблемы и перспективы : труды Научной сессии РАН (Москва, 19–21 декабря 2005 г.) / Под ред. В. Е. Фортова, Ю. Г. Леонова. М. : Наука, 2006. 499 с. ISBN 5-02-034274-2. EDN QREZBV.
7. Перспективы энергетического сотрудничества Россия – АТР : (в экспертных оценках) / Алексеев Г. Ф. [и др.]. М. : Academia, 2010. 340 с. ISBN 978-5-89697-112-4. EDN QUMUQF.
8. Ильичев С. А., Кульчицкий В. В., Спиридонов В. П. [и др.]. Цифровой геосупервайзинг бурения оптимизированного дизайна скважин // Нефтяное хозяйство. 2019. № 3. С. 50–52. DOI 10.24887/0028-2448-2019-3-50-52. EDN ZCCFRR.
9. Цифровые технологии в топливно-энергетическом комплексе России // TAdviser: Государство. Бизнес. Технологии. 19 января 2022. URL: <https://www.tadviser.ru/a/504229> (дата обращения: 18.12.2022).
10. Билинчук А. В., Рустамов И. Ф., Булгаков Е. Ю. [и др.]. Принципы построения интегрированных систем управления операционной деятельностью на примере центра управления бурением группы компаний «Газпром нефть» // PRОнефть. Профессионально о нефти. 2018. № 2. С. 65–70. DOI 10.24887/2587-7399-2018-2-65-70. EDN UUCCKS.
11. Кульчицкий В. В., Пархоменко А. К., Ильичев С. А. [и др.]. Патент № 2703576 С1 РФ. Адаптивная система управления бурением скважин на базе единой цифровой платформы. Зарег. 18.01.2019. EDN ENXFIS.

¹⁷ Бжезинский, Зб. Россия, как и Украина, рано или поздно станет подлинной демократией // InoPressa. 11 декабря 2013. URL: https://www.inopressa.ru/pwa/article/11dec2013/ft/russia_zb.html (дата обращения: 18.09.2022).

12. *Рустамов И. Ф., Кулаков К. В., Ильичев С. А. [и др.]* Газпром нефть: Цифровизация бурения скважин // Rogtec: Российские нефтегазовые технологии. 2020. № 60. С. 30–41.
13. *Taleb N. N.* The black swan: The impact of the highly improbable. New York : Random house, 2007. 366 p. ISBN 978-1-4000-6351-2.
14. *Stolterman E., Croon Fors A.* Information technology and the good life // Information systems research: relevant theory and informed practice / Ed. by B. Kaplan [et al.]. Boston : Kluwer Academic Publ., 2004. P. 687–692. DOI [10.1007/1-4020-8095-6_45](https://doi.org/10.1007/1-4020-8095-6_45).
15. *Gray J., Rumpel B.* Models for the digital transformation // Software & Systems modeling. 2017. Vol. 16, № 2. P. 307–308. DOI [10.1007/s10270-017-0596-7](https://doi.org/10.1007/s10270-017-0596-7).
16. *Matt C., Hess T., Benlian A.* Digital transformation strategies // Business and information systems engineering. 2015. Vol. 57, № 5. P. 339–343. DOI [10.1007/s12599-015-0401-5](https://doi.org/10.1007/s12599-015-0401-5).
17. *Berman S. J.* Digital transformation: Opportunities to create new business models // Strategy and Leadership. 2012. Vol. 40, № 2. P. 16–24. DOI [10.1108/10878571211209314](https://doi.org/10.1108/10878571211209314).
18. *Lindgren I., van Veenstra A. F.* Digital government transformation: a case illustrating public e-service development as part of public sector transformation // Dgo'18: Proc. of the 19th annual international conf. on digital government research. New York : ACM Publ., 2018. Article 38. DOI [10.1145/3209281.3209302](https://doi.org/10.1145/3209281.3209302).
19. *Петров М., Буров В., Шклярчук М. [и др.]* Государство как платформа. (Кибер) государство для цифровой экономики. Цифровая трансформация. Москва : ЦСР, 2018. 53 с.
20. *Южаков В. Н., Талатина Э. В., Ключкова Е. Н. [и др.]* Государственное управление в сфере стимулирования развития информационных технологий: проблемы и направления совершенствования // Журнал юридических исследований. 2017. Т. 2, № 3. С. 89–100. EDN [ZMWBCN](https://www.edn.ru/edn/10.26907/2542-0402.2017.3.89-100).
21. *Рубан Л. С., Ананьин М. А.* Сравнительный анализ инновационных процессов в Российской Федерации и странах ЮВА // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2021. Т. 2, № 2. С. 110–129. DOI [10.31696/2072-8271-2021-2-2-51-110-129](https://doi.org/10.31696/2072-8271-2021-2-2-51-110-129). EDN [JOVXDZ](https://www.edn.ru/edn/10.26907/2542-0402.2021.2.110-129).
22. *Кабаева А, Дубовицкая Е., Клемина Н. [и др.]* ESG в цифровом мире: вызовы и возможности. М. : ТеДо, Сколково, 2022. 26 с.
23. *Рубан Л. С.* Результаты международных экспертных опросов о роли и месте России в АТР и глобальном процессе // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2016. № 32. С. 35–49. EDN [UZCFV](https://www.edn.ru/edn/10.26907/2542-0402.2016.32.35-49).

Поступила в редакцию: 29.09.2022. Принята к печати: 10.11.2022.

Сведения об авторах:

Рубан Лариса Семёновна, доктор социологических наук, профессор, руководитель Отдела исследования проблем международного сотрудничества Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН. Москва, Россия. lruban@yandex.ru
Author ID РИНЦ: 422924 ORCID: 0000-0001-7972-1596

Ананьин Максим Алексеевич, первый секретарь Второго Департамента Азии МИД РФ. Москва, Россия. ananjin@gmail.ru

L. S. Ruban¹, M. A. Ananjin²

¹ Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS.

² Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation.
Moscow, Russia.

DIGITALIZATION PROCESSES IN PRODUCTION, PUBLIC ADMINISTRATION, AND THE SOCIAL SPHERE IN RUSSIA

Abstract. The article presents materials that reveal the urgent need of modernity, namely: the modernization of the Russian economy, the system of public administration and the social sphere with the help of digitalization, substantiates and shows the possibilities of introducing innovations in all spheres of life of the Russian Federation. The authors use the results of domestic and foreign (Ernst & Young, KMDA, etc.) sociological research (expert surveys in the form of interviews, included observation, content analysis of scientific publications and information presented in the media). The methodology of the study is a system analysis that allows a comprehensive and in-depth study of the stated problem. A comparative analysis of the course of the digitalization process in our country and abroad allows us to compare the achievements of Russian and foreign specialists, to identify the most common problems and risks associated with innovation. Also, the authors, using the Sorbonne method of in-depth study and analysis of scientific and informational texts, carry out painstaking work to create a dynamic picture of digitalization of all sectors of Russian society and identify promising areas and opportunities for fruitful cooperation between Russia and foreign countries that have achieved the greatest results in this area. The need to intensify modernization processes in our country is connected with the aggravation of the external situation and the introduction of new packages of tough anti-Russian sanctions by the United States and the European Union after the start of Russia's special operation in Ukraine on February 24, 2022. The collective West seeks to contribute to the isolation of our country, inflict the strongest damage to the Russian Federation and counteract the use of new foreign high technologies and imported equipment.

Keywords: digitalization; data formalization; information transfer; new technologies

For citation: Ruban L. S., Ananjin M. A. (2023) Digitalization processes in production, public administration, and the social sphere in Russia. *Science. Culture. Society*. Vol. 29. No. 1. P. 25–37. DOI 10.19181/nko.2023.29.1.2

References

1. Ruban L. S., Tsybulevsky V. A. Paradoxes of digitalization and the “black swan” of Russian reality. *Drilling and Oil*. 2020;(6):14–23 (in Russ.).
2. Dobrolyubova E. I. Performance management in public administration in the digital era: Review of international practices and prospects for Russia. *Public Administration Issues*. 2018;(4):70–93 (in Russ.).
3. Abdрахманова G. I., Vasilkovsky S. A., Vishnevskiy K. O. [et al.]. Digital economy: 2022. Moscow: HSE Publ.; 2022. 124 p. DOI 10.17323/978-5-7598-2599-9 (in Russ.).
4. Rumyantseva N. M. (ed.). Intellectual property in XXI century: “King is dead?” [own]. Moscow; 2007. ISBN 5-8341-0083-X. (Cycle of public discusses “Russia in the global context”, Nikitsky club. Vol. 31) (in Russ.).
5. Mironov S. M. From public speeches 2005 [own]. Moscow: Klyuch-S Publ.; 2005. ISBN 5-93136-017-4. (in Russ.).
6. Fortov V. E., Leonov Yu. G. (et al.). Russian energetic: problems and prospects [own]. Proc. of the scientific session of the RAS (Moscow, December 19–21, 2005). Moscow: Nauka Publ.; 2006. 499 p. ISBN 5-02-034274-2 (in Russ.).
7. Alekseev G. F. [et al.]. Prospects for Russia–Asia-Pacific energy cooperation (in expert assessments) [own]. Moscow: Academia; 2010. 340 p. ISBN 978-5-89697-112-4 (in Russ.).
8. Ilyichev S. A., Kulchitsky V. V., Spiridonov V. P. [et al.]. Drilling supervising of optimized design bore. *Oil Industry*. 2019;(3):50–52. DOI 10.24887/0028-2448-2019-3-50-52 (in Russ.).

9. Digital technologies in the fuel and energy complex of Russia. *TAdviser: Government. Business. IT*. January 19, 2022. URL: <https://www.tadviser.ru/a/504229> (accessed: 18.12.2022) (in Russ.).
10. Bilinchuk A. V., Rustamov I. F., Bulgakov E. Yu. [et al.]. Principles of construction of integrated operations management systems by the example of the drilling operations support center of Gazprom Neft group. *PROneft. Professionals about Oil*. 2018;(2):65–70. DOI [10.24887/2587-7399-2018-2-65-70](https://doi.org/10.24887/2587-7399-2018-2-65-70) (in Russ.).
11. Kulchitsky V. V., Parkhomenko A. K., Ilyichev S. A. [et al.]. Patent RU 2703576 C1. Adaptive control system for wells drilling based on a single digital platform. Priority from 18.01.2019 (in Russ.).
12. Rustamov I. F., Kulakov K. V., Ilyichev S. A. [et al.]. Gazprom Neft: Drilling digitalization. *Rogtec: Russian Oil and Gas Technologies*. 2020;(60):30–41 (in Russ.).
13. Taleb N. N. The black swan: The impact of the highly improbable. New York: Random house; 2007. 366 p. ISBN 978-1-4000-6351-2.
14. Stolterman E., Croon Fors A. Information technology and the good life. In: Kaplan B. [et al.] (eds.). *Information systems research: Relevant theory and informed practice*. Boston: Kluwer Academic Publ.; 2004. P. 687–692. DOI [10.1007/1-4020-8095-6_45](https://doi.org/10.1007/1-4020-8095-6_45).
15. Gray J., Rumpe B. Models for the digital transformation. *Software & Systems Modeling*. 2017;16(2):307–308. DOI [10.1007/s10270-017-0596-7](https://doi.org/10.1007/s10270-017-0596-7).
16. Matt C., Hess T., Benlian A. Digital transformation strategies. *Business and Information Systems Engineering*. 2015;57(5):339–343. DOI [10.1007/s12599-015-0401-5](https://doi.org/10.1007/s12599-015-0401-5).
17. Berman S. J. Digital transformation: Opportunities to create new business models. *Strategy and Leadership*. 2012;40(2):16–24. DOI [10.1108/10878571211209314](https://doi.org/10.1108/10878571211209314).
18. Lindgren I., van Veenstra A. F. Digital government transformation: a case illustrating public e-service development as part of public sector transformation. In: Dgo'18: Proceed. of the 19th annual international conf. on digital government research. New York: ACM Publ.; 2018. Article 38. DOI [10.1145/3209281.3209302](https://doi.org/10.1145/3209281.3209302).
19. Petrov M., Burov V., Shchlyaruk M. [et al.]. The state as a platform. (Cyber) state for the digital economy. Digital transformation [own]. Moscow: CSR Publ.; 2018. 53 p. (in Russ.).
20. Yuzhakov V. N., Talapina E. V., Klochkova E. N. [et al.]. Public administration in the field of stimulating the development of information technologies problems and directions of improvement. *Journal of Legal Studies*. 2017;2(3):89–100 (in Russ.).
21. Ruban L. S., Ananyin M. A. Comparative analysis of innovation processes in the Russian Federation and the countries of Southeast Asia. *Southeast Asia: actual problems of development*. 2021;2(2):110–129. DOI [10.31696/2072-8271-2021-2-2-51-110-129](https://doi.org/10.31696/2072-8271-2021-2-2-51-110-129) (in Russ.).
22. Kabaeva A., Dubovitskaya E., Klenina N. [et al.]. ESG in the digital world: challenges and opportunities. Moscow: TeDo, Skolkovo; 2022. 26 p.
23. Ruban L. S. The results of the international expert polling on the role and position of Russia in APR and the global process. *Southeast Asia: actual problems of development*. 2016;(32):35–49 (in Russ.).

Received: 29.09.2022. Accepted: 10.11.2022.

Information about the authors:

Larissa S. Ruban, Doctor of sociology, professor, head of the research department of the international cooperation issues, Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia. lruban@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-7972-1596

Maksim A. Ananjin, First Secretary, Second Asia Department of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. Moscow, Russia. ananjin@gmail.ru

ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ В ГРАЖДАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ

DOI 10.19181/nko.2023.29.1.3

EDN TYTPVC

УДК 323.2, 37.035.4

Е. В. Аверкиева^{1,2}

¹ Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН.

² АНО «Инновационный центр развития и воспитания детей и молодежи». Москва, Россия.

ИНСТИТУТЫ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ФОРМИРОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МОЛОДЁЖИ

Аннотация. В настоящее время происходят кардинальные цивилизационные трансформации, изменения в геополитике и международных отношениях. В этих условиях формирование национальной идентичности граждан играет важнейшую роль для обеспечения стабильности развития государства. Проведённый анализ показывает, что у значительной части российских молодых людей национальная идентичность, готовность работать ради общего блага и процветания Родины сформированы в недостаточной степени. Государство в последние годы вопросам формирования национальной идентичности молодёжи уделяет особое внимание. Отмечается заметный рост вовлечённости гражданского общества в политическую жизнь страны, но для эффективной работы институтов гражданского общества в сфере формирования национальной идентичности, политической социализации российской молодёжи недостаточно методических разработок, рекомендаций и технологических материалов. Автор предлагает к рассмотрению комплексную Модель политической социализации российской молодёжи силами институтов гражданского общества, которая включает подробные теоретическую и практико-ориентированную части и призвана стать ключевым методическим материалом в сфере социально-патриотической работы с молодёжью некоммерческих гражданских организаций. Модель разработана автономной некоммерческой организацией «Инновационный центр развития и воспитания детей и молодежи», прошла успешную апробацию в течение шести лет на примере десяти всероссийских интернет-конкурсов патриотической направленности и может быть рекомендована к применению в работе широкому кругу российских институтов гражданского общества.

Ключевые слова: национальная идентичность; политическая социализация; институты гражданского общества; некоммерческие организации; российская молодёжь; ценностные ориентации; политизация гражданского общества

Для цитирования: Аверкиева Е. В. Институты гражданского общества в формировании национальной идентичности молодёжи // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29, № 1. С. 38–50. DOI 10.19181/nko.2023.29.1.3. EDN TYTPVC

Введение. Проходящие в современном мире процессы дезинтеграции однопольярного мира создают предпосылки к возвращению ведущей роли национального государства, как субъекта политики. Процесс формирования

национальной идентичности в России становится одной из основных целей политической социализации российской молодёжи, что определяет актуальность исследований в этой области. В современных условиях воспитывать надо не космополитов – «граждан мира», а граждан конкретной страны. Процесс политической социализации молодёжи должен осуществляться с ориентацией на национальные традиции государственности, молодые люди должны чувствовать себя гражданами России, иметь четко сформулированные и сформированные традиционные национальные ценности. «Дети – это важнейший приоритет государственной политики», – определил в 2020 году Президент Российской Федерации В. В. Путин¹.

Целью настоящей статьи является анализ работы государственных структур и институтов гражданского общества по формированию ценностных ориентаций российской молодёжи в масштабах страны, а также разработка практических рекомендаций по повышению результативности деятельности институтов гражданского общества в процессе формирования национальной идентичности российской молодежи.

Современное состояние процесса формирования национальной идентичности населения Российской Федерации. Вопросам формирования национальной идентичности молодёжи ведущие российские учёные-политологи уделяют особое внимание. Так, в комплексном исследовании коллектива учёных под руководством профессора В. С. Комаровского [1] отмечено, что особая сложность современного процесса политической социализации российской молодёжи связана со столкновением двух противоположных представлений об устройстве политической и общественной сфер общества – советских, полученных от родителей, и новых – демократических и республиканских. Комаровский приходит к выводу, что при формировании желаемого будущего необходимо учитывать позиции молодёжи [2], а также, что формирование национальной идентичности становится особенно актуальным ввиду наглядного примера реформирования идентичности внешними акторами, как это произошло на Украине [3]. О связи социальных представлений о своей стране, национально-государственной идентичности и устойчивости государства пишет и Н. П. Сашенко, констатируя по итогам исследования (опрос 2020 г. направлен на выявление социальных представлений о России, социально-политических настроений, идеологических предпочтений), что в этом отношении для сознания молодёжи характерны противоречивость, определенная размытость и неустойчивость [4].

В совместной работе профессоров Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН Л. Е. Ильичевой и С. В. Рогачева проблема социальной консолидации общества рассматривается как важнейшая стратегическая задача, отмечается необходимость усиления ориентации на патриотизм, а также на первостепенное значение формирования национальной идентичности у молодёжи и наличие активно функционирующего гражданского общества [5].

В современных условиях деятельность институтов гражданского общества приобретает особую важность в процессе политической социализации российской молодёжи, формирования у нее политически значимых для государства ценностных ориентаций. Этот процесс происходит по двум встреч-

---

¹ Путин В. В. Пояснительная записка к проекту федерального закона. 21 мая 2020 // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/960545-7> (дата обращения: 08.01.2023).

ным направлениям, как за счёт направляющего воздействия государства, так и в инициативном порядке со стороны патриотически настроенных граждан. Расширяются функции и формы участия институтов гражданского общества в социально-политической жизни государства, так широкое развитие в стране получило волонтерское движение², активно функционируют общественные информационные площадки и каналы в социальных сетях, критику и предложения которых во многих случаях учитывают представители государственных структур при принятии решений³. Однако, пока потенциал институтов гражданского общества в процессе политической социализации российской молодёжи задействован недостаточно.

Ценностные ориентации современной российской молодёжи. Целое поколение современных молодых людей в России выросло в условиях отсутствия трансляции гражданских и патриотических ценностей. Анализ результатов исследования ценностных ориентаций молодёжи, проведенных Федеральным агентством «Росмолодежь» в 2016–2020 гг., показывает, что заметная часть подрастающего поколения не консолидирована вокруг стержневых для государства ценностей – любовь к Родине, готовность её защищать, желание трудиться на благо страны. Почти половина опрошенных (40,3%) не одобряют курс развития страны. Почти столько же (41,5%) уехали бы по возможности на постоянное проживание в другую страну. С 2016 года фиксируется рост числа заявляющих об отсутствии гордости за страну (с 23,3% в 2016 году до 31,7% в 2020 году) и сокращение числа тех, кто гордится своей страной (с 76,5% в 2016 до 46,3% в 2019). В 2019 году среди топ-10 ценностей «процветание страны» опустилось на последнее место, уступив «жизни, полной удовольствий». Только 20,5% считают, что «интересы Родины превыше всего, самопожертвование ради Родины почётно»⁴. Согласно исследованию Государственного университета управления, опубликованного в 2017 году, процент молодых людей, предполагающих выехать из страны в случае неблагоприятных общественных потрясений, составлял 21,5%, что свидетельствует об отсутствии эффективного социально-политического мировоззрения и ответственности за государство у пятой части молодёжи [6]. В 2019 году были опубликованы результаты ещё одного социологического исследования, проведённого директором Института социологии, академиком М. К. Горшковым и руководителем Центра социального прогнозирования Ф. Э. Шереги. Исследование ими ценностей российских студентов подтвердило настроенность молодых людей на выезд из страны для работы или для постоянного проживания за рубежом [7]. Неутешительны и результаты всероссийского опроса ВЦИОМ, согласно которому количество молодых людей, идентифицирующих себя как «граждане РФ», в 2022 году снизилось на 7% (с 90% в 2021 году до 87% в 2022 году)⁵.

² Тимофеева Ю. Дело добровольное: в России в 2022 году резко выросло число волонтеров // Известия. 9.12.2022. URL: <https://u.to/ew9vHg> (дата обращения: 04.02.2023).

³ Котова Е. Путин образовал рабочую группу по вопросам мобилизации, она будет готовить доклад президенту // Российская газета. 22.12.2022. URL: <https://u.to/mBjvHg> (дата обращения: 04.02.2023).

⁴ Комплексное социологическое исследование ценностных ориентаций современной молодёжи РФ. Санкт-Петербург, 2018. 35 с.; Измерение показателей, характеризующих уровень личного развития молодёжи, влияние и степень оценки заботы государства о молодёжи. Санкт-Петербург, 2019. 30 с.; Анализ оценок молодёжи РФ в целом по репрезентативной выборке. Санкт-Петербург, 2020. 23 с. Источник: Федеральное агентство по делам молодёжи (Росмолодежь). URL: <https://u.to/ZBVvHg> (дата обращения: 04.02.2023).

⁵ Ценности молодёжи : аналитический обзор. 14.12.2022 // ВЦИОМ. URL: <https://u.to/bRhvHg> (дата обращения: 08.01.2023).

Таким образом, результаты приведенных выше исследований политически значимых ценностных ориентаций российской молодёжи демонстрируют отсутствие у значительной части молодых людей сформированной национальной идентичности, готовности работать ради общего блага и процветания Родины.

Современная государственная политика формирования национальной идентичности российской молодёжи. Актуальность и острота задач гражданского и патриотического воспитания подрастающего поколения побуждает государство активно заниматься этими вопросами. Наиболее значительные положительные сдвиги в отношении государства к процессу формирования ценностных ориентаций молодёжи и национальной идентичности произошли после принятия на Всенародном референдуме 4 июля 2020 года Поправок к Конституции РФ и введения новой статьи 67-1, утверждающей, что «Дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России...». Приоритеты работы с подрастающим поколением определены в Указе Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474⁶, в законе от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ⁷. В июле 2020 года в закон «Об Образовании» внесены изменения, возвращающие воспитательную деятельность в систему образования⁸. С января 2021 года реализуется федеральный проект «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации», в новых государственных образовательных стандартах конкретизируются подлежащие формированию ценностные ориентации учащихся, в том числе по направлению патриотического и гражданского воспитания⁹. В ноябрьском 2022 года Указе Президента РФ подчеркивается, что сохранение и укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей имеет стратегическое значение в сфере обеспечения национальной безопасности государства¹⁰. Знаковым было и завершение «политического» 2022 года проведением заседания Государственного Совета РФ по реализации молодёжной политики в современных условиях¹¹.

Во всех современных российских доктринальных государственных документах подчеркивается, что для обеспечения национальной безопасности России формирование национальной идентичности должно стать доминантой современного процесса политической социализации российской молодежи, общенациональной задачей. Это процесс должен вестись планомерно и постоянно со всеми возрастными группами детей и молодёжи. К решению этой общенациональной задачи наряду с государственными структурами необходимо привлекать институты гражданского общества, в частности, некоммерческие организации, которые априори обладают инициативностью и гибкостью в подходах к решению поставленных задач.

⁶ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года : Указ Президента РФ от 21.07.2020 г. № 474. URL: <https://u.to/mBtvHg> (дата обращения: 08.01.2023).

⁷ О молодежной политике в Российской Федерации : Федеральный закон от 30.12.2020 г. № 489-ФЗ. URL: <https://u.to/HB5vHg> (дата обращения: 08.01.2023).

⁸ Об образовании в Российской Федерации : Федеральный закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ. URL: <https://u.to/XiBvHg> (дата обращения: 08.01.2023).

⁹ Федеральные государственные общеобразовательные стандарты // Министерство Просвещения РФ. URL: <https://u.to/xyJvHg> (дата обращения: 08.01.2023).

¹⁰ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : Указ Президента РФ от 09.11.2022 г. № 809. URL: https://u.to/_y1vHg (дата обращения: 08.01.2023).

¹¹ Мухаметшина Е. Президент закроет «политический» 2022 год заседанием Госсовета по молодежной политике // Ведомости. 22.12.2022. URL: <https://u.to/fkJvHg> (дата обращения: 08.01.2023).

Роль институтов гражданского общества в процессе формирования национальной идентичности российской молодёжи. Важность привлечения институтов гражданского общества к процессу политической социализации молодёжи, в частности, к формированию национальной идентичности, на протяжении последних лет многократно отмечалась в научных исследованиях. Профессор Н. А. Головин приходит к выводу, что «решение проблем политической социализации не может быть отдано лишь на усмотрение элит, а является делом общественности» [8]. А. Н. Елисеев и А. Ю. Кретов также считают, что партнёрство власти и институтов гражданского общества должно стать ключевым элементом молодёжной политики в России [9]. Особую важность разработки современных эффективных методик с учётом всего спектра имеющихся средств, в том числе, возможностей сети Интернет отмечает М. Р. Резаков [10]. В Докладах Общественной Палаты РФ указывается на необходимость вовлечения институтов гражданского общества в работу с молодёжью и отмечается повышение роли этих институтов в социально-политических процессах в стране¹². О необходимости консолидации государственных и общественных структур говорится в ноябрьском 2022 г. Указе Президента РФ, подчеркивается необходимость поддержки общественных проектов и институтов гражданского общества в области патриотического воспитания и сохранения историко-культурного наследия народов России¹³.

Происходящие геополитические изменения запустили процессы политизации российского гражданского общества, повышения роли институтов гражданского общества в социально-политических процессах, в том числе в процессе политической социализации российской молодёжи. Однако, актуальная официальная статистика по количеству некоммерческих организаций (НКО), задействованных в процессе политической социализации российской молодёжи, отсутствуют, доступные данные по этому вопросу носят фрагментарный характер. В статье О. Ю. Отрокова для некоммерческих организаций, ведущих деятельность по работе с молодёжью в России, приводится цифра немного более 2200 на начало 2021 года [11]. В докладе президента Общенационального союза некоммерческих организаций А. А. Айгистова «Некоммерческий сектор. Ключевые тренды и перспективы развития 2021–2022 гг.» деятельность в области духовно-нравственного, патриотического воспитания, в сфере детских и молодёжных инициатив ведут 28 523 организаций. В то же время, по сведениям региональных общественных палат, количество работающих, «активных НКО» не превышает 15–20% от их общего числа¹⁴. Таким образом, по приведённым данным можно сделать оценку, что в сфере работы с молодёжью в 2020 году было задействовано порядка 4200 некоммерческих организаций.

По данным реестра Министерства юстиции, на 2022 год в России зарегистрировано 14 563 некоммерческих организаций, имеющих в своем названии слова «молодёжь», «дети» в разных модификациях¹⁵. Используя оценку доли

¹² Доклад Общественной палаты РФ «О состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2021 год» // Общественная палата РФ. URL: https://www.oprf.ru/activity_documents (дата обращения: 08.01.2023).

¹³ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению... URL: https://u.to/_y1vHg (дата обращения: 08.01.2023).

¹⁴ О состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2019 год : Доклад Общественной палаты РФ // Общественная палата РФ. URL: https://www.oprf.ru/activity_documents (дата обращения: 08.01.2023).

¹⁵ Реестр некоммерческих организаций // Министерство юстиции Российской Федерации. URL: <http://unro.minjust.ru/NKOs.aspx> (дата обращения: 30.08.2022).

реально работающих организаций (15–20%), получаем 2200–2900 действующих в рассматриваемой сфере некоммерческих организаций в 2022 году. По данным Министерства экономического развития, в России на 2022 год зарегистрировано с включением в реестр СОНКО 1442 социально ориентированных некоммерческих организации, имеющие в своем наименовании слова «молодёжь», «дети», «юношеский» в разных вариантах¹⁶. Все эти организации можно считать активными, так как условием включения в реестр является подтверждённая деятельность на протяжении последних трех лет.

Приведенные выше оценки носят приблизительный характер ввиду отсутствия точных данных о характере проводимой этими организациями работы с молодёжью, связана ли она с деятельностью по политической социализации, по формированию национальной идентичности или носит иной характер. Обобщая полученные оценки, можно сделать вывод, что число некоммерческих организаций, работающих в сфере политической социализации российской молодёжи на постоянной основе или эпизодически, лежит в пределах от 1500 до 4000. Важно отметить, работа по координации деятельности институтов гражданского общества, по обеспечению этих организаций методическими материалами, нацеливающимися на решение общегосударственной задачи по формированию национальной идентичности, недостаточна и не отвечает запросам современной политической ситуации в мире.

Комплексная Модель политической социализации российской молодежи силами институтов гражданского общества. В настоящее время институты гражданского общества, как наиболее инициативные, мобильные и патриотично настроенные объединения, активно подключаются к процессам формирования ценностных ориентаций и национальной идентичности российской молодёжи. В качестве примера приведём деятельность некоммерческой организации «Инновационный центр развития и воспитания детей и молодёжи». На базе реализованных исследований специалистами организации проведена комплексная работа по теоретическому осмыслению, разработке и практической апробации комплексной Модели политической социализации российской молодёжи в современных условиях (далее Модель). Модель разработана специально для применения институтами гражданского общества, занимающимися вопросами формирования российской национальной идентичности, сохранения традиционных российских ценностей, гражданско-патриотического воспитания подрастающего поколения и включает теоретическую и практико-ориентированную части.

Теоретическая часть Модели основана на объединении субъект-объектного и субъект-субъектного подходов, на синергии принципов из пяти областей знаний – политологии, социологии, теории управления, педагогики, теории коммуникации, на применении актуальных средств политической социализации – дистанционно-личностное общение, система поощрения акторской гражданско-политической позиции, личный пример агента. В теоретической части сформулированы основные целевые ориентиры государственной политики в сфере гражданско-патриотического воспитания подрастающего поколения, формирования национальной идентичности, политической социализации

¹⁶Реестр социально ориентированных некоммерческих организаций, сформированный в соответствии с подпунктами «а» и «в» пункта 1 перечня поручений Президента Российской Федерации по итогам встречи с участниками общероссийской акции «Мы вместе» 30 апреля 2020 г // Минэкономразвития РФ. URL: <https://data.economy.gov.ru/analytics/sonko> (дата обращения: 31.08.2022).

российской молодежи. Эта часть включает два блока – ценностно-целевой, теоретико-методологический.

Практико-ориентированная часть Модели представлена в виде системы четырех взаимосвязанных блоков – содержательно-структурного, функционально-деятельностного, оценочно-результативного и сопроводительно-континуального.

Основной целью реализации Модели заявлено формирование социально ответственного гражданина с патриотической акторской политической позицией. Модель прошла неоднократную апробацию в форме всероссийских интернет-конкурсов патриотической направленности. Так, с применением всех положений и рекомендаций Модели, силами АНО «Инновационный центр развития и воспитания детей и молодежи» в продолжении последних шести лет организованы и проведены десять конкурсов по двум тематикам: «Гимн России понятиями словами» и «Расскажи миру о своей Родине». Разработанная Модель может быть использована и другими институтами гражданского общества в работе по политической социализации российской молодежи, в том числе по формированию российской национальной идентичности и сохранению традиционных российских ценностей.

Ниже кратко раскрыто содержание составляющих блоков теоретической и практико-ориентированной частей Модели, а также даны рекомендации по применению Модели институтами гражданского общества. Модель включает в себя шесть блоков.

Первый блок, ценностно-целевой, определяет цель, стоящую перед процессом политической социализации российской молодежи. Эта цель формулируется на основе целей развития Российской Федерации, поставленных высшим руководством страны исходя из текущей геополитической ситуации. Формулировка цели политической социализации детализируется в виде конкретных ценностных ориентаций из нормативно-правовых документов по данному вопросу. Для сохранения единства цели всех акторов процесса политической социализации, ценностно-целевой блок является неизменным для всех организаций, применяющих Модель в своей работе.

Второй, теоретико-методологический блок Модели также является инвариантным, а последующие четыре блока вариативны и разрабатываются под конкретное мероприятие по политической социализации. Второй, теоретико-методологический блок определяет научно-методические основы Модели. Блок состоит из двух компонентов – теоретического и методологического. Теоретический компонент включает подходы, факторы, виды, формы и механизмы социализационного процесса, лежащие в основе Модели. В Модели использован смешанный подход к процессу политической социализации, представляющий сочетание субъект-объектного и субъект-субъектного подходов. Сочетание двух подходов предполагает наличие целенаправленного вертикального процесса политической социализации, основанного на создании условий для сознательного принятия социализантом предложенных политических ценностей через рефлексию и понимание их истинности и практической значимости. Применение Модели предполагается преимущественно в рамках вторичной социализации, когда социализант воспринимает информацию осознанно, критически. Ведущим механизмом социализации является институциональный, включающий все психологические механизмы – рефлексию, идентификацию, подражание, импринтинг, экзистенциальный нажим. Агентом при институциональном механизме выступают институты гражданского общества.

Методологический компонент включает принципы и средства политической социализации, отобранные и разработанные для использования в рамках Модели. В основу Модели заложена синергия политических, социологических, педагогических, управленческих, коммуникативных принципов. Объединение принципов из разных областей знаний позволяет сделать Модель более эффективной в достижении целей политической социализации. Политические принципы позволяют заложить в Модель стратегическое видение и долгосрочное планирование, способствующее реализации национальных интересов Российской Федерации. Социологические принципы учитывают взаимодействие между социальными группами как источником социальных изменений. Управленческие принципы закладывают основу эффективного управления процессом социализации, позволяют сделать его более четким и ориентированным на результат. Педагогические принципы позволяют агрегировать опыт учителей и воспитателей, накопленный за многовековую историю педагогики по политической социализации молодёжи и передаче знаний от старшего поколения младшему. Коммуникативные принципы позволяют задействовать наработки теории коммуникации для обеспечения эффективной передачи идей от агента к социализанту с минимальными искажениями и максимальным уровнем понимания и принятия. Для использования в рамках Модели разработаны и применяются следующие средства политической социализации – дистанционно-личностное общение и система поощрения акторской гражданско-политической позиции.

В рамках *третьего, содержательно-структурного блока* Модели, происходит конструирование конкретного мероприятия по политической социализации российской молодёжи и создание команды для его реализации. В содержательном компоненте разрабатывается концепция мероприятия по политической социализации, осуществляется постановка целей для данного мероприятия, определяется механизм реализации этой концепции, происходит выбор формы мероприятия, а также определяются источники финансирования и конкретизируются географические и временные рамки мероприятия. В рамках структурного компонента конкретизируется объект политической социализации, определяется состав команды, список волонтеров и потенциальных сподвижников. Определение объекта политической социализации (социализант) для данного мероприятия происходит путем сужения объекта от «российская молодёжь» до более конкретной группы, так называемой «целевой аудитории». Субъектом политической социализации (агентом) выступает институт гражданского общества, проводящий данное мероприятие по политической социализации.

В *четвёртом, функционально-деятельностном блоке* определяются цели и функции всех участников процесса политической социализации, создаются регламенты и инструкции для сотрудников и волонтеров, обсуждаются условия взаимодействия со сподвижниками. Далее происходит практическая реализация запланированных мероприятий по политической социализации.

Пятый, оценочно-результативный блок регламентирует оценку результативности мероприятия. Оценка производится как по окончании мероприятия по политической социализации, так и в процессе его реализации.

Шестой, сопроводительно-континуальный блок обеспечивает непрерывность, планомерность работы в рамках Модели – и по окончании отдельного конкретного мероприятия продолжается работа с социализантами-участниками данного мероприятия, обеспечивается максимально возможная отдача от реализованного мероприятия и помощь наиболее отличившимся участникам

в дальнейшем продвижении и развитии, поддерживается работоспособность команды, социализанты вовлекаются в деятельность других агентов политической социализации.

Эффективное применение Модели предполагает цикличность и, одновременно, непрерывность реализации на практике процесса политической социализации, формирования национальной идентичности российской молодёжи силами институтов гражданского общества – практические мероприятия проводятся периодически через определённые временные интервалы, при этом работа с молодёжью по её политической социализации продолжается непрерывно.

Практика применения комплексной Модели политической социализации российской молодёжи силами институтов гражданского общества. Модель политической социализации молодёжи силами институтов гражданского общества прошла успешную апробацию в ходе проведения за период с 2017 по 2022 годы десяти всероссийских интернет-конкурсов патриотической направленности «Гимн России понятными словами» и «Расскажи миру о своей Родине».

В основу концепции конкурса «Гимн России понятными словами», в соответствии с положениями первых трех блоков Модели, положена установка – всероссийский проект по патриотическому воспитанию детей и молодёжи, призванный пробудить интерес к государственным символам и истории России, способствовать повышению гражданской инициативы. Цель конкурса – сформировать в российской молодёжной среде понимание идеологического содержания Гимна России в качестве основы патриотического воспитания подрастающего поколения, сформировать у участников конкурса ценностные ориентации, входящие в группу патриотических и гражданских. В процессе подготовки работ участники знакомятся с содержанием гимна, выясняют значение непонятных для них слов и создают текстовые, фото- и видео-работы, позволяющие им самим глубже понять смысл текста. Сознательное, заинтересованное участие в таком конкурсе приводит к естественному росту у участников патриотизма, любви к Родине и гордости за страну.

В рамках функционально-деятельностного блока Модели организаторами определены функции и созданы инструкции для всех участников процесса политической социализации и осуществлена практическая реализация конкурса.

В рамках оценочно-результативного блока определяется результативность конкурса по формированию политически значимых ценностных ориентаций его участников. В качестве критериев результативности использовались: показатели изменения политически значимых ценностных ориентаций участников конкурса (самооценка по результатам опроса), количество участников, географический, возрастной, социальный охват, количество привлечённых сподвижников и волонтеров, количество публикаций в средствах массовой информации, в сети Интернет и пр. Опрос был направлен на выявление изменений сформированности девяти гражданских, патриотических и духовно-нравственных ценностных ориентаций, установленных Федеральными государственными образовательными стандартами, и показал положительную направленность изменений политически значимых ценностных ориентаций, личностных установок и убеждений участников. В опросе приняли участие 166 конкурсантов 2017–2021 гг. из 85 регионов России. На вопрос «Появился ли у вас интерес к изучению родного языка, истории, культуры после участия в конкурсе?» 69,3% ответили «да», 31,9% «скорее да». На вопрос «Появилось ли желание принимать активное участие в жизни семьи, школы, родного края, страны после участия

в конкурсе?» – 72,3% «да», 25,9% «скорее да». На вопрос «Появилось ли после участия в конкурсе желание придерживаться таких качеств, как честность, верность, заботливость, уважение, трудолюбие, сопереживание и прочих?» – 77,1% «да», 21,1% «скорее да».

Большую роль в повышении эффективности работы по проведению интернет-конкурсов патриотической направленности имеет активная поддержка со стороны государственных и всероссийских общественных организаций, – Комитета Государственной Думы РФ по вопросам семьи, женщин и детей, Министерства просвещения РФ, Министерства Обороны РФ, Общероссийского Народного фронта.

В соответствии с положениями сопроводительно-континуального блока Модели деятельность по политической социализации молодёжи в рамках мероприятий Конкурса должна вестись целенаправленно и непрерывно. Поэтому и после официального подведения итогов каждого конкурса работа с молодёжью не прекращается – продолжается освещение проекта в социальных сетях, публикация всех работ участников и ведение тематических рубрик о нашей Родине, о народных обычаях и государственных традициях, проводятся выставки лучших работ, интервью с победителями, обучающие вебинары, на регулярной основе осуществляются рассылки новостей проекта, отличившиеся участники конкурса имеют возможность пройти обучение на онлайн-курсе по развитию лидерских качеств, принять участие в других мероприятиях гражданско-патриотической направленности.

За шесть лет в конкурсе «Гимн России понятными словами» приняло участие более 10 500 детей и подростков из 88 регионов России. Важно отметить, что именно в 2022 году, в условиях резко обострившейся международной обстановки, отмечен значительный рост востребованности подобных мероприятий среди участников – детей и молодёжи: количество участников конкурса в 2022 г. по сравнению с 2021 г. выросло почти в пять раз и составило 4 350 человек из 86 регионов России, количество волонтеров, помощников выросло более, чем в 4 раза, количество экспертов, квалифицированных энтузиастов – более, чем в 2 раза.

Рекомендации по повышению результативности деятельности институтов гражданского общества в процессе формирования национальной идентичности российской молодёжи. Приведённый пример успешной деятельности некоммерческой организации по формированию национальной идентичности российской молодёжи подтверждает востребованность такой деятельности и значительный потенциал институтов гражданского общества в этом процессе. По мнению автора, приведённая Модель политической социализации российской молодёжи институтами гражданского общества может стать эффективным методическим и практическим основанием в работе общественных организаций в сфере гражданско-патриотического воспитания российской молодёжи. Важной структурной особенностью модели является наличие постоянной, общей для всех акторов процесса политической социализации, теоретической, целеполагающей части и изменяемой, адаптируемой к конкретным условиям проекта, практико-ориентированной части. Практическая направленность данной теоретико-методологической разработки полностью отвечает современным требованиям ориентации науки на практическое применение, на создание условий для устойчивого развития Российской Федерации. Именно об этом в своей предвыборной программе говорил Президент Российской Академии наук

Г. Я. Красников¹⁷. Применение описанной комплексной Модели рекомендуется для повышения результативности деятельности институтов гражданского общества в процессе формирования национальной идентичности российской молодёжи.

Заключение. Приведённые данные социологических исследований наглядно демонстрируют, что у значительной части молодых людей в нашей стране в недостаточной степени сформирована национальная идентичность, готовность работать ради общего блага и процветания Родины. Формирование национальной идентичности молодёжи в современных условиях приобретает важнейшую роль для обеспечения стабильного развития страны, её национальной безопасности и должно стать доминантой современного процесса политической социализации российской молодёжи, общей задачей для государства и для гражданского общества. В этих условиях возрастает роль, расширяются функции и формы участия институтов гражданского общества в социально-политической жизни страны. В настоящее время уровень вовлечённости институтов гражданского общества в процесс формирования национальной идентичности, политической социализации российской молодёжи недостаточен, что во многом объясняется отсутствием качественных методических материалов и рекомендаций.

Положительным примером эффективной и системной деятельности института гражданского общества по политической социализации молодёжи во всероссийском масштабе может служить деятельность АНО «Инновационный центр развития и воспитания детей и молодёжи». В частности, разработанная и апробированная организацией комплексная Модель политической социализации российской молодёжи в современных условиях. Модель разработана специально для применения институтами гражданского общества, занимающимися вопросами гражданско-патриотического воспитания подрастающего поколения и включает как теоретическую, целеполагающую так и практико-ориентированную части.

Модель содержит как неизменные для всех акторов процесса политической социализации элементы, так и вариативные, для возможной адаптации к конкретным условиям применения. На основании отмеченной универсальности, а также успешных примеров апробации, автор рекомендует Модель к применению общественными организациями для оптимизации работы при реализации проектов по гражданско-патриотическому воспитанию, по формированию национальной идентичности, по политической социализации подрастающего поколения Российской Федерации.

Библиографический список

1. Образ будущего России глазами молодежи / В. С. Комаровский, А. А. Беляков, О. А. Бориско [и др.]. М. : Аспект Пресс, 2021. 224 с. ISBN 978-5-7567-1113-4. EDN [VXQJQN](#).
2. *Комаровский В. С.* Образ желаемого будущего России: проблемы формирования // Власть. 2020. Т. 28, № 1. С. 45–50. DOI [10.31171/vlast.v28i1.7041](#). EDN [JLPADV](#).
3. *Комаровский В. С.* Формирование национально-государственной идентичности России: вызовы и риски // Власть. 2015. Т. 23, № 3. С. 20–27. EDN [TNRRET](#).
4. *Сащенко Н. П.* Структура социальных представлений молодёжи о России: проблема идентичности // Наука. Культура. Общество. 2020. Т. 26, № 3. С. 8–18. DOI [10.19181/2308829X-2020-3.1](#). EDN [YHSCHW](#).

¹⁷ Предвыборная программа Геннадия Красникова: новый облик и новое будущее РАН // Российская Академия Наук. 7.09.2022. URL: <https://u.to/4FFvHg> (дата обращения: 01.01.2023).

5. Ильичева Л. Е., Розачев С. В. Риски и вызовы социальной консолидации российского общества в условиях цивилизационной трансформации // Власть. 2022. Т. 30, № 5. С. 88–97. DOI [10.31171/vlast.v30i5.9243](https://doi.org/10.31171/vlast.v30i5.9243). EDN [ANVYMN](https://www.edn.ru/ANVYMN).
6. Ценностные ориентации российской молодежи и реализация государственной молодежной политики : результаты исследования / Под общ. ред. С. В. Чуева. М. : ГУУ, 2017. 131 с. ISBN 978-5-215-02993-0. EDN [ZRSCWZ](https://www.edn.ru/ZRSCWZ).
7. Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Российская молодежь в контексте социологического анализа. М. : ФНИСЦ РАН, 2019. 263 с. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-317-1](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-317-1). EDN [ZRVPCL](https://www.edn.ru/ZRVPCL).
8. Головин Н. А. Политическая социализация: теоретико-методологические основы исследования : дис. ... д. социол. наук : 22.00.01 / Головин Николай Александрович. СПб., 2004. 414 с. EDN [NNPZVN](https://www.edn.ru/NNPZVN).
9. Елисеев А. Л., Кретов А. Ю. Роль институтов гражданского общества в формировании механизмов и технологий реализации государственной молодежной политики в современной России // Среднерусский вестник общественных наук. 2016. Т. 11, № 3. С. 95–103. DOI [10.12737/20389](https://doi.org/10.12737/20389). EDN [WDIHNV](https://www.edn.ru/WDIHNV).
10. Резаков М. Р. Патриотизм как фактор политической жизни современной России: дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / Резаков Максим Равильевич. Пятигорск, 2018. 215 с. EDN [WWKAEQ](https://www.edn.ru/WWKAEQ).
11. Отроков О. Ю. Специфика деятельности некоммерческих организаций России в направлении политической социализации молодежи // Власть. 2021. Т. 29, № 2. С. 212–217. DOI [10.31171/vlast.v29i2.8048](https://doi.org/10.31171/vlast.v29i2.8048). EDN [CLESFG](https://www.edn.ru/CLESFG).

Поступила в редакцию: 11.01.2023. Принята к печати: 09.02.2023.

Сведения об авторе:

Аверкиева Екатерина Владимировна, соискатель Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН; президент АНО «Инновационный центр развития и воспитания детей и молодёжи». Москва, Россия. averkieva.edu@gmail.com
Author ID РИНЦ: 1126775 ORCID: 0000-0001-51126775

E. V. Averkieva^{1,2}

¹ Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS.

² ANO “Innovative Center for the Development and Education of Children and Youth”.
Moscow, Russia.

CIVIL SOCIETY INSTITUTIONS IN THE FORMATION OF THE NATIONAL IDENTITY OF YOUNG PEOPLE

Abstract. Cardinal civilizational transformations, changes in geopolitics and international relations are taking place. Under these conditions, the formation of the national identity of citizens plays an important role in ensuring the stability of the development of the state. The analysis carried out shows that a significant part of Russian young people has insufficiently formed national identity, willingness to work for the common good and prosperity of the Motherland. In recent years, the state has paid special attention to the formation of the national identity of young people. There is also a noticeable increase in the involvement of civil society in the political life of the country, but for the effective work of civil society institutions in the formation of national identity, the political socialization of Russian youth, there are not enough methodological developments, recommendations and technological materials. The autonomous non-profit organization “Innovative Center for the Development and Education of Children and Youth” has developed a complex Model of the political socialization of Russian youth by the institutions of civil society, which includes detailed theoretical and practice-oriented parts and is designed to become a key methodological material in the field

of socio-patriotic work with youth of non-profit civil organizations. organizations. The developed Model has been successfully tested for six years on the example of ten All-Russian Internet contests of a patriotic orientation and can be recommended for use in the work of a wide range of Russian civil society institutions.

Keywords: national identity; political socialization; civil society institutions; non-profit organizations; Russian youth; value orientations; politicization of civil society

For citation: Averkieva E. V. (2023) Civil society institutions in the formation of the national identity of young people. *Science. Culture. Society*. Vol. 29. No. 1. P. 38–50. DOI 10.19181/nko.2023.29.1.3

References

1. Komarovskiy V. S., Belyakov A. A., Borisko O. A. [et al.]. The image of the future of Russia through the eyes of youth [own]. Moscow: Aspect Press; 2021. 224 p. ISBN 978-5-7567-1113-4 (in Russ.).
2. Komarovskiy V. S. Image of the desired future of Russia: problems of formation. *Vlast'=The Authority*. 2020;28(1):45–50. DOI 10.31171/vlast.v28i1.7041 (in Russ.).
3. Komarovskiy V. S. Formation of the national-state identity of Russia: challenges and risks. *Vlast'=The Authority*. 2015;23(3):20–27 (in Russ.).
4. Sashchenko N. P. Structure of young people's social perceptions of Russia: the problem of identity. *Science. Culture. Society*. 2020;26(3):8–18. DOI 10.19181/2308829X-2020-3.1 (in Russ.).
5. Ilyicheva L. E., Rogachev S. V. Challenges and risks of social consolidation of the Russian society in conditions of civilizational transformation. *Vlast'=The Authority*. 2022;30(5):88–97. DOI 10.31171/vlast.v30i5.9243 (in Russ.).
6. Chuev S. V. (ed.). Value orientations of Russian youth and implementation of state youth policy: research results [own]. Moscow: GUU Publ.; 2017. 131 p. ISBN 978-5-215-02993-0 (in Russ.).
7. Gorshkov M. K., Sheregi F. E. Russian youth within the context of sociological analysis. Moscow: FCTAS RAS; 2019. 263 p. DOI 10.19181/monogr.978-5-89697-317-1 (in Russ.).
8. Golovin N. A. Political socialization: theoretical and methodological foundations of the study. Doctor Degree Thesis. SPb.: 2005. 414 p. (in Russ.).
9. Eliseev A. L., Kretov A. Yu. The role of civil society institutions in the formation of mechanisms and technologies of realization of state youth policy in modern Russia. *Central Russian Journal of Social Sciences*. 2016;11(3):95–103. DOI 10.12737/20389 (in Russ.).
10. Rezakov M. R. Patriotism as a factor in the political life of modern Russia. Candidate Degree Thesis. Pyatigorsk; 2018. 215 p. (in Russ.).
11. Otrokov O. Yu. The specificity of activities of non-profit organizations in Russia in the direction of political socialization of youth. *Vlast'=The Authority*. 2021;29(2):212–217. DOI 10.31171/vlast.v29i2.8048 (in Russ.).

Received: 11.01.2023. Accepted: 09.02.2023.

Information about the author:

Ekaterina V. Averkieva, PhD applicant, Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS; President, ANO "Innovative Center for the Development and Education of Children and Youth". Moscow, Russia. averkieva.edu@gmail.com
ORCID: 0000-0001-5108-2964

DOI 10.19181/nko.2023.29.1.4
EDN STFFVG
УДК 316.7

Е. М. Мчедлова¹

¹ Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН.
Москва, Россия.

ДИНАМИКА СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ В УСЛОВИЯХ СТАНОВЯЩЕГОСЯ НОВОГО МИРА

Аннотация. В статье показаны изменения, происходящие с социокультурными, идеологически-ми процессами и массовым сознанием в условиях не вполне благоприятной социально-политической обстановки. В этой связи актуальными для изучения становятся вопросы дальнейшего социокультурного развития страны, форм и методов социальных трансформаций. Динамика происходящих в стране социокультурных процессов свидетельствует о том, что Россия не может исповедовать западные ценности и следовать далее западному вектору развития, несмотря на давление со стороны. В основу статьи легли результаты исследования Центра социологии идеологических и социокультурных процессов ИСПИ ФНИСЦ РАН, проведённого в 2022 году, на которые наложили отпечаток и начало постпандемического периода и начало специальной военной операции. Исследование было проведено в Москве, Мурманской, Архангельской областях, Ненецком автономном округе. Особому изучению подверглись социал-демократические ценности: права и свободы человека, безопасность, социальная защищённость, а также уровень доверия к религиозным институтам. Автор приходит к выводу, что динамика социокультурных процессов не может двигаться дальше без улучшения геополитической ситуации с её ограничительными мерами и прочими препятствиями.

Ключевые слова: социокультурные процессы; права человека; социальные трансформации; массовое сознание; религиозные организации

Для цитирования: Мчедлова Е. М. Динамика социокультурных процессов в условиях становящегося нового мира // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29, № 1. С. 51–59. DOI 10.19181/nko.2023.29.1.4. EDN STFFVG

Введение. Становление нового миропорядка сопровождается динамичными процессами как в социально-политической, так и в социально-культурной, духовной сферах. Современная ценностная система координат демонстрирует, что традиционное отношение ко всему существующему претерпевает значительные изменения, особенно в связи с неблагоприятной социально-политической обстановкой. Время и динамика социально-политических и социокультурных процессов в России свидетельствуют о дальнейшей невозможности следовать развитию по пути западных ориентиров на основе либеральных ценностей, а попытки их реализации себя не оправдывают. Политологи, социологи, философы, составляющие костяк нынешнего идеологического дискурса, рассуждают о наступлении эпохи нового миропорядка, передела мира, исходя из внутренних национальных интересов и национальной безопасности стран, но на основе традиционных идей и ценностей, характерных для тех или иных территорий. Динамика и глубина социокультурных трансформаций отражается в цивилизационной карте современного мира [1–4; 5, с. 59; 6–7].

Методы и результаты исследования. Исследования отечественных социологов показывают преемственность, следование этническим культурным традициям, особенно в семейных отношениях. Современная социокультурная и идеологическая действительность характеризуется взаимозависимостью и взаимопроникновением духовности, культуры (в том числе культуры мира), гражданско-правовых и морально-этических норм [8; 9]¹.

Центром социологии идеологических и социокультурных процессов Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН при участии автора было проведено исследование в Центральном (г. Москва) и Северо-Западном федеральных округах (Мурманская, Архангельская области, Ненецкий автономный округ). Особому рассмотрению подверглись социал-демократические ценности – права и свободы человека, безопасность, социальная защищенность и другие, их сохранение и динамика развития. Отметим, что социологические исследования, проводимые в 2022 году, значимы как с точки зрения постпандемического периода, так и в качестве социального отражения обострившейся геополитической ситуации.

Начнем с оценки ситуации в социокультурной сфере (см. табл. 1).

Таблица 1

«Каково социокультурное положение в стране?»
(2022, % от числа опрошенных)

Варианты ответа	Москва	Архангельск	Мурманск	Ненецкий АО
Благополучное	54	56	56	58
Неблагополучное	23	22	24	22
Кризисное	12	13	13	12
Затруднились ответить	11	9	7	8

Источник: Центр социологии идеологических и социокультурных процессов ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Немногим более половины жителей Севера сочли состояние социокультурной сферы в достаточной мере благополучной. Означает ли это, что ценности реализуются? Следующая таблица и компаративный анализ позитивных мнений жителей Москвы и северных регионов демонстрирует место и число приоритетных социально-демократических ценностей (см. табл. 2 и 3).

Таблица 2

«Обеспечиваются ли государством права человека?»
(2022, % от числа опрошенных)

Варианты ответа	Москва	Архангельск	Мурманск	Ненецкий АО
Да	50	63	61	66
Нет	32	31	33	28
Затрудняюсь ответить	18	6	6	6

Источник: Центр социологии идеологических и социокультурных процессов ИСПИ ФНИСЦ РАН.

¹ Respecting democracy, rule of law and human rights in the framework of the COVID-19 sanitary crisis : information document SG/Inf(2020)11 // Council of Europe. URL: <https://u.to/GxN2Hg> (accessed: 15.12.2022).

Половина респондентов в Центральном округе и почти две трети в Северных округах полагают, что права человека в стране обеспечиваются. В то же время достаточно большое число опрошенных предполагают, что говорить об этом преждевременно. Неизменно актуальным остается то, что государство, сообразуясь с международно-правовыми нормами и собственной обновленной конституцией, гарантирует равенство прав и свобод человека, равенство перед законом и т.д. Вместе с тем, специальная военная операция на Украине объективно снизила оценку общественного мнения, поскольку военные действия любого формата влекут за собой массовое нарушение прав человека (главным образом, на жизнь, здоровье и др.). То же самое относится и к развернувшейся эпидемии COVID-19, которая также нанесла урон правам человека. И всё же, что является принципиально новым, Российская Федерация выступает за обеспечение традиционных общечеловеческих норм и ценностей (в том числе семейных), с использованием новых форм и методов международной защиты прав человека. И люди поддерживают это.

Таблица 3

«Обеспечиваются ли государством социальные гарантии»
(2022, % от числа опрошенных)

Варианты ответа	Москва	Архангельск	Мурманск	Ненецкий АО
Да	67	64	63	72
Нет	22	32	32	21
Затрудняюсь ответить	11	4	5	7

Источник: Центр социологии идеологических и социокультурных процессов ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Судя по полученным результатам опросов, высоко положительным остается мнение в отношении социальной защищённости. Оценка жителями так называемых Арктических регионов социальной политики государства весьма высока. Вместе с тем, в среднем в Центральном округе каждый пятый недоволен проводимой социальной политикой, а в Северо-Западном – лишь несколько процентов. Значит, курс руководства страны соответствует потребностям людей (по крайней мере, в северных широтах), хотя имеются и препятствующие факторы. Представляется, что уже наметилась тенденция к его выполнению и в остальных регионах России.

Следует отметить, что настроения масс в начале постпандемического периода несколько изменились. Специальная военная операция на территории Украины и последовавшая за ней череда экономических санкций со стороны США и Европы, повлияв на эти перемены, трансформировали массовое сознание в сторону более низких оценок и более пессимистичных прогнозов. Образы и идеалы ближайшего светлого будущего оказались отложенными. Данные опроса показали следующую картину (см. табл. 4):

Исходя из распределения ответов респондентов, довольно большая доля населения опрошенных регионов полагают, что ситуация останется прежней (неизвестно, надолго ли), но надежда на то, что уровень социальной защищённости поднимется, и на то, что гарантии государством будут непременно обеспечены, все-таки имеется.

На безопасности как одной из норм человеческого и общественного состояния также основной акцент сделали респонденты во всех изучаемых регионах (см. табл. 5).

Таблица 4

«Повысится ли уровень социальной защищённости?»
(2022, % от числа опрошенных)

Варианты ответа	Москва	Архангельск	Мурманск	Ненецкий АО
Да	33	39	42	38
Нет	9	10	7	10
Примерно так же	34	41	41	38
Затруднились ответить	24	0	10	14

Источник: Центр социологии идеологических и социокультурных процессов ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Таблица 5

«Обеспечивается ли государством безопасность граждан?»
(2022, % от числа опрошенных)

Варианты ответа	Москва	Архангельск	Мурманск	Ненецкий АО
Да	73	21	26	24
Нет	17	78	74	76
Затрудняюсь ответить	10	1	–	–

Источник: Центр социологии идеологических и социокультурных процессов ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Результаты последнего опроса выявили достаточно низкий показатель обеспечения безопасности граждан. Оценка респондентами столь актуального показателя, несколько улучшившись в 2020-м году, – теперь снова ухудшилась. Свою роль тут, вероятно, сыграли пандемия COVID-19, специальная военная операция и её отголоски, экономические санкции, в результате которых под угрозой оказались, в том числе, экономическая, продовольственная и иные виды безопасности. В достаточной безопасности себя чувствуют лишь жители столичного мегаполиса. Среди жителей северных регионов в безопасности себя чувствует примерно каждый четвёртый житель, а три четверти не считают свое существование безопасным. Значит, эта социально-демократическая ценность в стране на данный момент обеспечена не полностью. В этой связи возникает вопрос о перспективах динамичного развития ситуации: стоит ли ждать улучшения в этой области (см. табл. 6).

Таблица 6

«Будет ли в будущем жить более спокойно и безопасно?»
(2022, % от числа опрошенных)

Варианты ответа	Москва	Архангельск	Мурманск	Ненецкий АО
Да	33	40	44	42
Нет	18	9	7	9
Как сейчас	30	40	36	35
Затруднились ответить	19	11	13	14

Источник: Центр социологии идеологических и социокультурных процессов ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Сравнительно большое число респондентов не выразило оптимизма по этому поводу, особо не надеясь на скорейшее улучшение ситуации. Похоже, что государство в данном случае топчется на месте, хотя около трети жителей регионов Арктики видят более положительную перспективу, а каждый пятый из них не смог дать однозначного ответа.

Учитывая, что гражданское общество с полностью обеспеченными нормами демократии в России еще только формируется, про реализованную социальную справедливость говорить еще рано. Дальнейший компаративный анализ позитивных мнений жителей Москвы и регионов продемонстрировал число и место иных приоритетных социально-демократических ценностей (см. табл. 7).

Таблица 7

«Обеспечивается ли государством...?»
(2022, % от числа опрошенных)

Социально-демократические ценности	Москва	Архангельск	Мурманск	Ненецкий АО
Толерантность	35	56	56	64
Свобода слова, мнений	33	58	57	61
Равенство перед законом	42	40	41	44
Свобода политического выбора	37	62	68	68
Свобода совести и вероисповедания	83	88	88	87

Источник: Центр социологии идеологических и социокультурных процессов ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Из изучаемых демократических ценностей в достаточной мере обеспечены лишь свобода совести и вероисповедания (т.е. религиозного выбора), свобода политического выбора и свобода слова, а конкретно в северных регионах – еще и толерантность. Концепция прав человека и толерантности не допускает никаких серьезных ограничений ни в каких сферах, включая религиозную. Вероятно, Закон о свободе совести и религиозных объединениях снижает риск возникновения конфликтов; отсутствие же преследования ведет к самореализации личности и саморегулированию своего публичного поведения.

Отношение к религиозным институтам. По мнению ряда исследователей, на протяжении исторического развития стран модернизационные процессы в социокультурной сфере привели к достаточно широкому распространению светской культуры, преобразующей «прежнюю цивилизационную идентичность». Таким образом, изменилось и сознание религиозно настроенных людей. Религиозные организации и объединения, которые социологи религии рассматривают в качестве акторов социокультурных процессов в стране, консолидируют людей на основе идеологических и мировоззренческих ценностей (используя духовное наследие мировых и национальных религий). В настоящее время религиозные институты всё активнее участвуют в общественной и политической жизни стран, а в их идеологии превалирует идея конфессиональной идентичности² [10–14].

² Государственные и общественные организации с участием РПЦ // Официальный сайт Московского патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/organizations/30911> (дата обращения: 15.12.2022).

В ходе исследования мы интересовались у граждан изучаемых регионов, как они относятся, в частности, к церкви и религиозным организациям (см. табл. 8).

Таблица 8

Отношение к религиозным организациям
(2022, % от числа опрошенных)

Варианты ответа	Москва	Архангельск	Мурманск	Ненецкий АО
Доверяют	44	43	43	49
Не доверяют	37	43	43	37
Затруднились ответить	19	14	14	19

Источник: Центр социологии идеологических и социокультурных процессов ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Данные, полученные со всех изучаемых регионов, по этому вопросу практически не разнятся. Позитивные и негативные значения также близки: сколько доверяют деятельности религиозных организаций, почти столько же – не доверяют. Сказывается, прежде всего, социально-политическая, а также эпидемиологическая и довольно трудная ситуация с коммуникацией и коммуникационными обменами.

Современное понимание религии (с точки зрения политологии и социологии), основанное на сегодняшнем её месте в обществе, по-новому интерпретирует социокультурные и социально-политические явления современности, а конфессиональная самоидентификация чаще всего сопряжена с определенной культурно-цивилизационной традицией. Тем более, что на сегодняшний день участие в религиозных практиках резко снизилось: вероятно, социально-политические и социокультурные процессы последнего времени вытеснили традиционное отношение к ним, практически исключив их из повседневной жизни. Конфессиональная идентичность, таким образом, становится маркером и параметром современных общественно-культурных процессов [15; 16].

Выводы. Геополитические события последнего времени и их общественный резонанс в России максимизируют инициацию проведения диалогов о способах и формах использования духовного капитала (ценностей) в культуре и политике. В частности, в целях формирования российской общегражданской идентичности, что могло бы способствовать, в том числе, социальной интеграции. Парадоксально, но в условиях становления нового мира, наполненного разнообразными рисками и угрозами, эти события лишь сопровождают сохранность в неизменном виде культурных исторических ценностей и традиций. В современных модернистских идеях можно отследить и политическую (зачастую воинственную), и духовно-нравственную, гуманистическую направленность. Ценностная же мотивация, несмотря на трансформации в социокультурной и других сферах, всегда была, остается и, вероятно, в будущем останется верной духовно-нравственным принципам (свойственным, в том числе, любой религии), которые неизменно подвержены устойчивости и универсализму. Благодаря этому, социальное самочувствие также соответствующим образом трансформируется.

На сегодняшний день доминантами в сознании россиян являются «консервативные», традиционные идеи и ценности – порядок, семья, стабильность, усиливающаяся роль государства во всех сферах жизни и т.п. На передний план также выступили милосердие и благотворительность, поддерж-

ка малоимущих, патриотизм, социальное служение, добродетель, сохранение культурного наследия, миротворчество и т.д. Россияне стали ценить такие черты, как доброжелательность, уважение, искренность, душевность, готовность помочь, честность. Видна положительная динамика и по таким пунктам, как общение, ответственность за семью, чувство товарищества, способность к сотрудничеству. Стоит отметить, что в последнее время качество общения и личностных взаимоотношений улучшилось. Массовое сознание россиян остается в большей степени секулярным, а оценка будущего не допускает религиозный проект в качестве доминирующего.

Вместе с тем, в воображении рисуются такие образы и идеалы, как экономическая стабильность, прогресс в образовании, формирование здорового поколения, процветание, благополучие страны, сильное государство. Однако, наблюдается определенная доля населения (она примерно вдвое меньше), которая смутно представляет картину будущего, зачастую видя Россию как страну, имеющую недостатки, слабую, находящуюся в изоляции, а само будущее кажется им призрачным. Важно отметить, что тех, кто предполагает светлое будущее для себя и для России, – большинство. Мы не знаем, что может ждать Россию в общественно-культурной и в идеологической сфере, но весьма вероятно, что на вооружение будет взята концепция прав человека, куда входят защита прав и свобод, толерантность, нравственность, достоинство личности, ответственность, диалог за мир и единение, взаимное равноправное сотрудничество и др. В перспективе общественного развития – воплощение в жизнь этой концепции и возможно полное обеспечение демократических ценностей. Однако, социокультурные процессы не смогут динамично развиваться – по крайней мере до тех пор, пока существует неблагоприятная геополитическая обстановка с её непродуктивными ограничениями, различного рода препятствиями и барьерами.

Библиографический список

1. Вызовы цифрового будущего и устойчивое развитие России. Социально-политическое положение и демографическая ситуация в 2017–2018 годах / Э. М. Андреев, В. Н. Архангельский, В. А. Афанасьев [и др.]. М. : Перспектива, 2018. 716 с. ISBN 978-5-905790-36-2. EDN [XYSMXZ](#).
2. Российское общество и государство в условиях пандемии: социально-политическое положение и демографическое развитие Российской Федерации в 2020 году / Г. В. Осипов, В. К. Левашов, С. В. Рязанцев [и др.]. М. : Перспектива, 2020. 532 с. DOI [10.38085/978-5-905790-48-5-2020-1-532](#). EDN [KINMZW](#).
3. О чем мечтают россияне: идеал и реальность / М. К. Горшков, Р. Крумм, Н. Е. Тихонова [и др.]. М. : Весь Мир, 2013. 400 с. ISBN 978-5-7777-0538-9. EDN [RVDLRF](#).
4. Столицы и регионы в современной России : мифы и реальность пятнадцать лет спустя / М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова, В. А. Аникин [и др.]. М. : Весь Мир, 2018. 312 с. ISBN 978-5-7777-0713-0. EDN [YKZSDX](#).
5. *Андреев А. Л.* Россияне и европейцы: культурно-психологические особенности людей и обществ // Россия и Европа. История, традиции и современность. Том I. М. : Вече, 2014. С. 50–99. EDN [TZAHNB](#).
6. *Инглхарт Р., Вельцель К.* Модернизация, культурные изменения и демократия : последовательность человеческого развития / Пер. с англ. М. Коробочкина. М. : Новое издательство, 2011. 464 с. ISBN 978-5-98379-144-2. EDN [QOMHTL](#).
7. *Никонов В. А.* Цивилизационная карта современного мира // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). 2012. № 3. С. 3–40. EDN [PEUXMF](#).
8. Как живешь, Россия? Экспресс-информация. 52 этап социологического мониторинга, май 2022 года / В. К. Левашов, Н. М. Великая, И. С. Шушпанова [и др.]. М. : ФНИСЦ РАН, 2022. 91 с. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-400-0.2022](#). EDN [BNJMLL](#).

9. Иванов В. Н. Идеология: pro et contra. М. : У Никитских ворот, 2021. 72 с. ISBN 978-5-00170-436-2. EDN [AUFYNT](#).
10. *Эйзенштадт Ш.* Новые религиозные конstellации в структурах современной глобализации и цивилизационная трансформация // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2012. Т. 30, № 1. С. 57–89. EDN [PCJTQN](#).
11. Религия в современной России: контексты и дискуссии / Отв. ред. М. М. Мчедлова. М. : РУДН, 2019. 393 с. ISBN 978-5-209-09726-6. EDN [VFZUZZ](#).
12. *Лункин Р. Н.* Церкви в политике и политика в церквях. Как современное христианство меняет европейское общество. М. : Нестор-История, 2020. 504 с. ISBN 978-5-4469-1764-8. EDN [RXMKHE](#).
13. *Комлева В. В.* Религиозные институты в международном гуманитарном сотрудничестве // Этносоциум и межнациональная культура. 2017. № 6(108). С. 130–141. EDN [ZELRGV](#).
14. *Haynes J., Henning A.* Religious actors in the public sphere. Means, objectives and effects. London : Routledge, 2011. 248 p. ISBN 978-0415610353. DOI [10.4324/9780203807354](#).
15. *Johnson J., Stepaniants M., Forest B.* Religion and identity in modern Russia. The revival of orthodoxy and islam. London : Routledge, 2017. 176 p. ISBN 978-1315244808. DOI [10.4324/9781315244808](#). EDN [JOEZAW](#).
16. Religions, Identities, Policies (Points of Convergence and Divergence) : book of abstracts (Serbia, May 22–23, 2020). Serbia : Institute of Social sciences, 2020. 75 p. ISBN 978-86-7093-231-9. EDN [XAIOOQ](#).

Поступила в редакцию: 22.12.2022. Принята к печати: 06.02.2023.

Сведения об авторе:

Мчедлова Елена Мирановна, доктор социологических наук,
ведущий научный сотрудник Института социально-политических исследований
Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН.

Москва, Россия.

HMtchedlova@mail.ru

Author ID РИНЦ: 391115

ORCID: 0000-0001-7041-4741

E. M. Mchedlova¹

¹ Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS.
Moscow, Russia.

THE DYNAMICS OF SOCIOCULTURAL PROCESSES IN CONDITIONS OF THE EMERGING NEW WORLD

Abstract. The article shows the changes taking place with socio-cultural, ideological processes and mass consciousness under the conditions of not quite favorable socio-political situation. In this regard, the issues of further socio-cultural development of the country, forms and methods of social transformation become relevant for the study. The dynamics of the socio-cultural processes taking place in the country show that Russia cannot confess Western values and follow the Western vector of development, despite the pressure from outside. The article is based on the results of a study conducted by the Center for the sociology of ideological and socio-cultural processes, ISPR FCTAS RAS, conducted in 2022, which was influenced by both the beginning of the post-pandemic period and the beginning of a special military operation. The study was conducted in Moscow, the Murmansk and Arkhangelsk oblasts, and the Nenets Autonomous Okrug. Social democratic values: human rights and freedoms, safety, social security, as well as the level of trust in religious institutions, were subjected to a special study. The author concludes that the dynamics of socio-cultural processes cannot move forward without improving the geopolitical situation with its restrictive measures and other obstacles.

Keywords: sociocultural processes; human rights; social transformations; mass consciousness; religious organizations

For citation: Mchedlova E. M. (2023) The dynamics of sociocultural processes in conditions of the emerging new world. *Science. Culture. Society*. Vol. 29. No. 1. P. 51–59. DOI 10.19181/nko.2023.29.1.4

References

1. Andreev E. M., Arkhangel'skii V. N., Afanasev V. A. [et al.]. Challenges of the digital future and sustainable development of Russia. Socio-political situation and demographic situation in 2017–2018 [own]. Moscow: Perspektiva Publ.; 2018. 716 p. ISBN 978-5-905790-36-2 (in Russ.).
2. Osipov G. V., Levashov V. K., Ryazantsev S. V. [et al.]. Russian society and state under pandemic conditions: Socio-political situation and demographic development of the Russian Federation in 2020 [own]. Moscow: Perspektiva Publ.; 2020. 532 p. DOI 10.38085/978-5-905790-48-5-2020-1-532 (in Russ.).
3. Gorshkov M. K., Krumm R., Tikhonova N. E. [et al.]. What Russians dream about: ideal or reality [own]. Moscow: Ves' Mir Publ.; 2013. 400 p. ISBN 978-5-7777-0538-9 (in Russ.).
4. Gorshkov M. K., Tikhonova N. E., Anikin V. A. [et al.]. The capitals and regions of modern Russia: myths and facts fifteen years later. Moscow: Ves' Mir Publ.; 2018. 312 p. ISBN 978-5-7777-0713-0 (in Russ.).
5. Andreev A. L. Russians and Europeans: cultural and psychological characteristics of people and societies. In: Russia and Europe. History, traditions and modernity. Vol. 1. Moscow: Veche Publ.; 2014. P. 50–99 (in Russ.).
6. Inglehart R., Welzel K. Modernization, cultural change, and democracy: The human development sequence. Moscow: Novoe Izdatel'stvo; 2011. 464 p. ISBN 978-5-98379-144-2 (in Russ.).
7. Nikonov V. A. Civilization map of the modern world. *Moscow University Bulletin. Series 21. Public administration*. 2012;(3):3–40 (in Russ.).
8. Levashov V. K., Velikaya N. M., Shushpanova I. S. How are you, Russia? Express information. 52nd stage of the sociological monitoring, May 2022. Moscow: FCTAS RAS; 2022. 91 p. DOI 10.19181/monogr.978-5-89697-400-0.2022 (in Russ.).
9. Ivanov V. N. Ideology: pro et contra. Moscow: U Nikitskikh vorot; 2021. 72 p. ISBN 978-5-00170-436-2 (in Russ.).
10. Eisenstadt Sh. The new religious constellations in the frameworks of contemporary globalization and civilizational transformation. *Gosudarstvo, Religija, Tserkov' v Rossii i za Rubezhom=State, Religion and Church in Russia and Worldwide*. 2012;30(1):57–89 (in Russ.).
11. Mchedlova M. M. (ed.). Religion in contemporary Russia: contexts and debates. Moscow: RUDN; 2019. 393 p. ISBN 978-5-209-09726-6 (in Russ.).
12. Lunkin R. N. The churches in politics and the politics in the churches. How the Christianity changes the European society. Moscow: Nestor-History; 2020. 504 p. ISBN 978-5-4469-1764-8 (in Russ.).
13. Komleva V. V. Religious institutions in international humanitarian cooperation. *Etnosocium*. 2017;6:130–141 (in Russ.).
14. Haynes J., Henning A. Religious actors in the public sphere. Means, objectives and effects. London: Routledge; 2011. 248 p. ISBN 978-0415610353. DOI 10.4324/9780203807354.
15. Johnson J., Stepaniants M., Forest B. Religion and identity in modern Russia. The revival of orthodoxy and islam. London: Routledge; 2017. 176 p. ISBN 978-1315244808. DOI 10.4324/9781315244808.
16. Religions, Identities, Policies (Points of Convergence and Divergence): book of abstracts (Serbia, May 22–23, 2020). Serbia: Institute of Social sciences; 2020. 75 p. ISBN 978-86-7093-231-9.

Received: 22.12.2022. Accepted: 06.02.2023.

Information about the author:

Elena M. Mchedlova, Doctor of sociology, leading researcher, Institute of Socio-Political Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia. HMTchedlova@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7041-4741

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ

DOI 10.19181/nko.2023.29.1.5
EDN VNPSHQ
УДК 316.4; 338

Е. И. Медведева¹, С. В. Крошилин^{1,2}, Т. Г. Авачёва²

¹ ИСЭПН ФНИСЦ РАН.

Москва, Россия.

² РязГМУ Минздрава России.

Рязань, Россия.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПАРАДИГМЫ ПОТРЕБЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация. Целью данной работы являлось выявление основных трендов в трансформации потребительских предпочтений россиян, значимо связанных последнее время с пандемической ситуацией внутри страны, беспрецедентным влиянием экзогенных и эндогенных факторов, санкционным давлением, с уходом большого числа «брендов» с российского рынка. Всё это в совокупности коренным образом повлияло на потребительские предпочтения. Объект исследования – потребительские доминанты выбора россиян. Предмет – современные тенденции изменения предпочтений, обусловленные внешними и внутренними факторами, а также отношение к ним со стороны российских потребителей товаров и услуг. Пандемия внесла значительные изменения не только в социально-экономическую ситуацию в стране, но и в значительной степени повлияла на потребительский выбор. Изменения претерпели не только сами предпочтения, но и способ/структура приобретения товаров. В значительной степени «покупки» переместились в Интернет. Не успев адаптироваться к «жёстким» условиям «приобретения товаров на удалёнке» российский потребитель столкнулся со значительными изменениями на внутреннем рынке товаров и услуг, вызванными санкциями со стороны зарубежных производителей, частичным или полным уходом «привычных» брендов. Изменение социально-экономической ситуации, уровня доходов граждан, потребительской уверенности, кредитного доверия в значительной мере предопределяют сегодня поведение отечественного потребителя. В статье авторы используют аналитические подходы и статистические методы сравнения, основанные на проведении анализа вторичных и получении первичных данных по изучаемой проблематике. Уникальность исследования заключается в том, что сложившаяся ситуация «нестандартна» для отечественного рынка, когда экономические и социальные проблемы обусловлены не только кризисными явлениями, но и беспрецедентным негативным поведением иностранных производителей, традиционно представленных на внутреннем рынке. В качестве первичной информации использованы данные авторских исследований, проведённых до и в период пандемии. Они были связаны с изучением особенностей потребительских предпочтений. Результаты работы могут быть практически значимы для учёных, специалистов, а также исследователей, изучающих потребительское поведение россиян.

Ключевые слова: потребительские предпочтения; потребитель; индекс потребительских цен; пандемия COVID-19, трансформация потребительских предпочтений; социально-экономические проблемы общества

Для цитирования: Медведева Е. И., Крошилин С. В., Авачёва Т. Г. Трансформация парадигмы потребления в современном российском обществе // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29, № 1. С. 60–77. DOI 10.19181/nko.2023.29.1.5. EDN VNPSHQ

Введение (Современные тренды потребления). В России и в мире всё чаще выбирают экономический сценарий формирования «общества потребления» [1]. Общество потребления (англ. consumer society) – понятие, обозначающее

совокупность общественных отношений, организованных на основе принципа индивидуального потребления [2; 3]. В классическом варианте «общество потребления» характеризуется массовым потреблением материальных благ и формированием соответствующей системы ценностей и установок [4; 5]. В России оно начало зарождаться в постсоветский период. Даже негативное влияние инфляционных процессов не остановило наметившуюся с 2000 года тенденцию превращения России в постиндустриальное общество потребления [6]. Основоположником данного направления является немецкий социолог Эрих Фромм. Он считал, что общество потребления возникает в результате развития капитализма, сопровождаемого бурным экономическим и техническим развитием и такими социальными изменениями, как рост доходов, существенно меняющий структуру потребления¹. Необходимость создания новых потребностей [7; 8] породила возникновение такого понятия как «симулякр» – некая копия, не имеющая оригинала в реальности. Оно было введено Жаном Бодрийяром, который писал: «... симулякр – это “псевдовещь”, которая способна замещать “агонизирующую реальность” пострешальностью посредством симуляции» [1; 9].

В современной ситуации наблюдаются значительные изменения в социально-экономическом поведении индивида [7; 10]. Классические подходы к описанию потребностей человека (например, Пирамида Маслоу) [11; 12] всё в меньшей степени могут соответствовать моделям потребительского поведения современных людей [13, с. 116–130; 14]. Современное глобальное общество вступило в фазу, которую принято обозначать как развитый капитализм, развитый индустриализм, эра информатизации и постмодернизм. Общество потребления² является своего рода характерной чертой этой фазы, лежащей в основе тенденций глобального развития [15; 16].

Согласно данным статистики и мониторингам за последнее десятилетие (до 2020 г.) наблюдаются стабильно высокие темпы развития российского потребительского рынка – 10–15% прироста ежегодно. Исключением является кризис в 2017–2018 гг., когда потребление снизилось из-за падения реальных доходов граждан [17].

Согласно исследованиям³ выделяют несколько трендов потребления в 2019–2020 гг., которые до начала пандемии стали весьма актуальными:

1. Потребитель рациональный: большинство потребителей продолжают пользоваться дискаунтерами и активно следить за акциями.
2. Безопасность в потреблении: стресс и беспокойство – один из ключевых трендов в настроениях потребителей – выбирают определённые (проверенные) продукты, устройства для мониторинга здоровья, приложения «Умный дом», «Планировщик затрат» и т.п.
3. On-Line потребление: происходит «размытие» границ между реальной и цифровой жизнью, у брендов появилась возможность «развивать» отношения с клиентом одновременно в онлайн и офлайн пространстве.
4. Активный потребитель: мгновенное публичное выражение отношения потребителей к товарам, услугам и компаниям–производителям благодаря соцсетям.

¹ McIntyre D. A. The history of what things cost in America: 1776 to today // 24/7 Wall St. URL: <https://u.to/iER5Hg> (дата обращения: 12.12.2022).

² Малахин М. Россия превращается в общество потребления // Российская Бизнес-Газета. № 499 от 15.03.2005. URL: <https://rg.ru/2005/03/15/torgovlya.html> (дата обращения: 10.12.2022).

³ Климанова Е. ТОП-16 потребительских трендов года // Маркетинговое агентство «Делфи». URL: <https://delfi-agency.ru/trendy2019> (дата обращения: 12.12.2022)

5. Осознанный потребитель: все больше людей склонны к бережному отношению к окружающей среде, здоровому образу жизни.
6. Умное потребление: тренд на экономию времени, денег, нервов – любовь к лайфхакам.
7. Отказ от идеальных образов: люди устали от идеальных картинок в соц-сетях, которые искажают действительность, потребитель больше доверяет брендам, приближенным к реальности.
8. Приоритет впечатлений: смена приоритета от материальных ценностей к впечатлениям и эмоциям.
9. «Совместное» потребление товаров – люди всё чаще исповедуют принцип того, что иногда удобнее платить за временный доступ к продукту, чем безраздельно владеть им. «Вторую жизнь» получают секонд-хэнды, соседский обмен вещами или совместное использование бытовой техники.

До пандемии обозначенные тренды потребления формировали спрос и предложение на рынке товаров и услуг. Пандемия внесла свои изменения, связанные с вынужденными ограничениями и локдаунами, а также трансформацией структуры расходов на потребление домашних хозяйств. Пандемия коренным образом изменила «характер» поведения потребителей. Уход в «дистант» заставил многих сменить не только стиль потребительского поведения, но и «привычные» способы совершения покупок. Как показали авторские исследования [6; 16; 18] особенности приобретения товаров в условиях постковидного мира в значительной мере «перемещаются» в сторону онлайн-торговли. Наблюдается снижение реального количества посещений торгово-развлекательных центров (ТРЦ). После снятия ковидных ограничений, старшее поколение в большей степени так и совершает онлайн-покупки. Более «молодое» захотело «новых впечатлений» и возвращается к «реальным» покупкам. На восстановление данных процессов повлиял конгломерат внешних и внутренних социально-экономических и политических факторов, а также санкции, развитие «параллельного импорта» и процессы импортозамещения. Изменение экономической ситуации и снижение реальных доходов граждан внесли коррективы в процессы потребления российских граждан.

Методы. Авторский подход к проведению исследования по изучению трендов трансформации процессов потребления в российском современном обществе под влиянием факторов эндогенного и экзогенного характера, вызванных современной политической, социальной и экономической установками, базировался на классическом формате получения первичных и вторичных данных. Дизайн структуры исследования включал в себя два этапа: первый – кабинетный, включающий анализ вторичной информации по вопросам потребления, а также аспектов отношения социума к возможности использования дистанционных технологий приобретения товаров (в том числе в период пандемии, «до» и «после»). Информационную базу исследования составили данные Росстата, аналитические материалы, отчёты аналитических (маркетинговых) агентств, данные международной статистики, мониторинг маркеров, связанных с процессами потребления в российском обществе, результаты социологических исследований, в том числе, от Ромира, ВЦИОМа, ФОМа.

Первичными данными стали результаты собственных опросов авторов, проведённых в рамках совместного международного проекта Института социально-экономических проблем народонаселения им. Н. М. Римашевской ФНИСЦ

РАН и Института психологии РАН⁴ [6; 16]. Были использованы следующие инструменты: опрос с использованием авторского инструментария (анкета) коллектива учёных⁵ [18] в котором присутствовал блок вопросов, посвященных исследованию процессов потребления «до» и «во время» пандемии.

Для изучения и выявления глобальных трендов потребления также было реализовано экспертное интервью, в котором приняли участие руководители маркетинговых агентств, аналитических центров и руководители отделов онлайн-продаж торговых организаций Москвы и российских регионов. Был разработан инструментарий, а именно гайд структурированного экспертного интервью. Полученные результаты стали основой для ранжированного анализа выявленных трендов в российском потреблении.

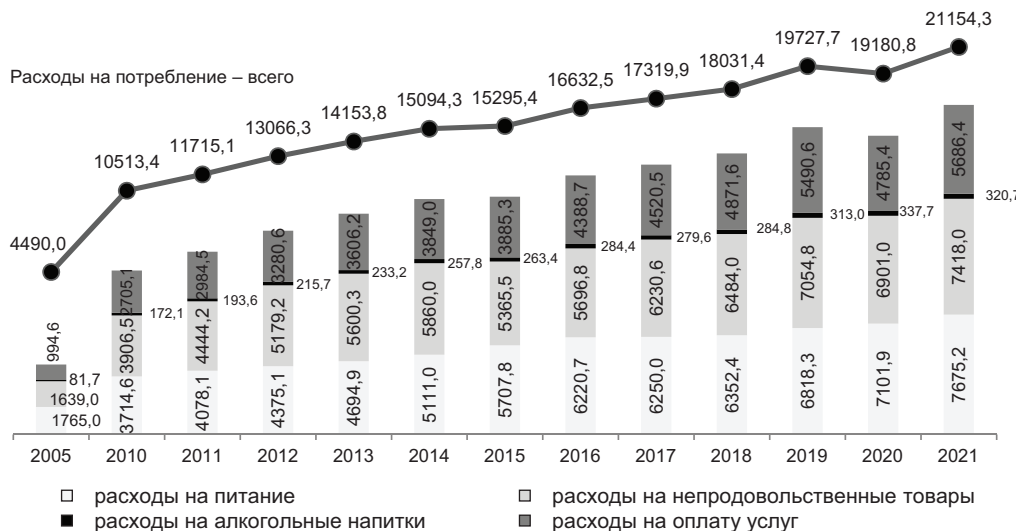
Основной гипотезой исследования стало предположение, что в настоящий момент наблюдается значительное смещение «классического» общества потребления, сформированного в последнее десятилетие в России, в сторону «рационального» потребления. Однако его особенностью в сложившихся условиях является некая персонализация и «приоритет впечатлений» для молодого потребителя, при доминантном сохранении «пандемийного тренда» покупок в онлайн-пространстве.

Уникальность исследований заключается в возможности всестороннего анализа особенностей развития трендов потребления в нашем обществе в ретроспективе: допандемийный период, во время ограничений и после возврата в классический вариант купли-продажи, при доминировании внешних социально-экономических факторов, влияющих на конъюнктуру рынка товаров и услуг в условиях реализации импортозамещения и параллельного импорта.

Статистика изучаемого вопроса. Для анализа динамики изменения состава расходов на потребление домашних хозяйств были использованы данные Федеральной службы государственной статистики. Согласно им, начиная с 2005 года наблюдается положительная тенденция роста расходов на потребление домашних хозяйств вплоть до 2019 года. В 2020 году произошло незначительное снижение общих расходов на потребление (на 546,9 руб.). Однако в 2021 году, после отмены локдауна, расходы на потребление вновь выросли и составили в среднем 21154,3 руб. на каждого члена домашнего хозяйства в месяц. В 2020 г. сократились расходы на непродовольственные товары и на оплату услуг. Это было вызвано в большей степени ограничительными мерами, введенными в связи с коронавирусной инфекцией (см. рис. 1). Затраты на алкогольные напитки возросли почти на 8% по сравнению с 2019.

⁴ Результаты поискового (пилотного) социологического опроса населения различных городов России (Вологда, Череповец, Петрозаводск, Коломна), Беларуси (Минск) и Польши (Люблин). Выборка численностью 500 человек пропорциональна городам-участникам исследования. Население квотировано по полу и возрасту (от 18 до 70 лет). Успешность исследовалась в терминах самооценки и удовлетворённости жизнью, охватывала основные сферы и условия жизни человека.

⁵ Пилотное исследование в рамках международного проекта, реализуемого с помощью Google. В формулировках вопросов были учтены особенности стран-участниц проекта в отношении систем образования, классификации видов экономической деятельности, что позволяет получить релевантные результаты. Для опроса используются методы CAPI и CAWI. Представленные результаты являются частью «пилотного» исследования, характеризующего российский сегмент. В анкетировании приняли участие 72% женщин и 27% мужчин, что обусловлено его дистанционной формой. Возраст респондентов: 68,5% – 19–29 лет; 19,1% – 30–49 лет; около 8% – 50–70 лет. Почти половина проживает в городах-миллионниках, 7% – в городах с населением от 500 тыс. до 1 млн человек, ¼ – в городах с населением от 100 до 500 тыс. человек; 16% – в городах с населением до 100 тыс. человек. Более половины респондентов имеют высшее образование; 16,2% – среднее профессиональное; 8,7% – послевузовское. Не работает в данный момент треть опрошенных. Порядка 40% выборки работают в частном секторе, в государственных организациях – 25%.

Рисунок 1. Динамика изменения состава расходов на потребление домашних хозяйств (2005–2021 гг.) (в среднем на члена домашнего хозяйства в месяц, руб.)

Источник: Построено авторами на основе данных Росстата: Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13271> (дата обращения: 12.12.2022).

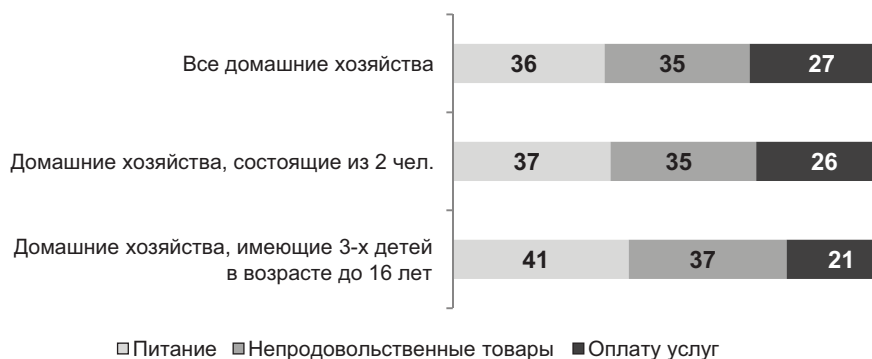
В 2021 году рынок практически отыграл потери ковидного периода: расходы на потребление выросли на 1,5 тыс. руб., на питание увеличились более чем на 800 руб., на непродовольственные товары – почти на 350 руб., на алкогольные напитки – практически не изменились, а на оплату услуг – приблизительно на 200 руб.

Очевидно, что структура расходов на потребление домашних хозяйств в различных социально-экономических группах отличается. Приведем анализ данных 2021 г. по некоторым из них (см. рис. 2). На рисунке приведена структура распределения расходов на потребление домашних хозяйств, которые состоят из 2-х человек без детей и домашних хозяйств, имеющих 3-х детей в возрасте до 16 лет (в процентах к итогу). Для удобства сравнения данные иллюстрируют средние показатели по всем российским домашним хозяйствам (в среднем).

Домашние хозяйства с 3 детьми тратят чуть более 40% на питание: на 4 п.п. больше, чем домохозяйство из 2-х человек и на 5 п.п. больше среднего показателя по всем домохозяйствам. С непродовольственными товарами аналогично: семья с 3-мя детьми тратит на 2 п.п. больше, чем без детей. Меньше трат лишь на оплату услуг, что, вероятно, связано со значительными компенсациями в коммунальных платежах для многодетных семей.

На момент проведения анализа в Росстате отсутствовали итоговые данные за 2022 г. Вследствие этого целесообразно проанализировать изменения трендов потребления на основе сравнения данных за II кварталы 2019–2022 гг. (2019 г. – база сравнения). Согласно данным в рассматриваемых периодах, наблюдаем позитивный тренд увеличения расходов на потребление (см. табл. 1).

Рисунок 2. Структура распределения расходов на потребление домашних хозяйств различных социально-экономических категорий (2021 гг.) (в % к итогу)

Источник: Построено авторами на основе данных Росстата: Структура располагаемых ресурсов и расходов на потребление домашних хозяйств. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b21_102/Main.htm (дата обращения: 12.12.2022).

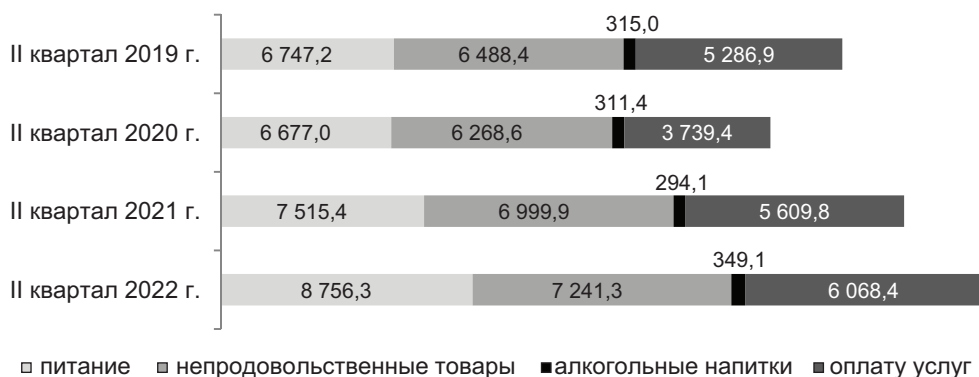
Таблица 1
Динамика структуры расходов на потребление домашних хозяйств, в среднем на члена домашнего хозяйства в месяц (II квартал 2019–22 гг.), руб.

Показатели	II квартал			
	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Расходы на потребление – всего из них на:	18 884,6	17 054,5	20 475,5	22 475,7
домашнее питание	6 150,0	6 569,7	7 028,5	8 194,8
алкогольные напитки, табачные изделия	572,6	584,9	571,0	690,9
одежду и обувь	1 305,2	882,1	1 381,8	1 536,6
жилищно-коммунальные услуги и топливо	1 966,6	2 165,7	2 227,7	2 435,8
мебель, бытовая техника	990,5	1 179,8	1 064,3	1 087,6
здравоохранение	669,2	613,7	855,7	836,3
транспорт	2 994,9	2 493,6	3 014,0	3 023,9
информация и коммуникация	556,2	597,8	850,3	881,2
организацию отдыха и культ. мероприятия	1 488,7	705,3	1 278,8	1 067,9
образование	112,5	71,3	216,3	300,1
гостиницы, кафе и рестораны	662,6	113,7	540,9	648,4

Источник: Построено авторами на основе данных Росстата: Структура располагаемых ресурсов и расходов на потребление домашних хозяйств. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b22_102/Main.htm (дата обращения: 12.12.2022).

Как видно из таблицы 1, снижение фиксируется лишь в 2020 г. (на 9,7% по сравнению с 2019 г.). В 2021 г. – рост составил более 8%, в 2022 г. – практически одна пятая. Однако если в 2019 году «домашнее питание» составляло треть от суммы общих расходов, то в 2022 г. был прирост практически на 4%. Схожая тенденция увеличения затрат на информацию и коммуникации: изменение почти на 1%. Значения этих показателей начали расти в начале пандемии, в большинстве случаев это происходило из-за смены тарифов на домашний и мобильный Интернет. Самый значимый рост произошел в 2021 г. – более чем на 250 р. В сторону понижения в 2022 г. изменилась доля затрат на транспорт – потери почти 10 рублей. Еще больше сократились расходы на «организацию отдыха и культурные мероприятия» – на 420 руб. по сравнению с 2019 г. Почти не изменились в долевом соотношении затраты на алкогольные напитки, табачные изделия, одежду и обувь.

При анализе динамики структуры основных потребительских расходов в среднем на члена домохозяйства в месяц (II квартал 2019–22 гг.), то наблюдается существенное увеличение по всем представленным показателям: питание, непродовольственные товары, алкогольные напитки, оплата услуг (см. рис. 3).

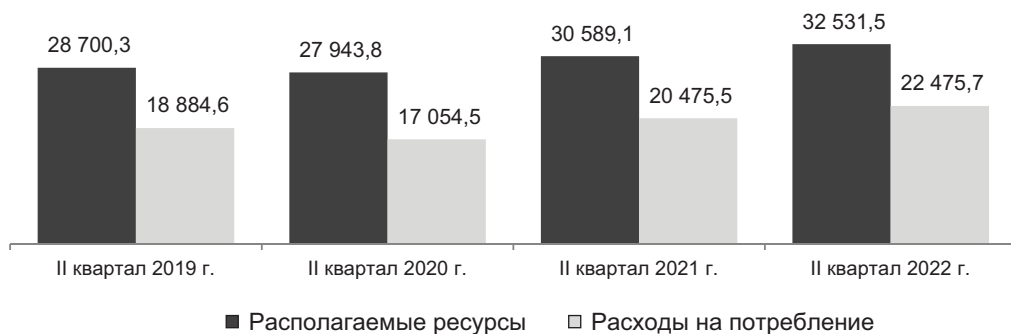

Рисунок 3. Динамика структуры основных потребительских расходов, в среднем на члена домашнего хозяйства в месяц (II квартал 2019–22 гг.), руб.

Источник: Построено авторами на основе данных Росстата.

Существеннее всего возросли затраты на питание – почти на треть. Следующий показатель «оплата услуг» – рост на 15%. Непродовольственные товары выросли более чем на 11%, а алкогольные напитки чуть более 10% по сравнению с 2019 г. Следует отметить, что если сравнивать располагаемые ресурсы домохозяйств и расходы на потребление, выявляется следующая тенденция: доля располагаемых ресурсов домохозяйств во II квартале 2022 г. составила порядка 70%. Это выше по сравнению с 2019 г. почти на 3% (см. рис. 4).

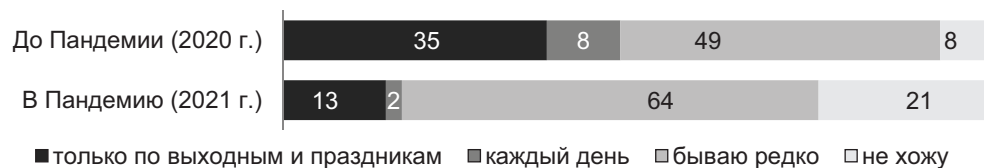
Таким образом, анализ динамики изменения структуры расходов домохозяйств показал, серьезное влияние пандемии на данные показатели. Была выявлена положительная динамика планомерного увеличения расходов на потребление, однако следует отметить, что существующая ситуация с располагаемыми ресурсами домохозяйств характеризуется значением почти в 70%. Также растут расходы на оплату услуг и питание в частности у семей с детьми.

Рисунок 4. Динамика изменения расходов на потребление и располагаемыми ресурсами домохозяйств, в среднем в месяц (II квартал 2019–22 гг.), руб.

Источник: Построено авторами на основе данных Росстата: Структура располагаемых ресурсов и расходов на потребление домашних хозяйств. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b22_102/Main.htm (дата обращения: 12.12.2022).

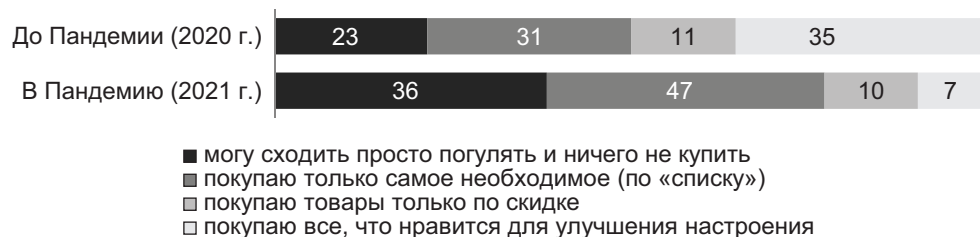
Результаты полевых исследований. Пандемия изменила характер поведения потребителей. Уход в «дистант» заставил многих поменять не только стиль потребительского поведения, но и привычные способы совершения покупок. Как показали авторские исследования [6; 16] «доверие» к процессам приобретения товаров в современных условиях постковидного мира в значительной мере смещается в сторону онлайн-торговли. В данный период наблюдается снижение реального количества посещений ТРЦ (см. рис. 5).

Рисунок 5. Частота посещения ТРЦ, %

Источник: Исследования авторов 2019–2021 гг. [1; 7].

До пандемии почти треть опрошенных ходили в ТРЦ только по выходным и праздничным дням, в пандемию их стало почти в три раза меньше. Половина респондентов до 2020 г. бывали там редко и почти каждый пятый перестали их посещать вообще. Изменились и мотивы посещения ТРЦ. Основные варианты ответов приведены на рисунке (см. рис. 6).

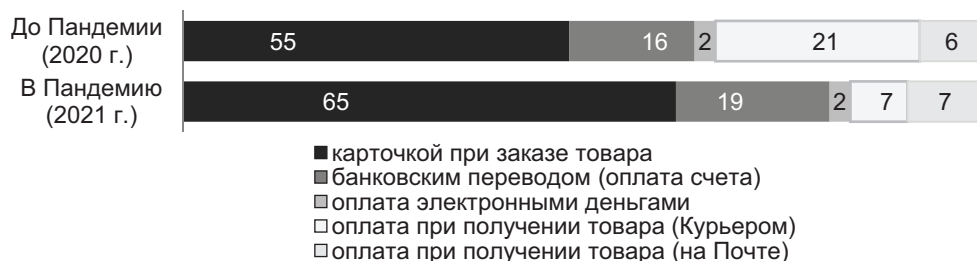
Рисунок 6. Мотивы потребители при посещении ТРЦ, %

Источник: Исследования авторов 2019–2021 гг. [6; 16].

Стало в половину больше тех, кто «просто гуляет и ничего не покупает». На 20% увеличилось число тех, кто «покупает самое необходимое». Каждый пятый предпочитает покупать товары только в формате «скидок», – до пандемии таких было чуть более 10%. Желание улучшить настроение посредством приобретения товаров осталось у 7% покупателей, которые покупают все, что нравится. До пандемии таких было треть.

Марка/бренд товара в 2020 г. была важна для каждого четвертого потребителя. В 2021 г. их стало почти втрое меньше. Требования к качеству товаров практически не изменились, оно было важно для 55% «до ковида» и стало актуальным для 60% после него. Важность доступности цены возросла на 10%. После коронавирусных ограничений «доступность цены» указали 33% опрошенных (в 2020 году – 20%).

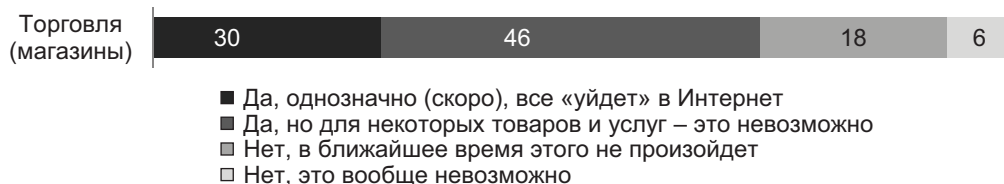
Сложившиеся тенденции предопределили поведение россиян в период пандемии и характеризуют иной удобный формат потребительских покупок, смещённый в сторону интернет-торговли. Покупать товары через Интернет стали 87% опрошенных (в 2020 – чуть более половины). По-прежнему наиболее предпочтительным вариантом оплаты товаров в Интернете остаются пластиковые банковские карточки (55% – 2020 г.; 65% – 2021 г.) (см. рис. 7).

Рисунок 7. Предпочитаемые способы оплаты покупок в Интернете, %

Источник: Исследования авторов 2019–2021 гг. [6, 16]

76% респондентов уверены, что после пандемии коронавируса вырастет объём и количество совершаемых покупок через Интернет (см. рис. 8). 18% – уверены, что объёмы продаж останутся на прежнем уровне, 6% – прогнозируют, что «онлайн торговля» не сможет вытеснить более сильную мотивацию приобретения товаров непосредственно в магазинах.

Рисунок 8. Как Вы считаете, торговля и услуги в Интернете вытеснят «классическую» торговлю и услуги

Источник: Исследования авторов 2019–2021 гг. [6, 16].

Более чем для 80% опрошенных возможность посмотреть /померить / потрогать товар является весьма значимым фактором его приобретения (в период пандемии таких было – 70%). Лидером по продажам товаров через Интернет остается бытовая техника и электроника. Однако в пандемию лишь треть россиян совершили подобные покупки в Интернете.

Результаты анализа вторичных источников информации. Результаты исследования показали, что наше общество только успело адаптироваться к особенностям постковидного приобретения товаров и услуг. Начало СВО и последующее принятие антироссийских санкций привели к новым изменениям структуры и формата покупок. Это вызвало массовый уход из России иностранных брендов или временную приостановку их деятельности. В настоящее время проще назвать бренды которые остались, чем перечислить всех, кто ушёл с рынка. «Набалованные» избытием брендов и товаров потребители столкнулись с «новой торговой реальностью» и уже успели «соскучиться» по многим маркам, которые традиционно были представлены на отечественном рынке.

С середины 2020 г. до середины 2022 г. можно говорить о некоем «периоде стабильности» в восприятии населением трансформаций, которые происходили на мировом и внутреннем рынках. В целом, россияне оценивали весьма положительно личное положение и перспективы его изменения. С середины 2022 года общее поведение населения на фоне снижения «уровня оптимизма» стало ориентироваться в большей степени на потребление. У населения нет стремления обеспечить себе финансовую «подушку безопасности», оно переориентировано на изменение структуры потребления (норма потребления с учетом снятой сезонности во II квартале 2021 г. составила абсолютный максимум с 2013 г. и составила почти 92%), чему в том числе способствовали низкие процентные ставки по депозитам⁶.

Под влиянием санкций, ухода с рынка многих западных производителей, потенциально или реально невозможно приобретение ряда «привычных» товаров. Вследствие изменения внутривосточной и мировой ситуации меняется потребительское поведение россиян. Больше опасение вызывал рост цен. Это трансформировалось в естественный рост инфляционных ожиданий. Например, в марте 2022 г., по оценкам инфОМ (по заказу Банка России), ожидаемая медианная инфляция составила 18,3%, что стало максимальным значением данного показателя за последние более чем 10 лет⁷.

Оценка ухудшения психологического состояния и повышение тревожности в тот период может быть подтверждена, например, резким ростом спроса на седативные препараты. По данным агентства DSM Group (маркетинговые исследования фармацевтического рынка) за период с конца февраля по начало марта 2022 г. продажи безрецептурных снотворных и «противотревожных препаратов» выросли почти в 2 раза⁸.

Такие негативные тенденции и возросшая неопределенность сказались на оценке материального положения на год вперед. Например, по данным ИнФОМ⁹, оценка изменения личного материального положения на год вперед в марте опу-

⁶ Потребительское и сберегательное поведение населения // Центр макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования. URL: <https://u.to/bWR5Hg> (дата обращения: 12.12.2022).

⁷ Там же.

⁸ Гриценко П. Начало массовых депрессий. В России резко вырос спрос на успокоительные препараты // Коммерсантъ. № 46 от 18.03.2022. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5260512> (дата обращения: 12.12.2022).

⁹ Потребительское и сберегательное поведение населения ...

стилась до минимума декабря 2009 г. При этом оценка текущего материального положения снизилась незначительно, что обусловлено тем, что последствия шока население в полной мере на себе на тот момент не ощутило (см. рис. 9).

Однако в апреле–мае следует отметить незначительный «рост оптимизма» в оценках текущей ситуации, что может свидетельствовать о процессах консолидации общества на фоне внешнего давления. Немаловажную роль в данной ситуации сыграли меры со стороны российских властей по финансовой поддержке среднего и малого бизнеса, а также простых граждан. На фоне таких «относительно стабильных» настроений населения фиксируется положительный прирост оборотов розничной торговли. Особенно следует отметить рост продаж непродовольственных товаров, которые росли опережающими темпами по отношению к общим расходам населения. Также можно подчеркнуть, что продолжилась положительная тенденция по восстановительному росту платных услуг населению, показатели которого значительно снизились в период локдаунов 2020 г., но превысить уровень 2018 г. они смогли лишь в последнем квартале 2021 г.

Максимальное снижение затрат на транспортные, туристические и услуги гостиниц, культуры и спорта в 2020 г. быстрее остальных смогли «восстановить» свои показатели. В апреле 2022 г. согласно данным Росстата потребительские расходы снизились, а оборот розничной торговли в сопоставимых ценах сократился на 9,7% по сравнению с аналогичными периодами прошлого: по продовольственными товарам на 1,3%, по непродовольственным товарам на 16,8%. По многим категориям товаров фиксируется спад расходов по сравнению с прошлым годом. Согласно аналитике Сбербанка (крупнейшая российская экосистема), снизились расходы на бытовую технику и электронику, компьютеры и ПО, лекарства и медицинские товары, товары для строительства и ремонта, мебель и предметы интерьера, одежду и обувь¹⁰.

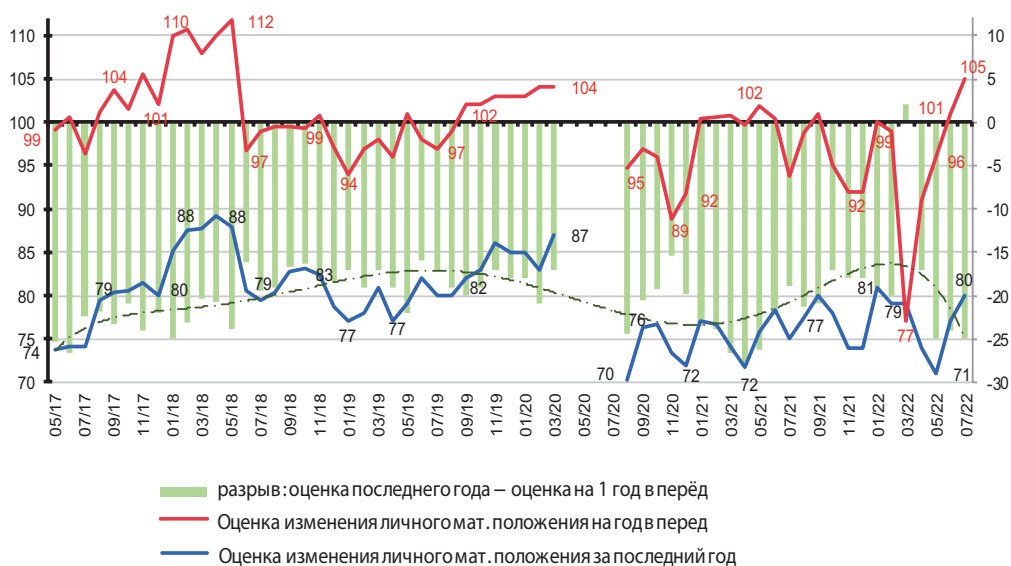

Рисунок 9. Компоненты индекса потребительской уверенности

Источник: данные ИнФОМ, Банка России, расчет ЦМАКП¹¹

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

Тенденцию изменения потребительских предпочтений зафиксировал и ВЦИОМ, который весной 2022 г. провел исследование отношения россиян к приостановке деятельности иностранных компаний в России. Согласно полученным результатам, 50% россиян безразлично относится к «приостановке деятельности» большинства иностранных компаний. Более того, не ожидают никаких перемен в своей жизни из-за ухода брендов западных компаний с российского рынка 68% опрошенных. Скучать не будут и те, кто уверен в готовности отечественных производителей заменить продукцию ушедших компаний (56% против 16% среди скептиков)¹².

39% опрошенных россиян уверены, что уход зарубежных компаний из России не скажется на их жизни. Причем, чем старше респондент, тем меньше он переживает по данному вопросу. 12% заявили о сильном влиянии, 23% об умеренном, на каждом пятом (21%) отсутствие брендов скажется слабо. Сильнее всего переживают по ушедшим производителям более молодые возрастные группы 18–24 и 25–34 года, которые как раз и указали более критические оценки отсутствия привычных брендов. Большинство (85%) наших граждан верят в успех импортозамещения. Каждый пятый отмечает возможность полного замещения отечественными производителями продукции ушедших компаний. Почти половина (48%) уверена, что это произойдет по большинству товаров и услуг (по меньшинству – 17%). Пессимистично настроенных 9% опрошенных, среди них больше молодых людей (в возрастных когортах 18–24 лет – 16%, 25–34 лет – 14%) (см. рис. 10).

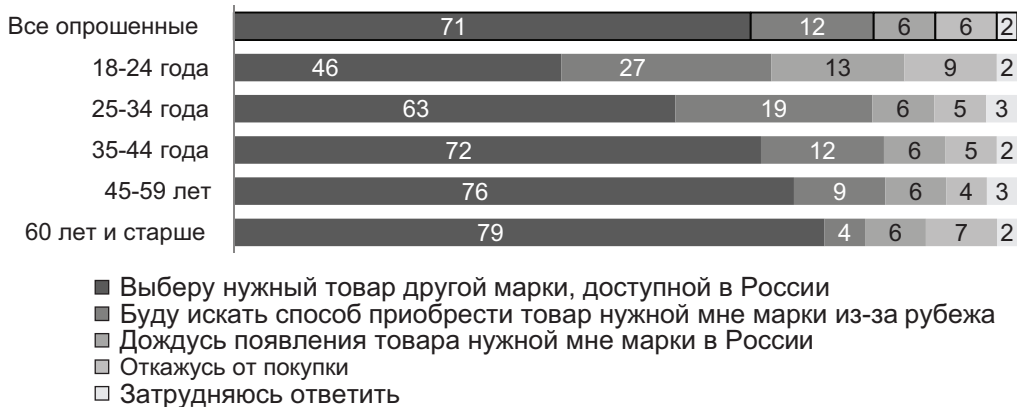
Рисунок 10. Как скажется приостановка работы иностранных компаний на россиянах, %

Источник: Построено на данных ВЦИОМ: Давай, до свидания? Будут ли россияне скучать по западным брендам. URL: <https://u.to/uDmCHg> (дата обращения: 20.11.2022).

В начале осени 2022 г. ВЦИОМ исследовал потребительские стратегии россиян в новых рыночных условиях, а именно новые сформированные критерии выбора одежды. Для оценки была использована 7-балльная шкала, где 7 – самый высокий балл. Подтвердилось предположение, что в первую очередь россияне руководствуются приемлемостью цены (6,30 балла), качеством (6,06 балла) и натуральностью материалов (5,49 балла). В меньшей степени наших сограждан интересует территориальное производство одежды. Известность

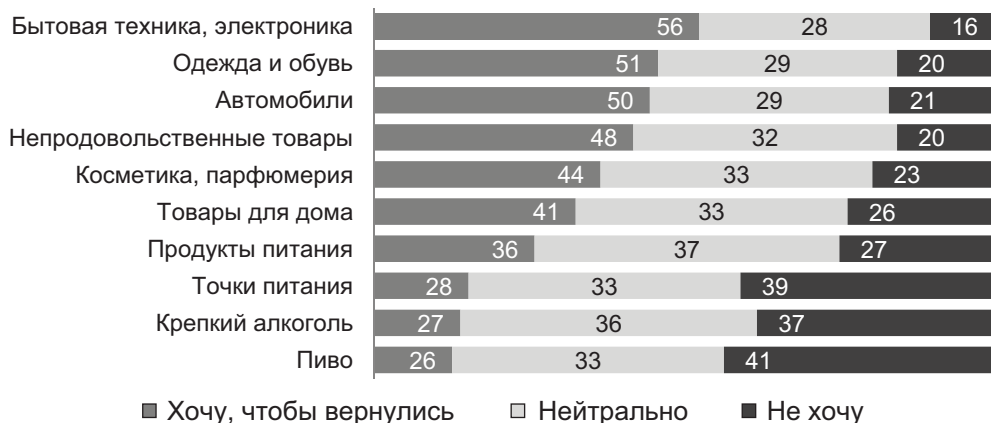
¹² Давай, до свидания? Будут ли россияне скучать по западным брендам // ВЦИОМ. 11.04.2022. URL: <https://u.to/uDmCHg> (дата обращения: 20.11.2022).

марки так же не в приоритете – 1,91 баллов. В случае отсутствия желаемого бренда в стране 71% россиян выберут другую доступную марку (см. рис. 11). Данная стратегия наиболее распространена среди граждан в возрасте 45 лет и старше (76–79%). 12% опрошенных готовы искать способы приобретения желаемого товара из-за рубежа. Наиболее предприимчивы в этом вопросе молодые когорты 18–34 и 35–44 лет: 27 и 19% соответственно. 6% готовы вообще могут отказаться от покупки и столько же готовы ждать появления нужного товара в России. Причем молодежь 18–24 года более категорична: 9% готовы отказаться от покупки товара¹³.

Рисунок 11. Как поступят (поступают) россияне в ситуации, когда нужные товары конкретной иностранной марки перестают продаваться в России, %

Источник: Построено на данных ВЦИОМ: Российский рынок одежды после ухода западных брендов. URL: <https://u.to/yTyCHg> (дата обращения: 20.11.2022).

Рисунок 12. Товары иностранных брендов, об уходе которых в большей степени переживают российские потребители, %

Источник: Построено на данных Ромир: россияне ждут возвращения импортной бытовой техники. URL: <https://u.to/PEKCHg> (дата обращения: 20.11.2022).

¹³ Российский рынок одежды после ухода западных брендов // ВЦИОМ. 8.09.2022. URL: <https://u.to/yTyCHg> (дата обращения: 20.11.2022)

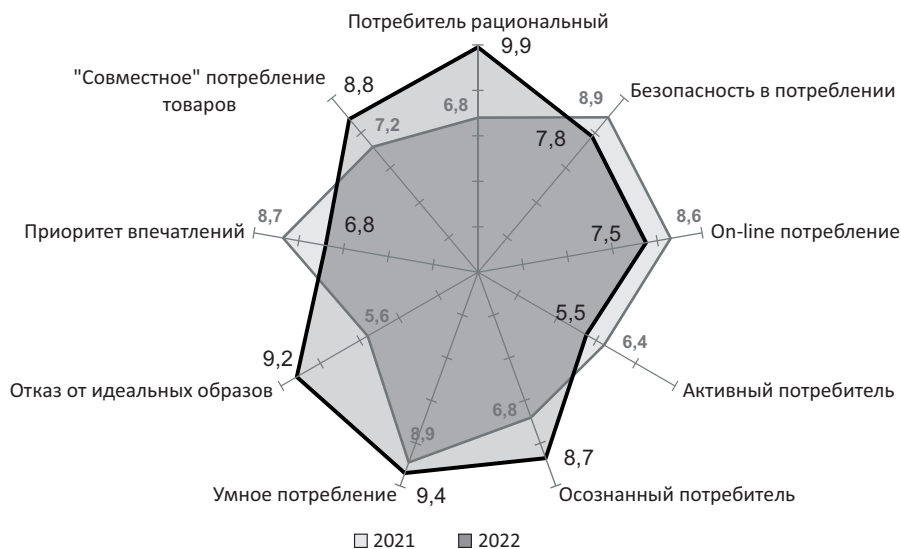

Как показало исследование Romir¹⁴, сильнее всего россияне «жалеют об уходе» производителей электроники и бытовой техники (56%). На второй позиции – фэшн-бренды, одежда и обувь (51%). 50% очень сожалеют об отсутствии доступа в приобретении желаемых иностранных автомобилей (см. рис. 12).

Как видно из представленных данных, в меньшей степени россияне переживают об уходе иностранного пива и крепкого алкоголя: 41% и 37% соответственно заявили, что не хотят возвращения данных производителей. Треть (36%) хотят видеть на российском рынке импортные продукты питания. 39% не особо будут скучать по закрывшимся точкам общественного питания, которые были представлены западными сетями.

Обсуждение и выводы. Можно констатировать, что отечественные потребители за последние три года были вынуждены поменять не только свои потребительские предпочтения и способы совершения покупок, но и изменить «привязанность» к «привычным» брендам. Этому способствовал конгломерат внешних и внутренних социально-экономических и политических факторов, объявление санкций, развитие «параллельного импорта» и импортозамещения. Потребительские предпочтения, в свою очередь, также видоизменились, диверсифицировались и испытывают на себе влияние факторов эндогенного и экзогенного характера, которые требуют постоянного мониторинга, изучения и осмысления.

С целью аналитико-структурного представления информации о современных трендах структуры российского потребления были опрошены эксперты. Полученные результаты представлены в виде ранжированного анализа (см. рис. 13).

Рисунок 13. Ранжированный анализ трендов российского потребления в 2021 и 2022 гг., (оценка в баллах от 1 до 10, 10 – наивысший балл)

Источник: Исследования авторов 2021–2022 гг.

¹⁴ Товары иностранных брендов, по которым скучают россияне // Газета.Ru. 13.04.2022. URL: <https://u.to/bj6CHg> (дата обращения: 20.11.2022).

Для наглядности данные за 2021 и 2022 гг. представлены в виде диаграммы ранжированного анализа трендов российского потребления. В 2022 г. максимальное значение по оценке экспертов получил показатель «Потребитель рациональный» (9,9 из 10 максимально возможных). Смещение парадигмы потребления с эмоционального удовлетворения, когда «покупают ради получения положительных эмоций», в большей степени формата симулякров, определенных Ж. Бодрийяром, на приоритет рационального выбора предопределяет иной формат как представления брендов (товаров) услуг, так и дополнительного сопровождения. «Приоритет впечатлений», «Активный покупатель» – это те позиции, которые «просели» под влиянием внешних условий. На второе место эксперты поставили «Умное потребление» (9,4 б.) и «Отказ от идеальных образов» (9,2 б.). Третье место «Совместное потребление товаров» (8,8 б.), то есть возможность пользоваться сообща (делиться) некоторыми товарами и/или вещами (например, бытовой техникой, детской одеждой, игрушками и т.п.), всем тем, что может быть использовано повторно, так как не потеряло своих свойств потребления.

Современному потребителю, в конечном счете, безразлично где именно произведен товар. При выборе одежды большинство россиян обращают внимание на конечную цену, качество изделия и натуральность материалов. Причем соотечественники не стремятся прилагать дополнительных усилий для поиска «конкретных» вещей и, как правило, довольствуются «оставшимся предложением на рынке», то есть продукцией отечественного производства, несмотря на факт некой «уступки» «брендовым» аналогам по соотношению «цена – качество».

Следует отметить, что российский потребитель становится более осознанным (8,7 б.). Это более точно соответствует и подтверждает предположение / гипотезу данного исследования. В настоящий момент наблюдается значительное смещение от «классического» общества потребления в России в сторону грамотного и осознанного «рационального» потребителя, который оставляет за собой необходимость «приоритета впечатлений» (6,8 б.). Особенно это важно для молодого поколения. Переход торговли в онлайн-формат также позволяет минимизировать социальные и экономические риски. Сокращается (но исключается полностью) формат посещения ТРЦ; уход значительного числа брендов, «западный» кинопрокат, высвобождение торговых площадей и т.д. неизбежно предопределяет изменение мотивационных и доминирующих признаков совершения покупок.

Полученные данные и предложенный инструментарий могут быть полезны как для учёных, специалистов и исследователей, которые занимаются проблемами изучения потребительских предпочтений и поведения россиян при совершении покупок и потреблении услуг, так и для представителей всех видов торговли, министерств и ведомств, связанных с решением вопросов продовольственной безопасности в современных условиях.

Библиографический список

1. Овсянников А. А. Общества потребления: системность и тотальность кризиса // Народонаселение. 2011. № 2. С. 12–31. EDN [PKXFRJ](#).
2. Sorokin P. A. Society, culture, and personality: their structure and dynamics. New York : Cooper Square Publ., 1962. 742 p.
3. Neugarten B., Havinghure R., Tobin S. The measurement of life satisfaction // Journal of Gerontology. 1961. Vol. 16, No. 2. P. 134–143. DOI [10.1093/geronj/16.2.134](#).
4. Sztompka P. The sociology of social change. Oxford–Cambridge : Blackwell, 1994. 348 p. ISBN 978-0631182061.
5. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов : пер. с англ. М. : Эксмо, 2009. 684 с. ISBN 978-5-699-18389-0. EDN [QTСМАР](#).

6. Успешность в современном обществе : итоги межстранового исследования / А. А. Шабунова, В. Г. Доброхлеб, Е. И. Медведева [и др.]. Вологда : ВолНИЦ РАН, 2022. 253 с. ISBN 978-5-93299-534-1. EDN [WOJLJI](#).
7. *Coleman J. S.* Social capital in the creation of human capital // *The American Journal of Sociology*. 1988. Vol. 94. Supplement. P. 95–120.
8. *Фукуяма Ф.* Великий разрыв / Пер с англ. под ред. А. В. Александровой. М. : АСТ, 2008. 474 с. ISBN 978-5-17-015467-8.
9. *Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляция // Пер. А. Качалов. М. : Рипол-Классик, 2017. 215 с. ISBN 978-9-99800-032-2.
10. *Rapай К.* Культурный код : Как мы живем, что покупаем и почему / Пер. с англ. У. Саламатовой. М. : Сколково, 2008. 166 с. ISBN 978-5-9614-0633-7. EDN [QXVJH](#).
11. *Арнольд В. И.* Новый обскурантизм и российское просвещение. М. : Фазис, 2003. 60 с. ISBN 5-7036-0083-9.
12. *Медведева Е. И., Крошилин С. В.* Региональный маркетинг // *Маркетинг*. 2008. № 4(101). С. 74–88. EDN [JUMZGR](#).
13. *Рыбина М. Н., Исаенко В. О.* Потребление как существенный фактор развития человека в условиях формирования новой экономики // *Вестник университета*. 2013. № 19. С. 205–213. EDN [RTQFMZ](#).
14. Старшее поколение и будущее / Под науч. ред. Н. М. Римашевской. М. : Экономическое образование, 2014. 211 с. ISBN 978-5-7425-0174-9. EDN [TVDZQP](#).
15. *Ласкар М. Х.* Глобальное общество потребления и потребительские тенденции в Индии // *Наука. Культура. Общество*. 2022. Т. 28, № 1. С. 54–65. DOI [10.19181/nko.2022.28.1.5](#). EDN [WFKQDV](#).
16. Успешность современного человека: теоретико-методологические аспекты исследования / А. А. Шабунова, В. Г. Доброхлеб, Е. И. Медведева [и др.] // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2019. Т. 12, № 6. С. 27–50. DOI [10.15838/esc.2019.6.66.2](#). EDN [GRDOTW](#).
17. *Медведева Е. И., Крошилин С. В.* Успешный человек: проблемы потребления и пути решения // *Вестник государственного социально-гуманитарного университета*. 2019. № 2(34). С. 62–71. EDN [CCUFPR](#).
18. Возможности междисциплинарного исследования основ экономического поведения / Л. Сухоцка, А. В. Ярашева, Е. И. Медведева [и др.] // *Народонаселение*. 2021. Т. 24, № 4. С. 82–94. DOI [10.19181/population.2021.24.4.7](#). EDN [JOVVL](#).

Поступила в редакцию: 27.12.2022. Принята к печати: 10.02.2023.

Сведения об авторах:

Медведева Елена Ильинична, доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института социально-экономических проблем народонаселения им. Н. М. Римашевской (ИСЭПН) ФНИСЦ РАН. Москва, Россия.
e_lenam@mail.ru

Author ID РИНЦ: 381176

Researcher ID (WoS): B-8964-2018

ORCID: 0000-0003-4200-1047

Scopus ID: 55925326400

Крошилин Сергей Викторович, кандидат технических наук, ведущий научный сотрудник ИСЭПН ФНИСЦ РАН. Москва, Россия; доцент кафедры математики, физики и медицинской информатики Рязанского государственного медицинского университета имени академика И. П. Павлова Министерства здравоохранения РФ. Рязань, Россия.

krosh_sergey@mail.ru

Author ID РИНЦ: 664581

Researcher ID (WoS): J-2184-2018

ORCID: 0000-0002-6070-1234

Scopus ID: 56292054500

Авачёва Татьяна Геннадиевна, кандидат физико-математических наук, доцент, зав. кафедрой математики, физики и медицинской информатики Рязанского государственного медицинского университета имени академика И. П. Павлова Министерства здравоохранения РФ. Рязань, Россия.

t.avacheva@rzgmu.ru

Author ID РИНЦ: 498140

Researcher ID (WoS): L-1141-2013

ORCID: 0000-0002-2099-655X

Scopus ID: 24176914500

E. I. Medvedeva¹, S. V. Kroshilin^{1,2}, T. G. Avacheva²

¹ ISESP FCTAS RAS. Moscow, Russia.

² RyazSMU MOH Russia. Ryazan, Russia.

TRANSFORMATION OF THE CONSUMPTION PARADIGM IN MODERN RUSSIAN SOCIETY

Abstract. The purpose of this study was to identify the main trends in the transformation of consumer preferences of Russians, which have recently been largely associated with the pandemic situation inside the country, the unprecedented influence of exogenous and endogenous factors, sanctions pressure, with the departure of more “brands” from the Russian market. All this together has radically affected consumer preferences. The object of the study is the consumer dominants of Russians’ choice. The subject is current trends in changing preferences due to external and internal factors, as well as the attitude towards them on the part of Russian consumers of goods and services. The pandemic has made significant changes not only in the socio-economic situation in the country, but also significantly affected consumer choice. Not only the preferences themselves have changed, but also the method /structure of purchasing goods. To a large extent, “purchases” have moved to the Internet. Having failed to adapt to the “tough” conditions of “purchasing goods remotely”, the Russian consumer faced significant changes in the domestic market of goods and services caused by sanctions from foreign manufacturers, partial or complete withdrawal of “familiar” brands. Changes in the socio-economic situation, the level of income of citizens, consumer confidence, credit confidence largely determine the behavior of the domestic consumer today. In the article, the authors use analytical approaches and statistical methods of comparison based on the analysis of secondary and obtaining primary data on the studied problem. The uniqueness of the study lies in the fact that the current situation is “non-standard” for the domestic market, when economic and social problems are caused not only by crisis phenomena, but also by unprecedented negative behavior of foreign manufacturers, which have traditionally been represented on the domestic market. The data of the author’s studies conducted before and during the Pandemic were used as primary information. They were associated with the study of the characteristics of consumer preferences. The results of the study can be practically significant for scientists, specialists, as well as researchers who study the consumer behavior of Russians.

Keywords: consumer preferences; consumer; consumer price index; Covid-19 pandemic; transformation of consumer preferences; socio-economic problems of society

For citation: Medvedeva E. I., Kroshilin S. V., Avacheva T. G. (2023) Transformation of the consumption paradigm in modern Russian society. *Science. Culture. Society*. Vol. 29. No. 1. P. 60–77. DOI 10.19181/nko.2023.29.1.5

References

1. Ovsyannikov A. A. Consumer societies: systemic and total character of the crisis. *Population*. 2011;(2):12–32 (in Russ.).
2. Sorokin P. A. Society, culture, and personality: their structure and dynamics. New York: Cooper Square Publ.; 1962. 742 p.
3. Neugarten B., Havinghure R., Tobin S. The measurement of life satisfaction. *Journal of Gerontology*. 1961;16(2):134–143. DOI [10.1093/geronj/16.2.134](https://doi.org/10.1093/geronj/16.2.134).
4. Sztompka P. The sociology of social change. Oxford–Cambridge: Blackwell; 1994. 348 p. ISBN 978-0631182061.
5. Smith A. Inquiry into the nature and causes of the wealth of nations: transl. from Eng. Moscow: Eksmo; 2009. 684 p. ISBN 978-5-699-18389-0 (in Russ.).
6. Shabunova A. A., Dobrokhleb V. G., Medvedeva E. I. [et al.]. Success in modern society: results of a cross-country study. Vologda: VolSC of RAS; 2022. P. 99–140. 253 p. ISBN 978-5-93299-534-1 (in Russ.).
7. Coleman J. S. Social capital in the creation of human capital. *The American Journal of Sociology*. 1988;94(S):95–120.
8. Fukuyama F. The great divide. Transl. from Engl. and ed. by A. V. Alexandrova. Moscow: AST; 2008. 474 p. ISBN 978-5-17-015467-8 (in Russ.).
9. Baudrillard J. Simulacres et simulation. Transl. by A. Kachalov. Moscow: Ripoll-classic; 2017. 215 p. ISBN 978-9-99800-032-2 (in Russ.).

10. Rapaille C. The culture code. Transl. from Eng. U. Salamatova. Moscow: Skolkovo Publ.; 2008. 166 p. ISBN 978-5-9614-0633-7 (in Russ.).
11. Arnold V. I. New obscurantism and the Russian enlightenment [own]. Moscow: Phasis; 2003. 60 p. ISBN 5-7036-0083-9 (in Russ.).
12. Medvedeva E. I., Kroshilin S. V. Regional marketing. *Marketing*. 2008;(4):74–88 (in Russ.).
13. Rybina M. N., Isaenko V. O. Consumption as an essential factor of human development in the conditions of the formation of a new economy. *Bulletin of the University*. 2013;(19):205–213 (in Russ.).
14. Rimashevskaya N. M. (scientific ed.). The older generation as a resource of socio-economic modernization of Russia. Moscow: PH “Economic Education”; 2014. 211 p. ISBN 978-5-7425-0174-9 (in Russ.).
15. Laskar M. H. Global consumer society and trend of consumption in India. *Science. Culture. Society*. 2022;28(1):54–65. DOI [10.19181/nko.2022.28.1.5](https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.1.5).
16. Shabunova A. A., Dobrokhleb V. G., Medvedeva E. I. [et al.]. The successfulness of a modern individual: theoretical and methodological aspects of the study. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2019;12(6): 27–50. DOI [10.15838/esc.2019.6.66.2](https://doi.org/10.15838/esc.2019.6.66.2) (in Russ.).
17. Medvedeva E. I., Kroshilin S. V. Successful individual: issues of consumership and possible solutions. *Bulletin of the State University of Humanities and Social Studies*. 2019;(2):62–71 (in Russ.).
18. Suchocka L., Yarasheva A. V., Medvedeva E. I. [et al.]. Opportunities for interdisciplinary studies of the economic behavior fundamentals. *Population*. 2021;24(4):82–94. DOI [10.19181/population.2021.24.4.7](https://doi.org/10.19181/population.2021.24.4.7) (in Russ.).

Received: 27.12.2022. Accepted: 10.02.2023.

Information about the authors:

Elena I. Medvedeva, Doctor of economics, associate professor, leading researcher, Institute of Socio-Economic Studies of Population of the FCTAS RAS. Moscow, Russia.

e_lenam@mail.ru

ORCID: 0000-0003-4200-1047; Researcher ID (WoS): B-8964-2018; Scopus ID: 55925326400

Sergey V. Kroshilin, Candidate of technical sciences, senior researcher, ISESP FCTAS RAS, Moscow, Russia; Associate professor of the Department of mathematics, physics and medical informatics, Ryazan State Medical University named after academician I. P. Pavlov of the Ministry of Health of the Russian Federation. Ryazan, Russia.

krosh_sergey@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6070-1234; Researcher ID (WoS): J-2184-2018; Scopus ID: 56292054500

Tatiana G. Avacheva, Candidate of physical and mathematical sciences, associate professor, head of the Department of mathematics, physics and medical informatics, Ryazan State Medical University named after academician I. P. Pavlov of the Ministry of Health of the Russian Federation. Ryazan, Russia.

t.avacheva@rzgmu.ru

ORCID: 0000-0002-2099-655X
Researcher ID (WoS): L-1141-2013
Scopus ID: 24176914500

DOI 10.19181/nko.2023.29.1.6
EDN OLPMLT
УДК 316.4; 331.5

В. В. Садовая¹

¹ Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН.
Москва, Россия.

ПОСТКОВИДНАЯ ЭТИКА ТРУДА КАК ПЕРСПЕКТИВА РАЗВИТИЯ САМОЗАНЯТОСТИ В РОССИИ

Аннотация. В статье рассматривается процесс перевода финансово-хозяйственной деятельности большей части самозанятых предпринимателей в цифровое пространство, что было форсировано условиями дистанционного формата работы в период COVID-19, а также законодательной базой, принятой в период самоизоляции. Включённая в текст работы аналитика актуальной законодательной базы позволяет выявить общие тенденции в снятии барьеров для вовлечения большей группы предпринимателей в новый формат ведения трудовой деятельности, а также погружения основных финансовых инструментов в сеть Интернет. На основе эмпирических данных, полученных в ходе количественных (аналитика данных запросов в Яндекс.Директ) и качественных (контент-анализ финансовых приложений) социологических исследований, сформированы особенности регистрации и процедуры оформления в виртуальном пространстве, проанализированы онлайн-платформы ФНС и крупнейших банковских организаций по обслуживанию финансово-хозяйственной деятельности для самозанятых, включая финансовые инструменты. Выделен ряд основных агрегаторов и маркетплейсов по отраслям сферы деятельности самозанятых по критерию популярности в поисковых системах.

Специфика веб-аналитики динамики и контента поисковых запросов позволяет сделать выводы о наиболее острых темах, как для самозанятых, так и для интересующихся данной тематикой с целью последующей регистрации и использовании финансовых инструментов в сети Интернет. На основе запросов выделяется всплеск интереса к самозанятому предпринимательству, критериям оформления самозанятости в период пандемии и постпандемии, активное изучение специфики налоговых обязательств и ведения финансово-хозяйственной деятельности, сформированы типичные характеристики поискового поведения и приоритетные онлайн-платформы в системе Яндекс.Директ.

Ключевые слова: самоизоляция; труд; дистанционный режим; самозанятость; пандемия; предприниматели; экономика; финансово-хозяйственная деятельность; онлайн-платформы

Для цитирования: Садовая В. В. Постковидная этика труда как перспектива развития самозанятости в России // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29, № 1. С. 78–89. DOI 10.19181/nko.2023.29.1.6. EDN OLPMLT

Введение. В современных условиях постиндустриального развития одним из ключевых вопросов является переосмысление занятости и трансформация рынка труда. Стремление человечества к эволюции в науке и, как следствие, к модернизации сферы труда создает фундамент для трансформации трудовых отношений. Злободневность проблемы обусловлена увеличением количества самозанятых предпринимателей, расширением их территориального присутствия и распространением в различных отраслях экономики. Среди факторов, оказавших влияние на изменение рынка труда и формирование нового типа трудовых

отношений: внедрение новейших технологий, распространение сети Интернет, перевод части трудовых процессов в дистанционный формат, законодательное утверждение удалённой работы, кризис на фоне пандемии COVID-19.

Новый тип трудовых отношений на рынке должен был отвечать требованиям современного цифрового тренда, а именно, быть гибким и мобильным к любым изменениям, иметь большую выгоду с позиции налогового учета, минимизировать социальную ответственность по обязательствам перед работником, оптимизировать трудовые процессы и вовлечь в прозрачную систему налогового учета все те нестандартные формы занятости, которые находились в тени законодательства. Таким образом, появилась база, которая создала прецедент для государства по осуществлению эксперимента внедрения новейшей формы предпринимательства – самозанятости¹.

Обзор литературы. Проблема изучения неформального рынка труда и нестандартных форм занятости стала актуальной на рубеже XX–XXI веков. Публикация ключевой работы Гая Стендинга «Прекариат: новый опасный класс» [1] вызвала всплеск повышенного интереса к изучению новых тенденций на рынке труда по формированию нового положения работников, характеризующегося потерей социальных гарантий, официального оформления и дестабилизацией устоявшихся норм взаимодействий в рамках трудовых отношений.

Среди отечественных исследований нестандартных форм труда стоит отметить работы З. Т. Голенковой и Ю. В. Голиусовой [2], Ж. Т. Тощенко [3; 4] и коллектива социологического факультета РГГУ [5], в области изучения прекариата и распространения прекарного труда в России. Актуальные тенденции самозанятости освещены в работах Н. М. Великой [6], Г. Д. Худжебаевой [7], В. В. Пациорковского [8], И. Н. Плотникова [9].

Несмотря на довольно широкое освещение прекаризации труда и самозанятости как одной из форм нестандартной занятости, в работах ученых недостаточное внимание уделялось проблеме внедрения новых технологий и распространения виртуальных инструментов в современных трудовых практиках прекарных работников, получивших широкое развитие в применении в постковидное время.

Эмпирическая основа статьи. Цель работы – раскрыть основные виртуальные инструменты современных прекарных сотрудников и проанализировать с использованием веб-аналитики характерное поисковое поведение для них. Эмпирическую базу статьи, помимо статистических данных, составили результаты социологических исследований, выполненных с участием автора:

1. *Предоставление услуг ведения финансово-хозяйственной деятельности для самозанятых*, сентябрь 2021 г. Анализ материалов сайтов коммерческих и государственных структур, предоставляющих услуги для предпринимателей, применяющих налог на профессиональный доход. Сайты: ФНС России «Мой налог», ПАО «Сбербанк» «Свое дело», портал государственных услуг «Госуслуги», «Самозанятые.рф», «Свояработа.рф».

2. *Предоставление услуг ведения финансово-хозяйственной деятельности для самозанятых*, август 2021 г. Анализ материалов официальных мобильных приложений коммерческих и государственных структур, предоставляющих услуги

¹ Федеральный закон от 27.11.2018 г. № 422-ФЗ (ред. 08.06.2020 г.) «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» // Собрание законодательства РФ. 03.12.2018 г. № 49. Ст. 7494.

для предпринимателей, применяющих налог на профессиональный доход – «Мой налог», «Кошелек для самозанятых», «Мой доход – самозанятым», «Я – Самозанятый».

3. *Анализ поисковых запросов на тему самозанятости*, сентябрь 2021 г. Анализ поисковых запросов через систему Яндекс.Директ по слову «самозанятость», в выборку включены поисковые запросы с 1 ноября 2020 г. по 30 сентября 2021 г. (N=230838).

Самозанятые на рынке труда РФ в период пандемии. Введение режима самоизоляции в марте 2020 года для всех граждан и условие обязательного перевода предприятий на дистанционный режим работы практически сразу задали вектор реконфигурации будущего взаимодействия в социуме, а также создали жесткие рамки, практически принуждающие к формированию новой концепции труда.

Указом Президента Российской Федерации² на фоне распространения коронавирусной инфекции был объявлен режим нерабочих дней с сохранением заработной платы во всей стране. Действие режима продлилось до середины мая. Новая законодательная мера ограничивала транспортную мобильность людей, запретила все массовые мероприятия, были закрыты общественные пространства (музеи, торговые центры, парки).

В связи с тем, что понятие *режима нерабочих дней с сохранением заработной платы* никогда ранее не фигурировало в истории России, то данная мера вызвала наибольшее число дискуссий по интерпретации. Трудовой Кодекс также не содержал в себе подобного термина, что вызвало затруднения у большого числа работодателей в части оплаты данного времени. Минтруд вскоре выпустил рекомендации, в которых нерабочие дни стали оцениваться не как отпуск или освобождение от работы, а как запрет пребывания на рабочем месте. Эти разъяснение государственных органов и послужили развитием удалённого режима работы, при котором предприятия стали требовать от своих сотрудников выполнения их трудовых обязанностей в дистанционном рабочем режиме, без посещения офиса и транспортных перемещений.

С учетом пандемии в Трудовой Кодекс были внесены изменения, которые предусматривали разбор и особенности регулирования труда дистанционных работников. Законодательно дистанционную (удалённую) работу определяют, как выполнение своих трудовых обязанностей согласно заключённому трудовому договору вне мест нахождения работодателя, вне стационарного рабочего места, подконтрольного работодателю, при условии выполнения трудовых обязанностей с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, сети Интернет и общих пользовательских сетей³.

Подобные меры в части противодействия распространения пандемии позволили создать условия для интеграции трудовой деятельности в систему Интернет, распространили системы онлайн-коммуникаций и наметили вектор перехода от традиционной работы в офисе к новому формату «домашнего офиса». Можно констатировать, что кризисная ситуация 2020 года трансформировала и ускорила перевод трудового сектора в онлайн-формат, а основная

² Об объявлении в Российской Федерации нерабочих дней : Указ Президента РФ от 25 марта 2020 г. № 206 // Собрание законодательства Российской Федерации от 2020 г. № 13. Ст. 1898.

³ О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части регулирования дистанционной (удаленной) работы и временного перевода работника на дистанционную (удаленную) работу по инициативе работодателя в исключительных случаях : Федеральный закон от 08.12.2020 г. № 407-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 2020 г. № 50. Ст. 8052 (Часть III).

часть взаимодействий социума полностью перешла в сеть Интернет на период самоизоляции [5].

Новые трудовые условия и способы ведения финансово-хозяйственной деятельности в условиях ограничительных мер показали наибольшую резистентность на самозанятой категории предпринимателей. Основная часть самозанятых и ранее самостоятельно организовывала все те условия труда, которые режим дистанционной работы вынудил создавать представителей всех категорий работников:

- организация рабочего места;
- налаживание онлайн-коммуникаций с контрагентами и заказчиками с использованием гаджетов и персонального компьютера;
- соблюдение режима работы и отдыха и т.д.

Во многом устойчивость и гибкость при режиме массовой изоляции самозанятая форма труда показала ещё и благодаря мерам государственной поддержки, которая отразилась в возврате налога на доход в полном объеме, уплаченный по итогам 2019 года. Выплаты самозанятым предпринимателям осуществлялись в виде субсидий, направляемых в автоматическом порядке на банковские карты, привязанные к мобильному приложению «Мой налог» или в личном кабинете на веб-сайте «Мой налог». В сравнении с необходимостью заполнения множества документов и длительными сроками рассмотрения заявлений от юридических и физических лиц за помощью от государства в кризисный период, скоринговая и надзорная система, сформированная для самозанятых показала свои качественные отличия и скорость доступа к взаимодействию с государственными органами. Тот факт, что государство выделило для самозанятой категории предпринимателей 1,6 млрд рублей поддержки доказывает особую роль, которую власть отводит развитию самозанятости в России. Также самозанятым правительство предоставило бонусный капитал в размере одной единицы минимальной оплаты труда (МРОТ составил 12 130 рублей), благодаря которому пользователи смогут оплатить НПД за 2020 год, либо задолженность и пени по нему. Подобных мер в отношении других участников экономического сектора в условиях пандемии не было, что в значительной степени выделило самозанятый тип предпринимательской деятельности, как наиболее поощряемый со стороны правительственных органов.

Существенное расширение эксперимента по возможности применения налога на профессиональный доход произошло в июле 2020 года после снятия первого длительного режима локдауна в России. Указом правительства эксперимент НПД распространился по всей территории страны, что значительно повлияло на вовлечение в легализационные схемы ведения финансово-хозяйственной деятельности представителей неформального рынка. Коснулись изменения не только территориальных расширений в области применения закона, но и возрастных категорий. Так Минфин опубликовал письмо от 30 апреля 2021 года⁴, согласно которому детям в возрасте от 14 до 18 лет разрешается становиться самозанятыми предпринимателями и вести трудовую деятельность. Произойти это может в следующих случаях:

- приобретение полной дееспособности несовершеннолетним в связи с вступлением в брак;

⁴ Письмо Департамента налоговой политики Минфина России от 30 апреля 2021 г. № 03-11-11/33669 // Гарант.Ру. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400709041> (дата обращения: 01.10.2022).

- допуск в связи с дачей письменного согласия законными представителями – родителей, усыновителей, либо попечителя на совершение сделок;
- объявление несовершеннолетнего дееспособным по решению органа опеки и попечительства, либо согласно решению суда.

Также государство утвердило дополнительные меры поддержки самозанятых в возрастной категории от 14 до 18 лет в виде новой налоговой льготы объемом 22 130 рублей, тогда как остальные категории получают лишь 10 000 рублей налогового вычета. Новую льготу юные самозанятые предприниматели смогут получить автоматически на банковскую карту, привязанную посредством мобильного приложения «Мой налог» или веб-версии.

Кроме того, одним из прорывов в государственной поддержке самозанятых можно считать запуск специального кредитного продукта для лиц, применяющих НПД. Ранее при стартовом запуске эксперимента нового типа занятости банковские организации с большим сомнением оценивали шансы на сотрудничество с самозанятыми предпринимателями и не считали их бизнес-единицами, а предлагали потребительское кредитование, как физическому лицу. Создание кредитного продукта для самозанятых – это еще один важный этап в повсеместном признании данного типа занятости, как равноправного участника экономического сектора России.

Все эти ключевые изменения закона о применении НПД с начала пандемии и до 2021 года *сформировали новый вектор развития самозанятости* в стране и аккумулировали кадровый и экономический потенциал в эпоху нестабильности экономического сектора и рынка труда.

Организация ресурсов для финансовой деятельности самозанятых в сети Интернет. В сентябре 2021 года ФНС опубликовала статистику⁵ по самозанятым предпринимателям с начала действия эксперимента. За время реализации формы труда в качестве самозанятых прошли регистрацию 3 млн человек, по операциям и сделкам ими было сформировано 453 млн чеков, а общий доход составил 587 млрд рублей. При этом основной прирост числа зарегистрированных пришелся на период с начала пандемии до первой половины 2021 года.

Анализ статистических источников показывает также дальнейших массовый рост числа самозанятых в период пандемии, данный тренд усилился и в постковидный этап (см. табл. 1).

С начала ковидных ограничений в 2020 году и по январь 2023 года рост числа зарегистрированных самозанятых в РФ составил почти 5 миллионов, что говорит об устойчивой тенденции к развитию данной формы организации трудовой деятельности.

Самозанятые активно пользуются услугами компаний-партнёров, встроивших в свои программные продукты функционал мобильного приложения «Мой налог». В число 68 подключенных к платформе партнёров входят 23 крупнейших банка и 45 операторов электронных площадок. Почти 40% от общего числа самозанятых проходят регистрацию, как лица применяющие НПД, через программные продукты партнёров без использования приложения «Мой налог». Наибольшей популярностью среди самозанятых пользуются сервисы, предоставляемые компаниями Сбербанк, Тинькофф, Альфа-Банк, КИВИ-Банк, Яндекс.Такси, Яндекс.Еда и Достависта.

⁵ В России зарегистрировались 3 млн самозанятых // Федеральная налоговая служба. 7.09.2021. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/activities_fts/11275333/ (дата обращения 01.10.2022).

Таблица 1

Численность официально зарегистрированных самозанятых (2017–2023 гг.)

Год	Количество зарегистрированных самозанятых
2017	–
2018	3 062
2019	330 000
2020	1 603 638
2021	3 862 114
2022	6 223 063
2023 (январь)	6 561 475

Источник: Построено автором на основе данных сайта «Самозанятость в РФ». URL: <https://sznprd.ru/statistika/> (дата обращения: 01.10.2021).

Представленные результаты в части аналитики используемых онлайн-платформ можно оценивать, как положительную динамику среди интеграции в финансово-хозяйственную деятельность большого количества онлайн-инструментов, что позволяет самозанятым предпринимателям выбрать наиболее подходящий по функционалу для их деятельности финансовый продукт.

Особое развитие получили онлайн-платформы для самозанятых в виду расширения действия эксперимента. Онлайн-платформы для самозанятых в целом можно разделить на три категории:

1. Банковские и финансовые приложения для расчетов;
2. Сервисы для приема оплаты и на сайте и в социальных сетях;
3. Агрегаторы для поиска заказов.

Существуют гибридные разновидности сервисов, которые предлагают самозанятым функционал, включающий в себя поиск заказов, возможность формировать документацию для клиентов, включая счета и чеки, возможность оплачивать налоги. Абсолютно все сервисы напрямую взаимодействуют с надзорными органами через приложение и веб-версию «Мой налог», однако, не дублируют его функции полностью. Так, например, только в приложении «Мой налог» самозанятый предприниматель может воспользоваться функцией добровольного взноса в пенсионный фонд, тем самым легализуя для государственных фондов свой пенсионный стаж.

Среди банковских приложений для самозанятых флагманом является приложение Сбербанк и сервис «Свое дело», – одно из самых первых приложений, появившееся на рынке для самозанятых. В совокупности пакет обслуживания приложения Сбербанк предлагает следующий спектр:

- прохождение регистрации в качестве самозанятого предпринимателя за 2 минуты;
- кредитные продукты (ипотека, кредитные карты, кредиты на любые цели);
- возможность формировать чеки и счета, оплату налогов, конструирование документооборота, доступ к аналитике деятельности;
- доступ к форуму для самозанятых, созданный на базе приложения «Свое дело»;
- консультирование по вопросам через чат-бот.

Агрегаторы заказов представляют собой интернет-площадки с возможностью публикации заказов для самозанятых. В свою очередь агрегатор обеспечивает безопасность сделок, заключаемых на площадке, оказывает содействие в налаживании коммуникации между клиентами и продавцами услуг или товаров. Сервис, как правило, формирует личный счет для каждого исполнителя, на который поступает оплата от клиентов, которую затем можно вывести на привязанную банковскую карту. Среди самых популярных площадок агрегаторов заказов для самозанятых можно выделить FL.ru и SIGMA, в данных агрегаторах доступны заказы по созданию дизайна, копирайтингу, переводу, программированию и технической поддержке.

Существуют агрегаторы для водителей такси, данные площадки позволяют распределить заказы централизованно, система скоринга автоматически рассылает заказы водителям, исходя из их статистики и профиля. Помимо легального заработка от услуг по перевозке пассажиров и налоговой интеграции, сервисы могут предоставлять льготы. Так агрегатор Яндекс.Такси предлагает самозанятым водителям доступ к льготному автокредитованию, юридическим услугам; он же организовал бесплатную вакцинацию для своих водителей в период пандемии. Среди популярных агрегаторов для водителей можно выделить следующие: Яндекс.Такси, СитиМобил, UBER.

Особую популярность, развитие и значимость в пандемию приобрели агрегаторы для курьеров. Подобные платформы предоставляют логистические услуги и курьерскую доставку товаров, готового питания, грузов. Среди популярных агрегаторов курьерской доставки можно выделить: Достависта, Delivery Club, Яндекс.Еда, О-Курьер, ВкусВилл, Рокет Ворк.

Мультисервисы для самозанятых представляют из себя универсальные интернет-площадки, где присутствуют вакансии из различных сфер для лиц, применяющих НПД, есть возможность выставлять счета клиентам, а также подключить систему эквайринга для ведения финансово-хозяйственной деятельности. Среди наиболее посещаемых мультисервисов можно выделить: Самозанятые.рф, Свояработа.рф, Консоль.

С недавних пор, в том числе благодаря условиям пандемии, крупнейшие торговые площадки маркетплейсов стали предлагать сотрудничество самозанятым предпринимателям. Маркетплейсы предлагают продавать на своих интернет-сайтах продукцию, которую самозанятые произвели самостоятельно, чтобы отсутствовало требование обязательное маркировки товара. Если продукция требует сертификации, то продавцом может являться самозанятый ИП. Перечень интернет-площадок, которые уже работают с самозанятыми предпринимателями: Яндекс.Маркет, Wildberries, Avito, Ozon, AliExpress.

Широкий спектр инструментов для работы самозанятых предпринимателей дает значительное преимущество в сравнении с другими типами предпринимателей, а их основная интеграция в сети Интернет в условиях ковид-кризиса придает гибкости и мобильности самозанятой форме труда.

Характеристики поискового поведения самозанятых на основе запросов в системе Яндекс.Директ. В связи с тем, что на законодательном уровне большая часть инструментов для самозанятых находится в виртуальном пространстве, а тенденции постковида усилили переход большей части коммуникации в сеть Интернет, то наиболее актуальным аналитическим методом, характеризующим основные тренды поискового поведения и сфер интереса самозанятых, является аналитика запросов с помощью инструмента Яндекс.Директ.

Для оценки постковидного тренда был отобран период снятия наибольшей части ограничений из-за пандемии. Как видно в таблице 2, статистика запросов включает в себя поиск не только самого понятия «самозанятость», но и сочетания фраз, запрашиваемых в сети Интернет с наибольшей частотностью за указанный период.

Таблица 2

Динамика поисковых запросов со словом «самозанятость»

Рей- тинг	Варианты запросов	Количество показов в месяц (период с 30.09.21 по 01.11.21)
1	Самозанятость	230 838
2	Как оформить самозанятость	35 900
3	Самозанятость через	19 881
4	Самозанятость 2021	15 814
5	Минусы самозанятости	13 979
6	Самозанятость плюсы	13 974
7	Самозанятость плюсы + минусы	13 223
8	Госуслуги самозанятость	12 245
9	Самозанятость через госуслуги	10 732
10	Самозанятость какие	9 915
11	Как оформить самозанятость через	8 960
12	Оформлять ли самозанятость	8 300
13	Самозанятость сбербанк	7 669
14	Оформление самозанятости	7 274
15	Самозанятость сколько	7 206
16	Самозанятость деятельность	7 069
17	Виды самозанятости	6 812
18	Как оформить самозанятость через госуслуги	6 296
19	Самозанятость виды деятельности	5 810
Итого		441 897

Источник: Данные Яндекс.Директ.

Наиболее высокочастотные запросы в выборке свидетельствуют о всплеске изучения новой формы занятости в лице самозанятого и специфики критериев оформления, что отражает интерес той группы людей, который начали рассматривать для себя переход в новый формат трудовой занятости на фоне многочисленных банкротств предприятий в период ковида и постковиды, а также массовых увольнений и дестабилизации рынка труда. Второй по объему блок запросов отражает интерес пользователей к различным

онлайн-вариантам оформления самозанятости, в том числе через сайты государственных структур и коммерческих банков. В число ключевых интересов, исходя из данных таблицы 2, также входят сравнение положительных и отрицательных сторон самозанятости, виды и сферы трудовой деятельности для НПД, самыми популярными сервисами из поиска можно выделить Госуслуги и Сбербанк.

Таким образом, можно утверждать, что самозанятые в период расширения территориального действия закона о налоге на профессиональный доход, стали всё больше использовать онлайн-инструменты для организации труда и ведения финансово-хозяйственной деятельности. По запросам, характерным для самозанятых, можно сделать вывод о погружении большей части коммуникации, анализа рынка и вариантов взаимодействия на рынке самозанятых в сеть Интернет. Данные выводы коррелируют с аналитикой ФНС по результатам деятельности самозанятых в постковидный этап 2022 года⁶, согласно которой для самозанятых ключевым положительным аспектом в организации труда является возможность ведения бухгалтерского и налогового учета с использованием мобильного приложения, удаленно и без необходимости личного присутствия в органах налогового надзора. А также каждый второй самозанятый ведет свою деятельность исключительно с помощью онлайн-платформ в сети Интернет.

Заключение. Самозанятость в настоящее время – одна из самых быстрорастущих форм занятости на рынке труда в России. Развитию данного сектора во многом способствовал эксперимент на базе законодательного регулирования для лиц, применяющих налог на профессиональный доход, а также изменения закона, позволившие расширить территориальное распространение самозанятости и включение разных профессиональных сфер в новый трудовой сегмент.

В результате проведенного исследования были изучены наиболее востребованные инструменты организации труда самозанятых, особенности и способы ведения ими финансово-хозяйственной деятельности с использованием онлайн-инструментов, а также определен возросший уровень динамики поисковых запросов на тему самозанятости, что говорит об актуальности самозанятой формы труда в настоящее время.

Однако, следует отметить, что самозанятость, как в официальном формате, так и вне его, все ещё остается в зоне неустойчивости. Это проявляется в следующих признаках (исходя из классификации прекарности Международной организации труда): ограничение сроков трудового договора, неустойчивые условия трудового процесса (выраженные в большей степени в отсутствии социальной защиты, традиционно связанной с классической формой занятости по найму). Упрощение в получении статуса самозанятого предпринимателя при отсутствии решения ключевых проблем данного социального сегмента, масштабирует проблемы неустойчивости и вероятность полного отсутствия социальных и трудовых прав.

На рынке труда широко распространилась практика массового перевода сотрудников с традиционной формы занятости по договору на самозанятый режим, что говорит о недостаточности проработки законодательной базы, в которой отсутствует четкое разграничение между статусом трудовых отношений и самозанятости. Существует потребность регулирования социаль-

⁶ В России зарегистрировались 5 млн самозанятых // Федеральная налоговая служба. 6.06.2026. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/activities_fts/12258990/ (дата обращения 01.10.2021).

но-трудовых взаимоотношений, формирующихся при начале деятельности гражданами в качестве самозанятого предпринимателя, определить понятие самозанятости, создать перечень прав и гарантий самозанятых, проработать правовую сторону господдержки и защиты от безработицы данной категории работников. Особенно остро стоит вопрос пенсионного обеспечения и стажа самозанятых предпринимателей. На данный момент они освобождены от уплаты взносов в Пенсионный фонд и фактический трудовой стаж самозанятого не идет в зачет пенсионного, что в будущем может создать целую группу людей, не защищённых социальной поддержкой при прекращении ими трудовой деятельности.

При наличии отрицательных сторон самозанятости, во многом этот тип предпринимательской активности показал свою устойчивость во время пандемии и введения ограничительных мер. Большой спектр онлайн-инструментов позволяет самозанятым диверсифицировать свои финансовые риски и деятельность в целом, выгодно отличаться для своего круга потребителей в сравнении с предпринимателями другой формы деятельности. Широкая господдержка лиц, применяющих НПД, а также скорость коммуникации и решения по их обращениям делают коммуникацию и сделки с ними привлекательнее и надежнее.

Перспективность развития самозанятости подчеркивается законами по расширению территориального действия эксперимента по применению НПД, созданию новых кредитных продуктов, признающих самозанятых самостоятельной бизнес-единицей, производством различных агрегаторов и интернет-сервисов для деятельности самозанятых, включению и стимулированию различных возрастных групп к ведению самозанятого предпринимательства.

Феномен самозанятого предпринимательства в России стал все больше интересовать население, особенно в условиях банкротств предприятий и фирм, массовой безработицы, слабой мобильности организаций в области реконфигурации своей деятельности в условиях кризиса. В эпоху нестабильности и постоянных ограничений, возможность самостоятельно планировать свою деятельность и нести ответственность за бюджет, охват клиентов, ведение бухгалтерского и налогового учета, а также возможность проявить свой индивидуальный подход и креатив становится перспективной зоной вовлечения кадрового и экономического потенциала разных групп населения.

Библиографический список

1. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс / Пер. с англ. Н. Усовой. М. : Ад Маргинем Пресс, 2014. 328 с. ISBN 978-5-91103-209-8.
2. Голенкова З. Т., Голицова Ю. В. Прекариат как новая группа наемных работников // Уровень жизни населения регионов России. 2015. № 1. С. 47–57. EDN [TQALIF](#).
3. Прекарная занятость: истоки, критерии, особенности / Под ред. Ж. Т. Тощенко. М. : Изд-во «Весь мир», 2021. 400 с. ISBN 978-5-7777-0852-6. EDN [ECFFBH](#).
4. Тощенко Ж. Т. Прекариат – новый социальный класс // Социологические исследования. 2015. № 6. С. 3–13. EDN [UAXUBZ](#).
5. От прекарной занятости к прекарнизации жизни / Под ред. Ж. Т. Тощенко. М. : Изд-во «Весь мир», 2022. 364 с. ISBN 978-5-7777-0886-1. EDN [VOKUSY](#).
6. Великая Н. М. Прекарнизация труда молодежи как фактор формирования группы «самозанятые» // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28, № 2. С. 6–21. DOI [10.19181/nko.2022.28.2.1](#). EDN [MBMQCF](#).
7. Худжебаева Г. Д. Современные подходы к определению самозанятости в России // Human Progress. 2021. Т. 7, № 3. С. 14. DOI [10.34709/IM.173.14](#). EDN [OTWDOC](#).
8. Пацюрковский В. В. Самозанятость – ответ части экономически активного населения на кризис стандартных трудовых отношений // Народонаселение. 2020. Т. 23, № 1. С. 88–103. DOI [10.19181/population.2020.23.1.8](#). EDN [KSWASO](#).

9. Плотников И. Н. Социальные функции самозанятости в современной России в период пандемии, санкций, изоляции // Инновации и продовольственная безопасность. 2022. № 3. С. 44–51. DOI [10.31677/2311-0651-2022-37-3-44-51](https://doi.org/10.31677/2311-0651-2022-37-3-44-51). EDN [BFTJWL](#).
10. Солодкая М. С. Тенденции развития самозанятости и модели налогообложения самозанятых: международный опыт и российские перспективы // Труды Оренбургского института (филиала) МГУОА. 2018. № 35. С. 45–49. EDN [XOGNXV](#).
11. Стребков Д. О., Шевчук А. В. Трудовые траектории самозанятых профессионалов (фрилансеров) // Мир России. Социология. Этнология. 2015. Т. 24, № 1. С. 72–100. EDN [TLOJZV](#).
12. Стребков Д. О., Шевчук А. В. Электронная самозанятость в России // Вопросы экономики. 2011. № 10. С. 91–112. DOI [10.32609/0042-8736-2011-10-91-112](https://doi.org/10.32609/0042-8736-2011-10-91-112). EDN [OFPVJZ](#).

Поступила в редакцию: 04.12.2022. Доработана: 23.01.2023. Принята к печати: 10.02.2023.

Сведения об авторе:

Садовая Виктория Вадимовна, аспирант, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН. Москва, Россия.
sadovaya-brk@yandex.ru

V. V. Sadovaya¹

¹ Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS.
Moscow, Russia.

POST-COVID ETHICS OF WORK AS A PERSPECTIVE FOR THE DEVELOPMENT OF SELF-EMPLOYMENT IN RUSSIA

Abstract. The article discusses the process of transferring the financial and economic activities of most self-employed entrepreneurs to the digital space, which was forced by the conditions of the remote work format during the COVID-19 pandemic, as well as the established legislative framework during the period of self-isolation. The analysis of the current legislative framework, which is included in the article, makes it possible to identify general trends in removing barriers to engage a larger group of entrepreneurs in a new format of working, as well as immersing the main financial instruments in the Internet. On the basis of empirical data obtained in the course of quantitative (data analytics of queries in Yandex.Direct) and qualitative sociological research (content analysis of financial applications) the features of registration and registration procedures in the digital space were formed, the online platforms of the Federal Tax Service and the largest banking organizations for servicing financial and economic activities for the self-employed were analyzed, including financial instruments. A number of main aggregators and marketplaces are distinguished by industries of the activity sphere of the self-employed according to the criterion of popularity in Internet search engines.

The specificity of web analytics of the dynamics and content of search queries allows us to draw conclusions about the most pressing topics, both for the self-employed and for those interested in this topic for the purpose of subsequent registration and use of financial instruments on the Internet. Based on these requests, there is a surge of interest in self-employed entrepreneurship, the criteria for registering self-employment during the pandemic and post-pandemic, an active study of the specifics of tax liabilities and financial and economic activities, typical characteristics of search behavior and priority online platforms in the Yandex.Direct system have been formed.

Keywords: self-isolation; work; remote mode; self-employment; pandemic; entrepreneurs; economy; financial and economic activity; online platforms

For citation: Sadovaya V. V. (2023) Post-COVID ethics of work as a perspective for the development of self-employment in Russia. *Science. Culture. Society*. Vol. 29. No. 1. P. 78–89. DOI [10.19181/nko.2023.29.1.6](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.1.6)

References

1. Standing G. The precariat. The new dangerous class. Moscow: Ad Marginem Press; 2014. 328 p. ISBN 978-5-91103-209-8 (in Russ.).
2. Golenkova Z. T., Goliusova Yu. V. Precariat as a new group of employees. *Level of Life of the Population of Regions of Russia*. 2015;(1):47–57 (in Russ.).
3. Toshchenko Zh. T. (ed.). Precarious employment: origins, criteria, features. Moscow: “Ves Mir” Publ.; 2021. 400 p. ISBN 978-5-7777-0852-6 (in Russ.).
4. Toshchenko Zh. T. Precariat – a new social class. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*. 2015;(6):3–13 (in Russ.).
5. Toshchenko Zh. T. (ed.). From precarious employment to precarious quality of life. Moscow: “Ves Mir” Publ.; 2022. 364 p. ISBN 978-5-7777-0886-1 (in Russ.).
6. Velikaya N. M. Precarization of youth labour as a factor in the formation of the “self-employed” group. *Science. Culture. Society*. 2022;28(2):6–21. DOI [10.19181/nko.2022.28.2.1](https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.2.1) (in Russ.).
7. Khudzhebaeva G. D. Modern approaches to the definition of self-employment in Russia. *Human Progress*. 2021;7(3):14. DOI [10.34709/IM.173.14](https://doi.org/10.34709/IM.173.14) (in Russ.).
8. Patsiorkovskiy V. V. Self-employment as response of the part of economically active population to the crisis of standard labor relations. *Population*. 2020;23(1):88–103. DOI [10.19181/population.2020.23.1.8](https://doi.org/10.19181/population.2020.23.1.8) (in Russ.).
9. Plotnikov I. N. Social functions of self-employment in modern Russia in the period of pandemic, sanctions, isolation. *Innovations and food safety*. 2022;(3):44–51. DOI [10.31677/2311-0651-2022-37-3-44-51](https://doi.org/10.31677/2311-0651-2022-37-3-44-51) (in Russ.).
10. Solodkaya M. S. Dynamics of self-employment and models of self-employment taxation: international experience and Russian prospects. *Trudy Orenburgskogo instituta*. 2018;(35):45–49 (in Russ.).
11. Strebkov D. O., Shevchuk A. V. Work trajectories of self-employed professionals. *Universe of Russia*. 2015;24(1):72–100 (in Russ.).
12. Strebkov D. O., Shevchuk A. V. Electronic self-employment in Russia. *Voprosy Ekonomiki*. 2011;(10):91–112. DOI [10.32609/0042-8736-2011-10-91-112](https://doi.org/10.32609/0042-8736-2011-10-91-112) (in Russ.).

Received: 04.12.2022. Corrected: 23.01.2023. Accepted: 10.02.2023.

Information about the authors:

Viktoria V. Sadovaya, Postgraduate student,
Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia.
sadovaya-brk@yandex.ru

DOI 10.19181/nko.2023.29.1.7

EDN OIQFAA

УДК 316.07; 314

Н. А. Романович^{1,2}

¹ РАНХиГС при Президенте РФ (Воронежский филиал).

² Институт общественного мнения «Квалитас». Воронеж, Россия.

ПРОБЛЕМЫ ИНСТИТУТА СЕМЬИ В МОЛОДЁЖНОЙ СРЕДЕ

Аннотация. Проблемы института семьи отражаются в трансформации семейных ценностей. Традиционные для исторической России образцы семейно-брачных отношений вступают в противоречие с современными реалиями. Молодёжную среду эта трансформация затрагивает прежде всего, ставя молодых людей перед жёстким выбором между социально одобряемым карьерным ростом и тихим неприметным миру подвигом внутрисемейных отношений. Проведённое осенью 2020 года всероссийское исследование «Саморегуляция жизнедеятельности молодёжи в изменяющейся социальной реальности» выявило проблемные аспекты брачных отношений. Исторически свойственные России традиционные ценности семьи противостоят набору современных ценностей, свойственных либеральной модели, и порой уступают последним. Заложенный основоположниками коммунизма курс на устранение моногамной семьи как экономической ячейки общества даёт свои поздние всходы, преломляясь в индивидуализации общества, нивелировании значимости официальных брачных союзов, сокращении количества детей в семьях. Результаты всероссийского социологического опроса молодёжи дают возможность выявить реальное семейное положение молодых людей в России, рассмотреть его модели. В статье анализируется распространённость так называемых «гражданских браков» и коррекция отношения к ним со стороны официальных органов. Автор приводит обоснование набирающей популярность «японской модели» в брачных отношениях, а также причины, которые толкают молодых людей к недолгосрочности брачных союзов, чреватых одиночеством. Рассматривается характер взаимоотношения молодых людей с родителями и сопоставляются различные поколения молодёжи. Исследуется представление респондентов о смысле семьи и устанавливаются главные побудительные причины вступления в брак. Выявляется число детей в современных молодёжных семьях и анализируются тенденции в различных социальных группах. Делаются выводы о неустойчивости института семьи в современном мире и необходимости защиты его со стороны государства.

Ключевые слова: институт семьи; молодёжь; брак; семья; количество детей; общественное мнение; социологический опрос

Для цитирования: Романович Н. А. Проблемы института семьи в молодёжной среде // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29, № 1. С. 90–102. DOI 10.19181/nko.2023.29.1.7. EDN OIQFAA

Введение. Каждая эпоха вкладывает свои смыслы в институт брака. Кажется бы, нет ничего проще, чем семья, но на самом деле – нет ничего сложнее. Семейные отношения издревле были окутаны ореолом сакральности, поэтому не случайно, что в традиционном обществе семейно-брачные союзы регулировались религиозными нормами. Институт брака ждало потрясение в эпоху зарождения капитализма, когда семья была объявлена одним из объектов реальности, подлежащих уничтожению (К. Маркс, Ф. Энгельс), но при социализме семья выстояла, поскольку оказалась под охраной власти как главная «ячейка государства» (В. И. Ленин), правда, уже без всяких признаков сакрализации.

Для исторической Руси характерна патриархальная, многодетная, многопоколенная семья с общим ведением домашнего хозяйства. В современных условиях доминирующим трендом является конструирование представлений о семье и браке в процессе острого столкновения традиционных и современных смыслов. Институционально одобряемые образы семьи вступают в противоречие с разными вариациями семейно-брачных отношений, формирующихся в процессе спонтанной саморегуляции в ответ на изменяющиеся условия жизни. Зачастую современные образцы для молодых людей оказываются более значимыми, чем традиционные. Частично утрачивая прежнее значение, традиционные образцы, тем не менее, сохраняются в сознании молодёжи и отражаются в моделях семейно-брачных отношений. Поэтому в картинах мира большинства молодых людей выстраивается весьма противоречивый образ семьи. Исследователи отмечают следующие нюансы конструирования этого образа в молодёжной среде: «Во-первых, семья традиционно остается для них значимой ценностью, хотя и отмечается тенденция инструментального отношения к ней. Во-вторых, отражая традиционно высокую ценность самой семьи в жизни людей, её образ дополняется современными чертами, причём в разных возрастных и гендерных группах их соотношение различается. Конструируя собственный образ семьи, молодёжь больше, чем старшие поколения, воспроизводит её *современные* модели [1, с. 157].

Детрадиционализация сознания молодёжи и укрепление в нём современных смысложизненных ценностей на фоне того, что семья остается значимой ценностью, ставит молодых людей перед выбором двух противоположных моделей поведения: между традиционным набором ценностей (семья, брак, продолжение себя в детях) и спокойной безбедной (и бездетной) жизнью под флагом самореализации. При этом самореализация как мужчин, так и женщин практически не связывается с ролевой функцией в семье, а общественная деятельность видится более престижной, чем семейная. Достоинство не только мужчины, но и женщины определяется не числом выращенных в законном браке детей, а успешной карьерой и способностью реализовать себя в других сферах. Вчерашний коммунистический лозунг «Первое условие освобождения женщины – привлечение всех женщин к общественному труду... отсюда вытекает необходимость устранения моногамной семьи как экономической ячейки общества» совпал с установками современного общества [2, с. 346]. Плоды либерализации и эмансипации освобождают индивида от институциональных ограничений и вовсе не стимулируют такие семейные ценности как постоянство, верность, ответственность, не способствуют принятию взаимных обязанностей и выполнению семейного долга. В итоге сам институт семьи рассматривается лишь как один из возможных способов выстраивания отношений между полами, что делает его неустойчивым и необязательным. Ставится под сомнение сама сущность брака как союза мужчины и женщины, что находит свое отражение на нормативном уровне в странах Западной Европы и США. Россия в 2020 году сломала этот тренд на разрушение семьи, закрепив в Конституции понятие брака как союза мужчины и женщины (ст. 72 Конституции РФ). Выступив оплотом традиционных представлений о браке, Россия пресекает спекуляции по теме предоставления отдельных прав людям нетрадиционной сексуальной ориентации.

Метод исследования. Как показывают результаты соцопросов, трансформация института семьи проходит через судьбы молодых людей, которые подвержены новым веяниям в процессе пересмотра взглядов на брак.

Всероссийское социологическое исследование в рамках гранта РФФИ № 20-011-00585 «Саморегуляция жизнедеятельности молодёжи в изменяющейся социальной реальности» проводилось осенью 2020 года. Институтом общественного мнения «Квалитас» опрошено 1155 жителей различных регионов России в возрасте от 15 до 35 лет методом личного интервью (face-to-face) по месту жительства респондентов в период от 14 сентября по 05 ноября 2020 года. Выборка включала в себя 42 населенных пункта в 10 субъектах Российской Федерации. Для обеспечения репрезентативности выборки была использована случайная маршрутная выборка для поиска домохозяйств (квартира, дом), в которых отбирался для последующего опроса конкретный респондент.

Семейное положение и его модели в молодёжной среде. Среди опрошенной молодёжи, согласно результатам исследования, более половины респондентов ещё никогда не были в браке (54%). Прежде всего, конечно, это относится к самым юным россиянам от 15 до 17 лет – 96% из них ещё не слышали марш Мендельсона в свою честь. Тем не менее, 4% опрошенных «добрачного» возраста уже успели пожить в браке (с регистрацией или без неё), развестись (1%) и даже овдоветь (1%). Казалось бы, это невозможно в столь нежном возрасте. Но последние коррективы, внесенные в Семейный кодекс РФ № 223-ФЗ совсем недавно (02.07.2021 г.), это позволяют. Раньше брак в возрасте от 16 до 18 лет рассматривался как исключение, разрешался при особых обстоятельствах и требовал согласия родителей. После внесённых в 2021 году корректив, брак в возрасте от 16 до 18 лет разрешён по уважительным причинам и согласия родителей не требует. В то же время брачный возраст от 14 до 16 лет сегодня допускается (ранее был запрещён) как исключение по особым обстоятельствам и требует согласия родителей.

По мере увеличения возраста респондентов число никогда не состоявших в браке снижается до 20% в возрасте 30-35 лет (см. таблицу 1). Показательно, что чем крупнее город, тем больше там одиноких людей (в крупных городах – 57%, в средних – 54%, а в селах только 46%).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Каково Ваше семейное положение?», %

Возраст респондентов	Никогда не состояли в браке	Состоят в зарегистрированном браке	Состоят в незарегистрированном браке	Разведены	Вдова / вдовец
15-17 лет	96	2	1	1	1
18-24 года	76	12	10	1	1
25-29 лет	38	43	12	6	1
30-35 лет	20	52	14	13	1
Всего	54	29	11	5	1

В среднем по России около 30% молодёжи состоят в зарегистрированном браке, и число это растёт от 2% до 52% по мере увеличения возраста респондентов (табл. 1). Фактически брак каждого десятого опрошенного не зарегистрирован (11%).

Незарегистрированный брак по определению не порождает между мужчиной и женщиной прав и обязанностей супругов, поэтому в случае рождения детей может создать существенные проблемы (реализация отцовства, выплата

алиментов на содержание ребенка), а также оказаться психологической проблемой для всех участников семейных отношений. Незарегистрированный брачный союз традиционно осмысливается как признак кризиса института семьи и его трансформации [3].

Вдовых респондентов среди молодёжи встречается не более одного процента вне зависимости от возрастной планки. Это признак мирного времени, когда смерть супруга в юном возрасте является исключительным случаем, связанным с внезапной болезнью или травмой. После начала специальной военной операции на Украине эти показатели изменятся.

В целом по России число разведённых пар среди молодёжи резко возрастает (до 13%) в диапазоне от 30 до 35 лет. Молодые люди с плохим материальным положением разводятся чаще (13%), чем состоятельные респонденты (3%). Согласно данным статистики, в 2020 году на 1000 человек в России пришлось 3,9 развода и 5,3 зарегистрированных браков¹.

После «провального» для проведения свадебных церемоний из-за ковидных ограничений 2000 года, в последующем 2021 году число браков стало расти, но возросло пропорционально и число разводов: «В России за девять месяцев 2021 года число браков выросло на 140 тысяч по сравнению с аналогичным периодом 2020 года. Количество разводов увеличилось на 80 тысяч»².

Последняя Всероссийская перепись населения проходила в октябре 2021 года. Любопытно, что от переписи к переписи изменяется количество категорий брачного состояния. Во время переписей 1939, 1959 и 1970 годов учитывались только *состоящие* и *не состоящие* в браке. В переписных листах 1979 и 1989 годов выделялись четыре категории брачного состояния: *никогда не состоявшие* в браке, *состоявшие* в браке, *вдовы*, *разведённые* (в том числе и разошедшиеся – то есть те, чей брак прекратился, но его прекращение не оформлено в соответствии с законом). В переписях населения 2002 и 2010 годов дополнительно была получена информация от лиц, состоящих в браке, зарегистрирован ли их брак органами ЗАГС. В проходившей осенью 2021 года Всероссийской переписи населения были выделены уже шесть категорий брачного состояния: *состою в зарегистрированном браке*; *состою в незарегистрированном супружеском союзе*; *разведен(а) официально (развод зарегистрирован)*; *разошёлся(лась)*; *вдовец (вдова)*; *никогда не состоял(а) в браке*. Выходит, что так называемый гражданский брак получил отчасти юридическое признание на государственном уровне, поскольку за ним закрепилась формулировка: *незарегистрированный супружеский союз*.

Статистика свидетельствует, что в городах люди женятся и разводятся чаще, чем в сёлах. Так, в 2020 году среди горожан было заключено 5,7 брака на 1000 человек, а среди селян – 3,9 брака на 1000 населения (в 2019 году коэффициент брачности 7,6 и 5,3 соответственно). Число разводов среди городских жителей также больше. Коэффициент разводимости для горожан в 2020 году был равен 4,4 на 1000 населения, а для жителей сельской местности он составил 3,5³.

Известно, что за первое полугодие 2021 года в России развелись более 251 тысячи супружеских пар – это на 44% больше, чем за тот же период 2020 года. Специалисты называют это число рекордным за последние 7 лет.

¹ Демография : Браки и разводы // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 17.09.2022).

² Целищев А. В России в 2021 году выросло число браков и разводов. 23.12.2021. URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2021/12/23/17051983.shtml> (дата обращения 18.09.2022).

³ Демография : Браки и разводы // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 17.09.2022).

Основными причинами экономисты и социологи считают вынужденную изоляцию в пандемию и падение доходов, а также повышение финансовой независимости российских женщин и даже указывают на ввод выплат неполным семьям как на катализатор разводов⁴.

В современном мире почти в каждом государстве появился тренд на жизнь в одиночку, так называемая «японская модель». Квинтэссенция этой модели заключается в том, что в настоящее время проще выжить одному, поэтому молодёжь, если и создает браки, то, как правило, длятся они недолго. У этой «японской модели» имеется экономическое обоснование: если у одинокого человека есть работа, которой он плотно занят, то ему не нужно тратить деньги на большой дом, на содержание членов семьи. Собственно, и времени на семью у него нет. Неслучайно, согласно статистике, среди японцев до 20 лет 80% не имели никакого сексуального опыта, с 20 до 24 лет – 40%, а с 35 до 39 лет – 10%⁵.

Постепенно к этой модели склоняются жители прочих стран: молодёжь максимально сконцентрирована на работе в нашем конкурентном мире, минимум средств и времени – на семью и на сопутствующие социальные связи. Россияне тоже проникаются доводами этой модели. Содержание большого дома (не говоря уже о большой семье) становится обузой. Молодёжь живет на съемных квартирах-студиях и меняет города и регионы довольно часто, что весьма удобно, если работа мобильная, предполагающая разъезды. Люди не стремятся жить под одной крышей – чтобы родители, дети вместе – даже в таких регионах, где это было привычно ещё десяток лет назад.

Отношения с родителями в семье. Отношения с родителями обычно закладывают представление о собственной семье, о норме семейных взаимоотношений, о распределении обязанностей и ролей. Поэтому ответы на следующий вопрос: «Как Вы оцениваете ваши отношения с родителями?», – как правило, значимы для будущей семейной жизни молодых людей. Почти три четверти опрошенных (74%) засвидетельствовали хорошие отношения с родителями или, по крайней мере, удовлетворительные (18%). Как ни странно, но характер взаимоотношений зависит от уровня дохода респондентов. Например, среди самых бедных только 59% заявили о хороших отношениях между поколениями, тогда как среди богатых – уже 85%.

Оказалось, что 5% российской молодёжи не имеют родителей. Среди респондентов от 30 до 35 лет число таких ответов возрастает до 11%. Среди самых бедных респондентов – до 13%. Умерли ли родители или молодые люди росли в детском доме – эти вопросы остались за бортом исследования.

Лишь 2% респондентов признались, что у них не сложились нормальные отношения с родителями. Кстати, по мнению некоторых исследователей, зачастую родители даже не догадываются о том, что их дети квалифицируют отношения с ними как «плохие». То есть дети считают, что конфликтуют со своими родителями, а родители так не считают. «А если это сопоставить с данными примерно поколения их родителей, то мы видим, что родители, скорее, квалифицируют свои отношения с детьми подростками, подрастающими как бесконфликтные. Здесь есть какой-то диссонанс. За ним стоит довольно сильно выраженное ощущение – и это мы видим по молодёжным опросам – разрыва

⁴ Юсупова С. Люди не стремятся жить под одной крышей // Сибирь.Реалии. 28.07.2021. URL: <https://u.to/ruRPHg> (дата обращения: 08.09.2022). Медиапроект «Сибирь.Реалии» включён Министром РФ в реестр СМИ-иностранных агентов.

⁵ Там же.

взаимопонимания»⁶. Разрыв взаимопонимания закладывается ещё в детском возрасте. Маленькие дети, по сравнению с прошлыми поколениями – это другие дети, они менее дети. Быстро взрослеют, более прагматичны уже в начальной школе, менее эмоциональны, в большей степени предоставлены самим себе и вещам, их окружающим. Заметим, что даже детские мультфильмы сегодня рассчитаны больше на взрослых, а не на детей (они очень отличаются от мультфильмов, которые были полвека назад). Вклад родителей в развитие личности стал значительно меньше, по сравнению с тем, как было несколько поколений назад. В семьях всё больше становится нянь, поскольку оба родителя работают. Исследования начала 90-х показывали уверенность людей, что ребенок должен воспитываться дома, с обоими родителями, с бабушкой, теперь это всё перекладывается на внешних акторов – детские сады, няню, – для тех, кто может себе это позволить. В результате ощущение заброшенности и дефицита теплоты и внимания, которое есть у детей, перерастает в отсутствие взаимопонимания между родителями и подростками.

Исследователи сравнивают нынешних молодых людей с сегодняшними взрослыми, которые выросли в годы реформ, и утверждают, что у выпускников советских школ был выше уровень оптимизма, поскольку все рассчитывали, что завтра будет лучше, чем сегодня⁷. А сегодняшние молодые люди живут с ощущением, что завтра может быть ещё хуже, чем сегодня, поэтому перспектива очень короткая. Появляется негласная установка на то, чтобы успеть ухватить немножко радости (безотносительно к средствам и этическим нормам), потому что завтра может не быть ничего. Подобное отношение экстраполируется на семью, поэтому браки молодых людей зачастую скоротечны, молодожёны не видят смысла в принятии недостатков друг друга в надежде на будущее вознаграждение, как к тому призывают все религии мира. Молодые люди настроены на удовольствие «здесь и сейчас».

Смысл семьи и мотивация брачного союза. Смысловые конструкции семьи отражают понимание молодыми людьми её сущности в собственной жизни и назначения семьи в целом, как некоего обобщённого образа. Каждый человек, создающий семью, имеет свои представления о том, зачем он это делает. Сходство этих представлений у мужа и жены – едва ли не главный фактор стабилизации семейных взаимодействий. Если обратиться к результатам исследования, то обнаруживается разница в ответах мужчин и женщин на этот вопрос (см. табл. 2).

В ответах молодёжи на этот вопрос однозначное первенство держит «любовь» (44%). Казалось бы, это «правильный» ответ, и можно радоваться за верные установки молодых людей. Только почему-то увеличивается число разводов... Если существование семьи базируется исключительно на летучем чувстве страсти (которую ошибочно принимают за любовь), то молодые пары рано или поздно сталкиваются с тем, что «любовь проходит». Среди современных взглядов на брак превалирует установка: «если любовь прошла, то сохранять семью не имеет смысла». Возможно, превратные представления о любви как о чувстве, над которым не надо трудиться, которое уходит и приходит независимо от воли человека, настойчивое педалирование своих прав и забвение своих обязанностей приводит в совокупности к кризису института семьи.

⁶ Боде В. Отношение к детям в российском обществе и в семье // Свобода. 05.06.2011. URL: <https://u.to/KuVPHg> (дата обращения: 07.10.2022). Радио «Свобода» включено Минюстом РФ в реестр СМИ-иностранных агентов.

⁷ Там же.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «В чем для Вас смысл семьи?», %

Варианты ответа	Всего	Мужчины	Женщины
Потребность (не могу представить свою жизнь без семьи)	34	32	35
Необходимость (чувство долга или чувство неловкости без семьи)	9	13	6
Средство (для карьеры, комфорта)	2	2	2
Цель (семья просто должна быть)	9	10	8
Любовь	44	40	48
Обуза	1	2	0,5

В чем же нюансы отношения молодежи к семейной жизни? Фактически каждый третий (34%) воспринимает семью как потребность – «не могу представить себе жизнь без семьи». К потребности и любви чаще апеллируют женщины, чем мужчины (см. табл. 2). Если любовь занимает лидирующее место среди восемнадцатилетних (50%), то потребность выходит на первый план в группе тридцатилетних респондентов (41%).

В среднем по России почти каждый десятый молодой человек воспринимает семью как необходимость (9%). Ещё пару сотен лет назад было только два варианта: или под венец, или в монастырь. Неженатый мужчина презрительно именовался «бобылём», подвергался насмешкам и испытывал чувство дискомфорта в социуме. Считалось, что он не состоялся как мужчина. Сегодня ожидания социума от мужчины связаны более с его карьерой, чем с заботой о собственной семье и детях. Тем не менее, и сегодня мужчины в два раза чаще (13%), чем женщины (6%) воспринимают семью как необходимость (долг или неловкость без семьи). Кстати, с увеличением уровня образования необходимость семьи уменьшается с 14% (неполное среднее образование) до 8% (бакалавры), 5% (магистры) и даже до 0% среди кандидатов наук. Очевидно, что самореализация в научной карьере некоторым заменяет самореализацию в семейной жизни.

Среди молодежи 9% опрошенных считают, что семья просто должна быть, не задумываясь особо над её назначением, то есть воспринимая семью как цель саму по себе.

Лишь единицы считают семью средством для умножения комфорта или построения карьеры (2%). Такой прагматический взгляд собрал одинаковое количество мужчин и женщин. А вот воззрения на семью как на обузу в четыре раза чаще свойственны мужчинам (2%), чем женщинам (0,5%), хотя и набирают мизерное число сторонников (табл. 2).

В обозначенных смыслах отражается понимание сути и функций семьи, намечаются представления о направлениях развития семейных отношений и выявляются экспектации – ожидания от вступления в брак. В. П. Левкович и О. Э. Зуськова показали, что сложившиеся ещё до брака ожидания молодых людей, как правило, завышены и не совпадают с реальной ситуацией, что приводит к напряженности в отношениях [4]. Об их дестабилизации вплоть до распада семьи вследствие расхождения ролевых представлений молодых супругов писал В. Н. Дружинин [5].

Ю. А. Евграфова выделяет три модели отношений в зависимости от того, что лежит в основании рассогласованности ролевых ожиданий: когнитивная – осознание несоответствия и готовность его преодолеть, аффективная – эмоциональное реагирование на конфликты и конативная – стремление настоять на своём, не учитывая мнения партнера [6]. Первый вариант наиболее конструктивный: он с большой долей вероятности трансформируется в партнерскую модели семьи. Третий имеет отношение к стратегии подавления, а второй – промежуточный – определяется неспособностью переходить к целерациональному диалогу.

Сходные тенденции отмечают И. С. Клециной, по наблюдению которой «большинство молодых людей в своих представлениях о семейной жизни тяготеют именно к партнерству, но в реальной действительности оказывается, что равноправие предполагает высокую ответственность супругов и взаимозаменяемость семейных ролей» [7, с. 116], к которым молодые люди не готовы.

Оценка удовлетворенности браком. Характер удовлетворённости браком активно исследуется как зарубежными, так и отечественными специалистами. Удовлетворённость измеряется в зависимости от стажа брака, который фиксируется по мере развития семьи – от рождения первого ребенка вплоть до ухода детей из семьи. Большинство полученных результатов сводится к тому, что удовлетворённость браком имеет U-образную форму – в начале, в течение первых двух десятилетий существования семьи, удовлетворенность браком постепенно понижается, достигая своего минимального значения в парах со стажем семейной жизни от 12 до 18 лет, а затем возрастает, но уже более резко⁸.

В отечественных исследованиях одними из первых осветили проблему качества брака В. А. Сысенко (1981) и С. И. Голод (1984). По мнению В. А. Сысенко, для каждого из супругов в браке должен быть достигнут какой-то минимально необходимый уровень удовлетворения потребностей, за пределами которого уже возникает дискомфорт [8]. С. И. Голодом выделены факторы удовлетворенности браком, специфичные для каждого пола в пределах первого десятилетия совместной супружеской жизни. Для женщин – это бытовая и духовная адаптация, совместимость мужа с её родственниками и самоутверждение, для мужчин – сексуальная экспрессивность жены [9].

На вопрос «*Как Вы оцениваете Ваш брак?*» подавляющее большинство молодых людей (82%) ответили, что полностью им удовлетворены. Это внушает оптимизм по поводу их дальнейшей семейной жизни. Только 16% опрошенных заявили, что брак их не вполне устраивает. Не совсем удовлетворены своим браком, но, видимо, планируют его сохранить, мирясь с недостатками супругов, чаще других люди 30–35-летнего возраста (годы, когда исчезает юношеский максимализм, а формируется терпение и мудрость).

Лишь единицы не удовлетворены браком совершенно (1%) и желают его расторгнуть (1%). Таблица 3 показывает распределение ответов респондентов на этот вопрос в зависимости от возраста.

Оказалось, что менее всего удовлетворены своим браком респонденты 15–17 лет, т.е. по закону ещё не имеющие права вступать в брак. Каждый четвёртый хотел бы такой брак расторгнуть. Это означает либо то, что молодые люди поженились в виду исключительности случая (например, незапланированной беременности), либо то, что их брак не зарегистрирован.

⁸ Егорова О. В. Феномен удовлетворенности браком: основные направления исследований // Институт психологии РАН. 2006. URL: http://www.ipras.ru/cntnt/rus/dop_dokume/mezhdunaro/nauchnye_m/razdel_3_a/egorova_ov.html (дата обращения: 07.10.2022).

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «Как Вы оцениваете Ваш брак?», %

Варианты ответа	Всего	15-17 лет	18-24 года	25-29 лет	30-35 лет
Полностью удовлетворен	82%	50%	80%	86%	80%
Не совсем удовлетворен	16%	0%	16%	13%	18%
Не удовлетворен	1%	25%	2%	0%	1%
Хочу его расторгнуть	1%	25%	1%	0,6%	0,5%

Наибольший процент удовлетворённых браком наблюдается в возрасте от 25 до 29 лет (86%). Следует отметить, что удовлетворённость браком не зависит от материального положения респондентов, повышается с ростом уровня образования и чаще наблюдается в крупных городах (областных центрах).

Число детей у современной молодёжи. Многие прошедшие века дети были целью, смыслом и радостью брака. Сегодня институт брака перестает рассматриваться как основной источник воспроизводства населения. Число детей, рожденных вне брака, превышает 20%⁹.

Согласно результатам исследования, у большинства современной российской молодёжи пока нет детей (65%). Среди имеющих детей респондентов преобладают ответы: «один ребенок» (19%) или «два ребенка» (14%). Трех детей имеют лишь 2% опрошенных. Что касается большего количества детей – то речь идет и вовсе о единичных ответах (см. табл. 4). Четверых или пятерых детей имеют по 0,4% респондентов (в выборке это соответствует трем или четырем ответам), а на шестерых детей указал всего один респондент (0,1%).

В возрасте, который врачи называют наиболее благоприятным для рождения детей (18-24 года) лишь 12% респондентов имеют по одному ребенку. Только немногие в этом возрасте успели родить двоих (2%) или троих (0,2%) детей, как это видно из таблицы 4.

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос «Сколько у Вас детей?», %

Возраст респондентов	Ни одного	Один	Два	Три	Четыре	Пять	Шесть
15-17 лет	99	0	0,7	0,7	0	0	0
18-24 года	86	12	2	0,2	0	0	0
25-29 лет	54	26	19	0,7	0	0,7	0
30-35 лет	30	30	31	8	1	0,7	0,3
Всего	64	19	14	2	0,4	0,4	0,1

Возраст от 25 до 29 лет уже является более плодовитым – двоих детей имеет почти каждый пятый опрошенный (19%), а одного ребенка – уже 26% молодых людей. Случаи трёх или пяти детей в этом возрасте встречаются гораздо реже (0,7%).

⁹ В Ростате рассказали, сколько детей в России рождается вне брака // РИА Новости. 14.08.2019. URL: <https://ria.ru/20190814/1557484264.html> (дата обращения 08.10.2022).

В возрасте 30-35 лет трое детей имеются почти у каждого десятого респондента (8%). Здесь встречаются и более многодетные семьи, насчитывающие четырёх (1%), пять (0,7%) и даже шесть детей (0,3%). Заметим, что семьи с шестью детьми встречались только в сёлах. В больших городах шире доступ к общественным благам, поэтому трудней от них отказаться. Российские исследователи считают это главной проблемой многодетных семей: «Основной проблемой многодетной семьи является её социальная уязвимость, вызванная эксклюзией. Под последней мы понимаем ограничение доступа к общественным благам, невозможность людей участвовать в важных для них аспектах социальной жизни» [10, с. 116].

Исследование подтверждает известную тенденцию, гласящую, что бедные люди чаще рожают детей, чем состоятельные респонденты. Если среди неимущих групп населения 42-46% опрошенных имеют детей, то среди состоятельных граждан – только 30-36%. Что из этого следует? Во-первых, упрочивается негативный стереотип в отношении многодетных семей, представляющий такую семью как социально уязвимую и нуждающуюся в помощи. Во-вторых, напрашивается вывод, что материальный достаток не способствует, а, напротив, препятствует деторождению. В свое время Патрик Бьенен, автор знаменитого трактата «Смерть Запада» предрекал разрушение семей и снижение деторождения именно в силу материального благополучия: «Если посулить каждому государственную пенсию, дети перестанут быть страховкой против старости, – полагает доктор Джон Уоллес из университета Джона Хопкинса. – Если женщина зарабатывает более чем достаточно, чтобы чувствовать себя экономически независимой, она не станет во что бы то ни стало искать себе мужа. А если можно заниматься сексом просто так, не имея в виду зачатия, зачем выходить замуж и жениться?»¹⁰. Патрик Бьюкенен обвинял европейских социалистов в том, что, освобождая мужей, жен и детей от семейных обязанностей, они устранили общественную потребность в семье, провоцируя тем самым отмирание института брака. На самом же деле, материальный достаток не может являться могильщиком брака при условии, что супруги готовы жертвовать своим временем, комфортом и частью материальных благ ради сохранения семейных отношений.

Заключение. Семья сегодня является той линией, по которой проходит главный разлом между двумя моделями (традиционной и современной), между двумя этическими системами (российской и западной). В традиционной модели фундаментом ячейки общества является семья, поскольку позволяет обществу воспроизводиться. Современная мораль направлена на расщепление человеческого общества через разрушение института семьи. Семья и её традиционные ценности нуждаются в защите государства, поскольку по институту семьи наносится главный удар. Одиноким человеком становится более манипулируемым и управляемым. Расщеплённое общество и индивидуализированная личность – вот что хотели бы видеть транснациональные оппоненты России.

Полученные в настоящем исследовании результаты подтверждают ранее выявленную тенденцию к существенным изменениям в картине мира молодых людей, в особенности молодых российских женщин. Эти изменения в первую очередь связаны с их переориентацией на индивидуализированные ценности: саморазвитие, спокойную безбедную жизнь и самореализацию, – а также с по-

¹⁰ Бьюкенен П. Смерть Запада / Пер. с англ. А. Башкирова. М.: Издательство АСТ, 2003. 444 с.

воротом от традиционных семейных ролевых структур к общественным, снижением значимости такой традиционно приписываемой женщине ценности, как продолжение себя в детях, рефлексией в отношении высокой ответственности за детей, в результате чего многодетность стала ассоциироваться у них с бедностью, необразованностью и безответственностью [11].

Качественные характеристики российской семьи во многом определяются социальной средой, в которой осуществляется процесс её жизнедеятельности. «С ростом экономического неравенства, а вместе с этим и расслоением населения, а также с изменением статуса ранее сложившихся социальных групп, – отмечает Л. В. Жуковская, – процессы преобразования института семьи в России приобретают дисфункциональный и бифуркационный характер... Не случайно среди российских экспертов и ученых, исследующих семейные отношения, так популярна идея “возврата к традиционным ценностям”, а задачами органов государственной власти в сфере семейной политики становится устранение причин и последствий дисфункциональности процессов преобразования института семьи» [12, с. 13] Возврат к традиционным образцам становится «простым» ответом на изменчивость реальности. Однако нельзя не согласиться с известными юристами П. В. Крашенинниковым и Е. В. Бадулиной, утверждающими, что «повышение социального потенциала семьи, укрепление брачно-семейных отношений – всё это имеет непосредственное отношение к социальному развитию страны» [13, с. 21]. Иными словами, социальное развитие страны немислимо без укрепления института семьи и её традиционных ценностей. Ведь семья, как говорил педагог В. А. Сухомлинский – это та первичная среда, где человек должен учиться творить добро.

Библиографический список

1. Чупров В. И., Zubok Ю. А., Романович Н. А. Отношение к социальной реальности в российском обществе: социокультурный механизм формирования и воспроизводства. М.: Норма, 2014. 352 с. ISBN 978-5-91768-444-4. EDN [XRRTSUR](#).
2. Энгельс, Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Избранные произведения : в 3 т. Т. 3 / К. Маркс, Ф. Энгельс. М.: Политиздат, 1985. С 225–370.
3. Мацковский М. С. Российская семья в изменяющемся мире // Семья в России. 1995. № 3–4. С. 32–34.
4. Левкович В. П., Зуськова О. Э. Социально-психологический подход к изучению супружеских конфликтов // Психологический журнал. 1985. Т. 6, № 3. С. 126–137.
5. Дружинин В. Н. Психология семьи. СПб.: Питер, 2006. 176 с. ISBN 5-469-00131-8. EDN [RFUTKD](#).
6. Евграфова Ю. А. Ролевая структура в молодой супружеской паре // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2019. Т. 9, № 4. С. 411–423. DOI [10.21638/spbu16.2019.407](#). EDN [KVEKLN](#).
7. Клецина И. С. Гендерный подход в психологических исследованиях современных семейных отношений // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2011. Т. 5, № 4. С. 107–119. EDN [OZOKQZ](#).
8. Сысенко В. А. Устойчивость брака: проблемы, факторы, условия. М.: Финансы и статистика, 1981. 199 с.
9. Голод С. И. Стабильность семьи: социологический и демографический аспекты. Л.: Наука (Ленинградское отд.), 1984. 136 с. EDN [XPMUNF](#).
10. Смалева Е. О. Многодетные семьи в регионе: механизмы эксклюзии и стереотипы // Социологический журнал. 2019. Т. 25, № 2. С. 116–137. DOI [10.19181/socjour.2019.25.2.6389](#). EDN [WOUGLO](#).
11. Zubok Ю. А., Чупров В. И., Сорокин О. В.; Смысловая саморегуляция жизнедеятельности молодежи: гендерные различия в сфере труда // Женщина в российском обществе. 2021. № 5. С. 38–59. DOI [10.21064/WmRS.2021.0.3](#). EDN [FKDNTA](#).

12. Жуковская Л. В. Теоретико-игровой подход к моделированию семейных отношений в условиях трансформации социально-экономической системы // Труды ИСА РАН. 2018. Т. 68, № 3. С. 12–26. DOI [10.14357/20790279180302](https://doi.org/10.14357/20790279180302). EDN [YLMTAL](https://www.edn.ru/ylmtal).
13. Крашенинников П. В., Бадулина Е. В. Поддержка института семьи: конституционные поправки // Семейное и жилищное право. 2020. № 4. С. 19–24. DOI [10.18572/1999-477X-2020-4-19-24](https://doi.org/10.18572/1999-477X-2020-4-19-24). EDN [VXRFPs](https://www.edn.ru/vxrfps).

Поступила в редакцию: 24.10.2022. Принята к печати: 22.11.2022.

Сведения об авторе:

Романович Нелли Александровна, доктор социологических наук, профессор кафедры политологии и политического управления РАНХиГС при Президенте РФ (Воронежский филиал); генеральный директор Института общественного мнения «Квалитас». Воронеж, Россия. nelly@qualitas.ru

Author ID РИНЦ: 422312

Scopus ID: 6508247164

N. A. Romanovich^{1,2}

¹ The Presidential Academy (Voronezh branch).

² Public Opinion Institute “Qualitas”.

Voronezh, Russia.

PROBLEMS OF THE FAMILY INSTITUTION IN THE YOUTH ENVIRONMENT

Abstract. The problems of the family institution are reflected in the family values transformation. The patterns of family and marriage relations which are traditional for historical Russia come into conflict with modern realities. This transformation affects primarily the youth environment, putting young people in front of a tough choice between socially approved career growth and a quiet feat inconspicuous to the world within family relationships. The all-Russian study “Self-regulation of the Life of Young People in a Changing Social Reality”, conducted in the fall of 2020, revealed problematic aspects of marital relations. The traditional values of the family, which are historically common for Russia, are opposed to a set of modern values characteristic of the liberal model and sometimes inferior to the latter. The course laid down by the founders of communism to eliminate the monogamous family as an economic unit of society gives its late shoots refracting in the individualization of society, leveling the significance of official marriage unions and reducing the number of children in families. The results of the all-Russian sociological survey of young people make it possible to identify the real marital status of young people in Russia and to consider its models. The article analyzes the prevalence of so-called “civil marriages” and the correction of attitudes towards them by official bodies. The author gives the rationale for the growing popularity of the “Japanese model” in marital relations, as well as the reasons that push young people to short-term marriage unions fraught with loneliness. The nature of young people relationship with their parents is considered and different generations of youth are compared. The idea of the respondents about the meaning of the family is investigated and the main motives for marriage are established. The number of children in modern youth families is revealed and trends in various social groups are analyzed. Conclusions are drawn about the instability of the family institution in the modern world and the need to protect it by the state.

Keywords: family institution; youth; marriage; family; number of children; public opinion; sociological survey

For citation: Romanovich N. A. (2023) Problems of the family institution in the youth environment. *Science. Culture. Society*. Vol. 29. No. 1. P. 90–102. DOI [10.19181/nko.2023.29.1.7](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.1.7)

References

1. Chuprov V. I., Zubok Yu. A., Romanovich N. A. Attitudes toward social reality in Russian society: a sociocultural mechanism of formation and reproduction [own]. Moscow: Norma; 2014. 350 p. ISBN 978-5-91768-444-4 (in Russ.).
2. Engels F. Der Ursprung der Familie, des Privateigentums und des Staats. In: Marx K., Engels F. Selected Works : in 3 vol. V. 3. Moscow: Politizdat; 1985. P. 225–370 (in Russ.).
3. Matskovskii M. S. Russian family in a changing world. *Sem'ya v Rossii*. 1995;(3-4):32–34 (in Russ.).
4. Levkovich V. P., Zuskova O. E. Socio-psychological approach to the study of marital conflict. *Psikhologicheskii zhurnal*. 1985;6(3):126–137 (in Russ.).
5. Druzhinin V. N. Family Psychology [own]. St. Petersburg: Piter Publ.; 2006. 176 p. ISBN 5-469-00131-8 (in Russ.).
6. Evgrafova Yu. A. Role structure in young married couples. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*. 2019;9(4):411–423. DOI [10.21638/spbu16.2019.407](https://doi.org/10.21638/spbu16.2019.407) (in Russ.).
7. Kletsina I. S. Gender approach in the psychological research of contemporary family relations. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina*. 2011;5(4):107–119 (in Russ.).
8. Sysenko V. A. Stability of marriage: problems, factors, conditions [own]. Moscow: Finansy i statistika; 1981. 199 p. (in Russ.).
9. Golod S. I. Family stability: sociological and demographic aspects. Leningrad: Nauka (Leningrad branch); 1984. 136 p. (in Russ.).
10. Smoleva E. O. Large families in regions: mechanisms of exclusion and stereotypes. *Sotsiologicheskii Zhurnal=Sociological Journal*. 2019;25(2). P. 116–137. DOI [10.19181/socjour.2019.25.2.6389](https://doi.org/10.19181/socjour.2019.25.2.6389) (in Russ.).
11. Zubok Yu. A., Chuprov V. I., Sorokin O. V. Meanings in self-regulation of young people's life: gender differences in the labor sphere. *Woman in Russian Society*. 2021;(S):38–59. DOI [10.21064/WinRS.2021.0.3](https://doi.org/10.21064/WinRS.2021.0.3) (in Russ.).
12. Zhukovskaya L. V. Game-theoretic approach to modeling of family relations in conditions of transformation of social and economic system. *Trudy ISA RAN*. 2018;68(3):12–26. DOI [10.14357/20790279180302](https://doi.org/10.14357/20790279180302) (in Russ.).
13. Krashennnikov P. V., Badulina E. V. The support of the family institute: constitutional amendments. *Semeinoe i zhilishchnoe pravo*. 2020;(4):19–24. DOI [10.18572/1999-477X-2020-4-19-24](https://doi.org/10.18572/1999-477X-2020-4-19-24) (in Russ.).

Received: 24.10.2022. Accepted: 22.11.2022.

Information about the author:

Nelly A. Romanovich, Doctor of sociology, professor of the Department of political science and administration, The Presidential Academy (Voronezh branch); general director, public opinion institute “Qualitas”. Voronezh, Russia.

nelly@qualitas.ru

Scopus ID: 6508247164

СОВРЕМЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

DOI 10.19181/nko.2023.29.1.8
EDN GBJKY
УДК 328.1; 329.1

Б. П. Гуселетов^{1,2}

¹ Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН.

² Институт Европы РАН.
Москва, Россия.

ИТАЛИЯ: ПАРЛАМЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ-2022 И ПЕРСПЕКТИВЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ С РОССИЕЙ

Аннотация. Правительственный кризис, разразившийся в Италии летом 2022 года, привел к отставке правительства М. Драги и последующему роспуску парламента. В статье рассмотрены итоги досрочных парламентских выборов в Италии, прошедших 25 сентября 2022 г. (в том числе в сравнении с результатами выборов 2018 года) и проведен анализ позиций ведущих политических партий, представленных в итальянском парламенте в период с 2018 по 2022 гг. Автор подводит итоги работы правительства с М. Драги, выявляя причины сохранения рейтинга этого правительства и его влияние на ход избирательной кампании. При рассмотрении хода и результатов предвыборной кампании проанализированы последствия пандемии коронавируса и действия правительства по преодолению её последствий, дана оценка деятельности основных оппозиционных партий Италии. Рассматривая текущую ситуацию, автор предлагает комплексный обзор позиций ведущих политических партий и их коалиций, прошедших по итогам внеочередных выборов в парламент. Вновь сформированное правительство поддержало позицию коллективного Запада в отношении России, несмотря на внутренние разногласия по этому вопросу и на прямое признание болезненности антироссийских санкций для экономики самой Италии. Рассчитывать на «привилегированное партнерство» России и Италии в ближайшее время нет резона, но, по мнению автора, есть основания на скорое восстановление связей после урегулирования украинского конфликта.

Ключевые слова: выборы; Италия; парламент Италии; политические партии; Дж. Мелони; российско-итальянские отношения

Для цитирования: Гуселетов Б. П. Италия: парламентские выборы-2022 и перспективы взаимоотношений с Россией // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29, № 1. С. 103–115. DOI 10.19181/nko.2023.29.1.8. EDN GBJKY

Введение. 25 сентября 2022 года в Италии состоялись внеочередные парламентские выборы, на которых были избраны 400 членов Палаты депутатов (ПД) и 200 членов Сената. Проведение внеочередных выборов было вызвано решением президента Италии Серджо Маттарелла 21 июля 2022 года о роспуске парламента после отставки правительства Марио Драги. Драги, бывший глава Европейского центрального банка, возглавил правительство в феврале 2021 г., заручившись поддержкой почти всех парламентских фракций – «Движение пяти звезд», «Лига», «Вперед Италия!», «Свободные и Равные» и «Живая Италия». На тот момент только фракция «Братья Италии» стала

единственной, кто не поддержал это правительство. В июле 2022 года ситуация изменилась, «Движение пяти звезд» отказала в поддержке правительству Драги (помимо прочего, из-за расхождений по украинскому вопросу), бойкотировав вотум о доверии правительству. Будучи беспартийным, Марио Драги еще при вступлении в должность предупреждал, что готов возглавлять коалиционное правительство лишь в случае стабильной поддержки со стороны ключевых политических игроков страны. Отсутствие таковой поддержки привело к заявлению об отставке¹.

До недавнего времени Италия оставалась в числе стран-членов Евросоюза, руководство которых пыталось сохранять хорошие экономические и политические взаимоотношения с Россией. В этой связи анализ результатов парламентских выборов и позиций ведущих политических партий важен с точки зрения прогнозирования политического курса Италии и перспектив дальнейших российско-итальянских взаимоотношений.

Партийно-политическая система Италии. Нижняя палата депутатов (ПД) двухпалатного парламента Италии состоит из 400 представителей, избираемых на пять лет по смешанной избирательной системе, которая включает выборы 147 депутатов в одномандатных округах и 253 депутатов в многомандатных избирательных округах, в соответствии с принципом пропорционального представительства (из них 8 за рубежом). Порог для избрания на основе пропорционального представительства составляет 3% (для партийной коалиции – 10%). Верхняя палата (Сенат) насчитывает 200 членов, избираемых по аналогичной системе – 74 в одномандатных избирательных округах по принципу большинства и 126 в многомандатных округах по региональному пропорциональному представительству (из них 4 за рубежом). Указанное число представителей каждой палаты было установлено в 2020 г. по итогам конституционного референдума. На нём число членов ПД было сокращено с 630 до 400, а число сенаторов с 315 до 200 [1].

Партии, не представленные в парламенте Италии, для участия в выборах должны собрать от 1500 до 4000 подписей избирателей, проживающих в каждом избирательном округе (300 в Валь д’Аоста). Кандидаты в члены ПД должны быть не моложе 25 лет, а претенденты на сенаторство – не моложе 40 лет.

По итогам предыдущих парламентских выборов, прошедших 04 марта 2018, в Палате депутатов были представлены шесть ведущих политических партий:

- ✓ **Движение пяти звезд (Д5З)** – популистская партия центристского толка, образована в 2009 г. Партию возглавляет бывший премьер-министр страны (2018–2021 гг.) Джузеппе Конте. До 2019 г. была членом евроскептической общеевропейской партии «Европа свободы и прямой демократии» (в настоящий момент не действует) [2]. По итогам выборов 2018 года имела 227 членов ПД и 112 сенаторов;
- ✓ **Лига (Л)** – праворадикальная популистская партия. Образована в 1989 г., возглавляема членом ПД М. Сальвини. Входит в состав европартии «Идентичность и Демократия». Имела 115 членов ПД и 58 сенаторов;
- ✓ **Вперед Италия! (ВИ!)** – правоцентристская партия, созданная и возглавляемая бывшим премьер-министром 86-летним Сильвио Берлускони, избранным в 2019 г. депутатом Европейского парламента. Является членом «Европейской народной партии». Имела 104 члена ПД и 57 сенаторов;

1 Brezar A. Italy's President Mattarella dissolves parliament, new election set for 25 September // Euronews.com. 21.07.2022. URL: <https://u.to/QK9qHg> (дата обращения 05.01.2023).

- ✓ **Демократическая партия (ДП)** – левоцентристская партия, основана в апреле 2007 г. Лидер – бывший премьер-министр Э. Летта. Является членом «Партии европейских социалистов». Имела 112 членов ПД и 52 сенатора;
- ✓ **Братья Италии (БИ)** – крайне правая популистская партия во главе с Д. Мелони, основанная в конце 2012 г. Является членом «Альянса европейских консерваторов и реформистов», который Мелони возглавила 29 сентября 2020 г. Имела 32 члена ПД и 18 сенаторов;
- ✓ **Свободные и Равные** – левоцентристская партия. Образована в 2017 г. и возглавляема бывшим спикером Сената и прокурором, боровшимся с мафией, П. Грассо (в 2022 г. прекратила существование). Имела 14 членов ПД и 4 сенатора.

Будучи парламентской республикой, Италия сохраняет пост Президента страны, который избирается раз в 7 лет коллегией выборщиков, состоящей из депутатов обеих палат парламента и представителей 20 итальянских регионов. Президент является главой государства, Верховным главнокомандующим и гарантом Конституции, имеет в основном представительские функции, но вправе распустить парламент в случае, если тот не смог утвердить кандидата на пост премьер-министра и назначить новые парламентские выборы.

Нынешний Президент Италии Серджо Маттарелла в прошлом был членом Итальянской народной партии, а позже одним из соавторов манифеста ДП. В 1999–2000 г. занимал пост вице-преьера в правительстве социалиста М. Д'Алемо. В 2011–2015 гг. – член Конституционного суда. С 2015 г. беспрерывно занимает пост Президента Италии.

В июне 2015 г. Маттарелла принял находящегося с визитом в Италии президента РФ В. Путина, что вызвало неоднозначную реакцию итальянской прессы, поскольку уже в то время начали действовать санкции, введенные странами Запада против России в связи с кризисом на Украине².

В апреле 2017 г. Маттарелла посетил с официальным визитом Россию, отметив по итогам, что Италии и России необходимо *«продолжать диалог на главные темы двусторонней повестки в разных сферах и по главным и наиболее актуальным вопросам международной сферы... ещё теснее сотрудничать, чтобы противостоять растущей радикализации и бороться с варварством террора»*³.

Социально-экономическая ситуация в Италии накануне выборов. Марио Драги возглавил правительство в непростой период, связанный с социально-экономическим восстановлением Италии, серьезно пострадавшей от пандемии COVID-19. Он сумел согласовать в Еврокомиссии «План национальной реконструкции и развития» и добиться получения максимального среди всех стран-членов ЕС пакета помощи размером в €209 млрд. В 2021 г. рост ВВП Италии составил 6,2%, а объем экспорта достиг исторического максимума. Правительство начало осуществление административной реформы, разработало и приступило к реализации программы экономического развития отсталого юга страны, запустило процесс энергетического перехода и добилось обновления транспортно-логистической инфраструктуры.

² Dall'Expo a Roma, la lunga giornata di Putin: "Sanzioni dannose, impediscono di collaborare" // la Repubblica. 10.06.2015. URL: <https://u.to/addqHg> (дата обращения: 05.01.2023).

³ Заявления для прессы по итогам встречи с Президентом Италии Серджо Маттареллой // Официальный сайт Президента России. 11.04.2017. URL: kremlin.ru/events/president/news/54267 (дата обращения: 05.01.2023). Здесь и далее перевод цитат авторский.

В этой связи вполне закономерными оказались довольно высокие для Италии рейтинги поддержки Драги и его правительства со стороны населения: более 67% в сентябре 2021 г. и 53% в мае 2022 г. Даже после первого заявления об отставке (14 июля 2022 г.) 51,8% граждан заявили, что хотели бы, чтобы Драги остался главой правительства.

В таблице 1 приведены основные показатели развития экономики Италии за 2020–2021 гг. и прогноз на 2022–2024 гг.

Таблица 1

**Основные показатели развития экономики Италии за 2020–2022 гг.
и прогноз на 2022–2024 гг.**

Основные показатели	2020	2021	2022 (п)	2023 (п)	2024 (п)
ВВП (\$US)	1,00	2,00	1,00	1,00	2,00
ВВП (в постоянных ценах, % изменения за год)	-9,0	6,6	3,2	-0,2	1,3
ВВП на душу населения (\$US)	31	35	33	33	34
Баланс государственного управления (в % ВВП)	-6,0	-5,1	-5,7	-3,6	-3,6
Валовой долг государственного сектора (в % ВВП)	155,3	150,9	147,2	147,1	146,1
Инфляция (%)	-0,1	1,9	8,7	5,2	1,7
Уровень безработицы (% от рабочей силы)	9,3	9,5	8,8	9,4	9,3

Примечание: (п) – оценочные данные.

Источник: МВФ – База данных перспектив мировой экономики, октябрь 2021 г.

Украинский кризис, который сопровождался международными осложнениями в сфере энергетики, оказал заметное негативное влияние на Италию, четверть потребностей в газе которой зависело от России. Хотя в 2021 г. правительство Драги снизило эту зависимость на 40%, но Италия всё ещё оставалась вторым (по объемам) после Германии покупателем газа в Европе. Полное прекращение поставок российского газа может привести к остановке производств и массовым увольнениям. Кроме того, сокращение предложения на рынке газа и нефти неминуемо ведет к росту цен на них, что чревато ростом инфляции.

По прогнозам Всеобщей конфедерации итальянской промышленности (Confindustria), прекращение поставок газа из РФ может привести к падению ВВП в 2022 и 2023 гг. на 2%. Поэтому правительство Драги пыталось найти альтернативных поставщиков газа в таких государствах, как Алжир, Ангола, Катар и др., а также расширить использование угольных электростанций, чтобы сэкономить использование газа и обеспечить энергетическую безопасность в случае остановки российских поставок⁴.

Тем не менее, по прогнозам Еврокомиссии, ВВП Италии в 2022 г. должен вырасти на 2,9% при том, что в последнем перед пандемией 2019 г. рост её ВВП оказался худшим в ЕС и составлял всего 0,1%.

Внешняя политика и внутренний раскол. Во внешнеполитической сфере правительство М. Драги неизменно солидаризировалось с позицией НАТО

⁴ Макарычев М. Politico: Экономика Италии близится к «идеальному шторму» // Российская газета. 28.06.2022. URL: <https://rg.ru/2022/06/28/politico-ekonomika-italii-blizitsia-k-idealnomu-shtormu.html> (дата обращения: 05.01.2023).

и ЕС в отношении украинского конфликта. При этом ведущие политические партии страны имели по этому вопросу совершенно разные взгляды, особенно в вопросе продолжения поставок оружия Украине. Например, лидер Д53 Д. Конте, которого поддержало большинство её членов, выступал против таких поставок, а бывший лидер партии и действительный на тот момент министр иностранных дел Л. Ди Майо, наоборот, занимал сторону Драги. В результате «Движение пяти звезд» раскололось, 21 июня 2022 года Ди Майо, а также 50 членов ПД и 11 сенаторов вышли из Д53, образовав в парламенте новую фракцию «Вместе ради будущего».

Руководитель «Лиги» М. Сальвини неоднократно выступал против новых поставок оружия Киеву и даже намеревался посетить Москву в конце мая, но из-за критики в свой адрес со стороны правительства и других партий вынужден был отменить этот визит.

Лидер ВИ! С. Берлускони также выступил с заявлением о том, что «необходимо побудить стороны к миру, а для этого – уговорить Украину принять условия Путина»⁵. Берлускони прямо заявил, что достижение равновесия в Восточной Европе невозможно без участия России.

Лишь партия «Братья Италии» Д. Мелони не только поддержала правительство в вопросе поставок оружия Украине, но и требовала увеличения военных расходов Италии и ЕС и усиления их роли в рамках НАТО.

Спровоцированный Д53 кризис, приведший к отставке правительства Драги, вызвал самую негативную реакцию у большинства политиков, бизнесменов и общественных деятелей Италии. Так, глава Confindustria К. Бономи заявил: «Это такая безответственность, что просто нет слов» [3]. По мнению главы «Демократической партии» Э. Летта «падение правительства Марио Драги – это коллективное самоубийство»⁶.

Избирательная кампания: позиции основных политических сил. Расстановка ведущих политических сил накануне выборов оказалась сильно поляризованной. Итальянское общество оказалось фактически расколото на правых во главе с БИ Д. Мелони и левых, которых возглавила ДП Э. Летты, а место между ними в центре политического ландшафта заняла либеральная коалиция, состоящая из партии «Живая Италия» бывшего лидера ДП и премьер-министра М. Ренци и партии «Действие» евродепутата и бывшего министра экономического развития в правительстве Ренци К. Календы. «Движение пяти звезд» Д. Конте заявило, что будет участвовать в новых выборах самостоятельно и позиционировало себя левее ДП⁷.

В результате были сформированы две ключевые предвыборные коалиции:

- ✓ **Правоцентристская коалиция «За Италию»**, куда вошли БИ, «Лига», ВИ⁸, а также ряд более мелких правых партий: «Союз центра» евродепутата П. Ф. Казини, «Мужество Италии» мэра Венеции Л. Брунгаро и «Мы с Италией» бывшего министра инфраструктуры и транспорта в правительстве Ренци М. Лупи.

⁵ Berlusconi sferza l'Ue: "Convinciamo l'Ucraina ad ascoltare Putin" // NicolaPorro. 21.05.2022. URL: <https://u.to/BSlrHg> (дата обращения: 05.01.2023).

⁶ Amante A., Fabbri R. Italy's opposition blame disunity and populism for defeat // Reuters. 26.09.2022. URL: <https://u.to/FzZrHg> (дата обращения: 05.01.2023).

⁷ Tecce L. Conte: "Non permetteremo l'abolizione del reddito di cittadinanza" // il Quotidiano del Sud. 12.09.2022. URL: <https://u.to/6UlrHg> (дата обращения: 05.01.2023).

⁸ Baldonni S. Le sei questioni che dividono il centrodestra di Meloni, Salvini e Berlusconi // la Repubblica. 22.09.2022. URL: <https://u.to/3VlrHg> (дата обращения: 05.01.2023).

- ✓ **Левоцентристская коалиция**, в которую вошли ДП, партия «Итальянские левые» члена ПД Н. Фратоянни, партия «Зеленая Европа» евродепутата Э. Эли и бывшего члена ПД А. Бонелли, партия «Больше Европы» бывшего члена ПД и сенатора Б. Делла Ведова и бывшего еврокомиссара Э. Боинио, а также избирательный альянс «Гражданская приверженность», в который вошли партия Л. Ди Майо «Вместе за будущее» и партия «Демократический центр» члена ПД М. Табаччи⁹.

Программа коалиции «За Италию» состояла из 15 пунктов, включая введение президентской системы правления, более жёсткую позицию в отношении мигрантов, существенное снижение налогов, а также установку фиксированного значения для единого налога, включающего подоходный, НДС и налог на прибыль компаний. При этом «Лига» предлагала установить его ставку в размере 15%, а ВИ! – 23%. Правые предложили также отменить предназначенный для борьбы с бедностью доход от гражданства (*reddito di cittadinanza*), который был введён в марте 2019 г. и представлял собой некий аналог минимального базового дохода. Для получения этого дохода в размере €480–9,360 евро в год граждане Италии должны были подать соответствующее заявление. В течении 3,5 лет его смогли получить более миллиона итальянских семей.

Партия БИ, согласно многочисленным опросам общественного мнения, была явным лидером в этой коалиции и могла рассчитывать примерно на 25% голосов избирателей (в то время как «Лига» получала 12,5%, а ВИ! – 7,5%). Эта правопопулистская и национал-консервативная партия возникла в декабре 2012 г. в результате раскола партии «Народ свободы», возглавляемой С. Берлускони. В 2014 г. БИ возглавила Джорджия Мелони¹⁰, при этом члены основного руководства БИ, включая Мелони, в свое время состояли в партии «Национальный альянс», бывшей наследницей неонацистской партии «Итальянское общественное движение» (1945–1995 гг.), основанной бывшими членами запрещенных «Национальной фашистской партии» (1921–1943 гг.) и «Республиканской фашистской партии» (1943–1945 гг.) [4]. БИ занимает евроскептические позиции, настаивает на пересмотре общеевропейских договоров с целью создания вместо Евросоюза конфедерации суверенных европейских государств и выступает за верховенство национального права над законами ЕС. При этом партия не настаивает на выходе Италии из еврозоны, хотя и предлагает радикально реформировать Европейский Центробанк.

В ходе выборов Д. Мелони стремилась расширить электоральную поддержку партии за счет менее идеологизированного и более прагматичного подхода к формированию предвыборной программы. Для этого БИ пришлось пожертвовать частью устоявшегося националистически настроенного электората, открыто заявив о поддержке НАТО, санкционного режима, объявленного Евросоюзом против РФ и Беларуси, а также усилении военно-экономической помощи Украине, хотя их партнеры по коалиции «Лига» и ВИ! не единожды заявляли, что их симпатии находятся на стороне России. Кроме того, Мелони продемонстрировала, что является сторонницей экономического курса правительства Драги и подтвердила, что в случае прихода к власти её правительство будет действовать в соответствии с европейскими законами, и она не намерена конфликтовать с Еврокомиссией, чтобы сохранить ту поддержку, которую институты ЕС оказывают Италии в эко-

⁹ Arachi A. Letta, il giorno delle intese. Sì di rossoverdi e Di Maio // Corriere della sera. 06.08.2022. URL: <https://u.to/r2trHg> (дата обращения 05.01.2023).

¹⁰ Giuffrida A. God, family, fatherland - how Giorgia Meloni has taken Italy's far right to the brink of power // The Guardian. 17.09.2022. URL: <https://u.to/mXtrHg> (дата обращения: 05.01.2023).

номической сфере. В основном предвыборная программа БИ носила популистский и в значительной мере традиционно-консервативный характер: защита традиционных семейных ценностей, ограничение числа мигрантов, прибывающих в Италию, усиление социальной поддержки незащищенных слоев населения, усиление влияния Италии на европейском континенте.

В результате правая коалиция во главе с БИ в ходе всей кампании сохраняла заметное преимущество над оппонентами из левоцентристского блока во главе с ДП. И хотя Демократическая партия во главе с Э. Леттой проигрывала БИ лишь 3%, её лидер не сумел создать сильную коалицию, способную достойно противостоять консервативным оппонентам.

Предвыборная программа ДП представляла собой широкий спектр социальных и либеральных мер, с упором на развитие «зелёной энергетики», повышение жизненного уровня малообеспеченных работников, учителей и медиков, введение минимальной почасовой оплаты, ужесточение наказания за дискриминацию ЛГБТ-сообщества, упрощение процедуры натурализации детей иммигрантов и многое другое. Основной расчёт левоцентристы делали на то, что исторически итальянцы не приемлют правый радикализм. Но главной их проблемой стала неспособность лидеров ДП договориться о союзе с Д53 и сохранить в своих рядах центристскую партию «Действие», чьё участие могло заметно усилить коалицию.

Лидер «Действия» К. Календа выступил против участия в коалиции с «Левыми» и «Зелеными» и в итоге создал либеральный союз с партией М. Ренци «Живая Италия». Либералы выразили приверженность идее единой Европы, верховенству закона, устойчивому экономическому росту, справедливым торговыми отношениям и сокращению госрасходов.

Партия Д53 во главе с Конте решила выступить самостоятельно в качестве альтернативы и правым, и левым. Главными тезисами её программы стали поддержка социальной справедливости и снижение уровня социального неравенства за счёт повышения минимальной зарплаты до €9 в час, сокращения продолжительности рабочей недели с 40 до 36 часов без потери зарплаты, усиления борьбы с коррупцией и ускорения зелёного перехода в энергетике. Предлагалось также предоставить итальянское гражданство лицам, прибывшим в Италию в возрасте до 12 лет, или рожденным от родителей-иностранцев, которые прошли полный курс обучения в Италии. Серьёзной проблемой для Д53 стал уход из неё в канун дня выборов двух влиятельных политиков: Д. Криппа, бывшего главы фракции в ПД, и Ф. д'Инка, уходящего в отставку министра по связям с парламентом, которые не согласились с решением партии отказать в поддержке М. Драги в июле 2022 г.

Итоги внеочередных парламентских выборов 2022 г. Согласно последнему перед выборами опросу общественного мнения, опубликованному 09 сентября 2022 г. службой BiDiMedia, БИ могла рассчитывать на 25,8% голосов, «Лига» – на 11,58% и ВИ! – на 6,7%, т.е. правая коалиция могла получить 45,7% голосов. ДП оказалась на втором месте с 22,3% голосов, а коалиция левых сил в лучшем случае могла получить 28,6%. Д53 набирала 13,1% голосов, либеральный блок в составе «Действия» и ЖИ – 7,0% голосов¹¹.

Итоговые результаты выборов в целом соответствовали предвыборным прогнозам (см. табл. 2). Партия «Братья Италии» Д. Мелони одержала уверенную

¹¹ De Donatis M. Sondaggio BiDiMedia – 9 Settembre: l'ultimo sondaggio prima del “buio elettorale” // Sondaggi Bidimedia. 09.09.2022. URL: <https://u.to/44ZrHg> (дата обращения: 05.01.2023).

победу, набрав 26,0% голосов избирателей и получив 119 мест в ПД (+87 по сравнению с выборами 2018 г.) и 65 мест в Сенате (+47). В целом правая коалиция получила большинство в обеих палатах парламента: 237 членов ПД и 115 мест в Сенате.

«Демократическая партия» во главе с Э. Летта набрала 19% голосов и будет иметь 56 членов ПД (-43 по сравнению с 2018 г.) и 30 сенаторов (-28).

На третье место откатилась партия «Движение пяти звезд» М. Конте, которую поддержали 15,4%, что позволит ей иметь 52 члена ПД (-175) и 28 сенаторов (-84).

Либеральную коалицию «Действие» К. Календы и «Живая Италия» М. Ренци поддержали 7,8% голосов, она будет иметь 21 члена ПД и 9 сенаторов.

Явка составила 63,9%, что на 9% меньше, чем в 2018 г.

Таблица 2

Итоги выборов в Палату депутатов и Сенат Италии, состоявшихся 25.09.2022 г., и их сравнение с результатами выборов 04.03.2018 г.

№	Политическая партия	Число голосов в ПД (%)		Число голосов Сенат (%)		Число членов ПД/ Число сенаторов	
		2018	2022	2018	2022	2018	2022
1.	Братья Италии	1,429,550 (4,4%)	7,302,517 (26,0%)	1,286,606 (4,3%)	7,167,136 (26,0%)	32/18	119/65
2.	Лига	5,698,687 (17,4%)	2,464,005 (8,8%)	5,321,537 (17,6%)	2,439,200 (8,9%)	115/58	66/30
3.	Вперед Италия!	4,596,956 (14,0%)	2,278,217 (8,1%)	4,358,004 (14,4%)	2,279,80 (8,3%)	104/57	45/18
4.	Правая коалиция	12,404,262 (37%)	12,582,193 (43,79%)	11,564,838 (37,5%)	12,424,259 (44,02%)	265/137	237/115
5.	Демократическая партия	6,161,896 (18,8%)	5,356,180 (19,1%)	5,783,360 (18,1%)	5,226,732 (19,0%)	112/53	69/40
6.	Левая коалиция	7,900,297 (22,85%)	7,73,289 (26,3%)	7,313,506 (23%)	6,569,310 (25,99%)	122/60	85/44
7.	Движение пяти звезд	10,732,066 (32,7%)	4,333,972 (15,4%)	9,733,928 (32,2%)	4,285,894 (15,6%)	227/112	52/28
8.	Свободные и равные	1,114,799 (3,4%)	-	991,159 (3,3%)	-	14/4	-
9.	Действие – Живая Италия	-	2,186,669 (7,8%)	-	2,131,310 (7,7%)	-	21/9
10.	Южно-тирольская народная партия	134,651 (0,41%)	117,010 (0,42%)	128,282 (0,42%)	-	4/3	3/2
11.	Юг зовет Север	-	212,685 (0,76%)	-	271,549 (0,99%)	-	1/1
12.	Ассоциативное движение итальянцев за рубежом	107,236 (9,55%)	141,356 (13,6%)	110,879 (10,74%)	138,758 (12,3%)	1/1	1/1
13.	Всего	100%	100%	100%	100%	630/315	400/200

Источник: Estimated percentage of votes won in the chamber of deputies and senate in the Italian general election of 2022, by coalition // Statista. URL: <https://u.to/calrHg> (дата обращения: 05.01.2023); Results of the parliamentary elections in Italy on March 4th, 2018 // Statista. URL: <https://u.to/kqtrHg> (дата обращения: 05.01.2023).

После объявления первых результатов Д. Мелони заявила, что *«Итальянцы послали чёткий сигнал в поддержку правого правительства во главе с Братьями Италии. Мы намерены организовать работу правительства в интересах всех итальянцев, чтобы объединить народ, сосредоточившись на том, что нас сближает, а не на том, что нас разделяет. Пришло время нам взять на себя ответственность за страну»*¹².

13 октября 2022 г. представитель БИ И. Ла Русса был избран президентом итальянского Сената, на следующий день спикером ПД стал депутат от «Лиги» Л. Фонтано, известный как ярый противник абортот и ЛГБТ-сообщества. А 21 октября президент С. Маттарелла поручил Д. Мелони сформировать новое правительство. Лидеру БИ, не имеющей большого опыта работы во власти, пришлось договориться со своими союзниками М. Сальвини и С. Берлускони, которые гораздо опытнее её и вовсе не собирались отказываться от собственных амбиций. Италия известна как страна с высокой степенью правительственной нестабильности, поэтому многие политические комментаторы предсказывали новой коалиции неустойчивость и недолговечность. На эти сомнения Мелони ответила, что *«Нравится это левым или нет, но наше правительство просуществует 5 лет»*¹³.

21 октября 2022 года парламент утвердил Д. Мелони первой женщиной премьер-министром Италии. М. Сальвини занял пост вице-преьера и министра транспорта, а представитель ВИ!, бывший спикер Европарламента (2017–2019 гг.) А. Таяни стал ещё одним вице-премьером и министром иностранных дел¹⁴. Очевидно, что у правительства Мелони будут серьёзные проблемы в экономическом плане в условиях высокой инфляции (8%) и огромного госдолга, который составляет 150,8% от ВВП и является вторым по величине показателем в ЕС после Греции. Поэтому скорее всего, оно сосредоточится на решении социальных проблем и вопросов миграции¹⁵.

Джорджия Мелони родилась в Риме, ей 45 лет. В 15 лет она стала членом молодежного фронта «Итальянского общественного движения» (ИОД), а в 1995 г. заняла пост национального руководителя по работе со студентами в «Национальном альянсе» (НА), ставшем преемником ИОД. В 2006 г. Мелони была избрана депутатом ПД от Лацио и стала её вице-президентом от НА. В 2008 г. назначена министром по делам молодежи в правительстве С. Берлускони. В 2012 г. она вместе с двумя бывшими членами правительства И. Ла Русса и Г. Крозетто основала партию «Братья Италии». В 2013 и 2018 гг. дважды переизбиралась членом ПД от БИ.

Влияние итогов выборов на российско-итальянские отношения. Важным фактором, влияющим на эти отношения, было стремление Италии играть одну из ведущих ролей внутри Евросоюза, несмотря на нестабильную внутривнутриполитическую ситуацию и серьёзные экономические проблемы. Это вынуждало власти страны налаживать партнёрские отношения с государствами, расположенными за пределами Европы. И хотя взаимоотношения между ЕС и РФ

¹² Donati L. "Gli italiani hanno mandato un messaggio chiaro" // TGcomnews24. 26.09.2022. URL: <https://u.to/8MVrHg> (дата обращения: 05.01.2023).

¹³ Meloni: governeremo 5 anni, piaccia o no alla sinistra (e faremo la riforma del presidenzialismo) // Asknews. 22.09.2022. URL: https://u.to/8_1rHg (дата обращения: 05.01.2023).

¹⁴ Carlo A. Giorgia Meloni appointed as Italy's first female prime minister // Euronews.com. 21.10.2022. URL: <https://u.to/GvVrHg> (дата обращения: 05.01.2023).

¹⁵ Mingardi A. Meloni may give Italy stability, but beware the enemy within // GIS. 08.12.2022. URL: <https://u.to/TQFsHg> (дата обращения: 05.01.2023).

после того, как она присоединила Крым, пережили периоды существенных спадов и кратких подъёмов, Италия неизменно сохраняла с Россией хорошие экономические и отчасти политические связи, особенно в период правления М. Ренци, который стремился сыграть заметную роль в улаживании конфликта между РФ и Украиной. Все эти годы между странами сохранялись дружеские отношения в гуманитарной области, особенно в культурной, научной и образовательной сферах [5].

В 2004 г. начал действовать российско-итальянский Форум – диалог гражданских обществ, который содействовал расширению и укреплению экономических и общественных связей между Россией и Италией. На последнем его заседании 21 февраля 2022 г. был подписан Протокол о создании Российско-итальянской академии культуры и искусства¹⁶.

За прошедшие 20 лет заметно укрепились отношения между странами в торгово-экономической сфере, особенно в энергетической области. По данным ISTAT, в 2021 г. товарооборот между двумя странами составил ~\$31,355 млрд, увеличившись по сравнению с 2020 г. на 55,04%¹⁷. На начало 2022 г. РФ импортировала в Италию около 15% нефти и 43% газа. В газовой сфере «Газпром» заключил ряд принципиальных договоренностей с рядом итальянских компаний: в 2006 г. с энергокомпанией «ЭНИ» о поставках российского газа до 2035 г.; в 2009 г. – с ERG SpA, PremiumGas SpA., Synergie Italiane Srl.; в 2016 г. был подписан Меморандум о взаимопонимании в отношении поставок природного газа из РФ в Грецию и оттуда в Италию. В декабре 2018 г. НОВАТЭК и итальянское экспортно-кредитное агентство SACE подписали меморандум о сотрудничестве по производству и поставкам сжиженного природного газа (СПГ). В октябре 2017 г. «Роснефть» и Saipem SpA в ходе Евразийского экономического форума, проходившего в Вероне, подписали соглашение о стратегическом сотрудничестве в области нефтесервиса, локализации проектно-инжиниринговых работ в РФ и возможном создании совместного инжинирингового центра.

Важную роль в развитии российско-итальянских экономических связей играл Российско-итальянский совет по экономическому, промышленному и валютно-финансовому сотрудничеству, основанный в 1999 г., в рамках которого обсуждались вопросы модернизации, поддержки малого и среднего бизнеса, сельского хозяйства, туризма и культуры. На последнем 18-м заседании совета 06.12.2021 г. в Риме состоялось обсуждение текущей ситуации в торговле и экономике, по результатам которого были определены *«перспективные направления для развития российско-итальянской кооперации, включая: сотрудничество в сферах биологической, энергетической, продовольственной и экономической безопасности, развитие технологий гибкого производства, искусственного интеллекта, водородной энергетики, электротранспорта, цифровизации экономики, снижение регуляторных барьеров для реализации совместных проектов, формирование взаимных преференциальных режимов»*¹⁸.

Заметную роль в развитии экономических отношений играла Итало-российская торговая палата (ИРТП), образованная в 1964 г. На последнем её заседании 21.02.2021 г., состоявшемся в Милане, министр иностранных дел

¹⁶ Подписан протокол о создании Российско-Итальянской академии культуры и искусства. 25.02.2022. URL: <https://bit.ly/35wE5Mj> (дата обращения: 05.01.2023).

¹⁷ Торговля между Россией и Италией в 2021 г. // Внешняя торговля России. 12.02.2022. URL: <https://u.to/JShsHg> (дата обращения: 05.01.2023).

¹⁸ У России и Италии большие перспективы сотрудничества в алюминиевой сфере // Алюминиевая ассоциация. 06.12.2021. URL: <https://u.to/fThsHg> (дата обращения: 05.01.2023).

РФ С. Лавров подчеркнул важность выявления «*новых точек роста, способствующих преодолению всеобщего спада, возвращению национальных экономик на траекторию устойчивого развития*»¹⁹. В январе 2022 г. по инициативе ИРТП была организована в режиме видеоконференции встреча Президента РФ В. Путина с итальянскими предпринимателями.

После начала специальной военной операции РФ на Украине отношения между Россией и Италией резко ухудшились. 24 февраля 2022 г. правительство М. Драги опубликовало на своем сайте официальную позицию по этому вопросу: «*Правительство Италии осуждает нападение России на Украину. Это неоправданно и не может быть оправдано. Италия близка к украинскому народу и институтам в этот драматический момент. Мы работаем с европейскими союзниками и союзниками по НАТО, чтобы отреагировать немедленно, сплоченно и решительно*» [6, с. 68]. Спустя месяц, 21 марта 2022 г., когда в Евросоюзе ещё только обсуждалась возможность принятия в апреле V пакета антироссийских санкций, министр иностранных дел Италии Л. Ди Майо (Д53) заявил, что «*Рим приветствует рассмотрение нового пакета санкций против России из-за происходящих событий на Украине*», добавив, что «*Италия активно занимается диверсификацией поставок энергоресурсов*»²⁰.

После вступления в должность осенью 2022 года, премьер-министр Д. Мелони признала, что «*введенные в отношении России санкции являются крайне болезненными для её страны, но она заявила об их обоснованности и эффективности в плане преследуемых Евросоюзом целей. Мелони также сообщила, что итальянские власти сохраняют свои обязательства в отношении действующего санкционного режима, включая заморозку €345 млн в фондах и еще ~ €2 млрд евро, непосредственно относящихся к лицам, находящимся под санкциями*»²¹.

Очевидно, что взаимоотношение между РФ и Италией в настоящий момент и на ближайшую перспективу не соответствует статусу «привилегированного партнерства». Сокращение объёмов торговли энергоносителями неизбежно приведет к спаду в экономических отношениях. А последовательное формирование в ведущих итальянских медиа негативного имиджа России будет отрицательно влиять на сотрудничество между институтами гражданских обществ обеих стран. Тем не менее, наличие в правительстве Мелони недавних сторонников сохранения связей с РФ из «Лиги» и ВПИ, а также сложившиеся за последние годы традиции надежных двусторонних связей в различных областях, дают основания надеяться на быстрое восстановление контактов после окончания украинского конфликта.

Библиографический список

1. Алексеевкова Е. С. Практики «чрезвычайной власти»: политические последствия COVID-19 в Италии // Современная Европа. 2020. № 4. С. 50–60. DOI [10.15211/soveurope420205060](https://doi.org/10.15211/soveurope420205060). EDN [SCKBYH](https://www.edn.ru/edn/SCKBYH).
2. Гуселетов Б. П. Общеввропейские партии в XXI веке: становление, развитие, перспективы. М.: Институт Европы РАН, 2022. 196 с. DOI [10.15211/report22022_388](https://doi.org/10.15211/report22022_388). EDN [JMTRKQ](https://www.edn.ru/edn/JMTRKQ).

¹⁹ Генеральная Ассамблея членов и Открытая конференция Итало-Российской Торговой Палаты (ИРТП): пресс-релиз // ИРТП. 21.02.2021 г. URL: <https://www.ccir.it/ru/assemblesocccir2021/> (дата обращения 05.01.2023)

²⁰ Совина М. Италия поддержала новый пакет санкций против России // Лента. 21.03.2022. URL: <https://lenta.ru/news/2022/03/21/fifth/> (дата обращения: 05.01.2023).

²¹ Итальянский премьер Мелони заявила, что санкции могут привести Москву к переговорам по Украине // Версия. 13.12.2022. URL: <https://u.to/-1BsHg> (дата обращения: 05.01.2023).

3. Алексеевкова Е. Италия без М. Драги: парадоксы политического кризиса на Апеннингах // Российский совет по международным делам. 22 июля 2022. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/italiya-bez-m-dragi-paradoksy-politicheskogo-krizisa-na-apenninakh/> (дата обращения: 05.01.2023).
4. Donà A. The rise of the radical right in Italy: the case of Fratelli d'Italia // Journal of Modern Italian Studies. 2022. Vol. 27, Issue 5. P. 775–794. DOI [10.1080/1354571X.2022.2113216](https://doi.org/10.1080/1354571X.2022.2113216).
5. Гаврилова С. М. Несостоявшаяся «Третья республика» в Италии // Международная жизнь. 2017. № 10. С. 27–40. EDN ZIZZWT.
6. Алексеевкова Е. С. Реакция Итальянской Республики на специальную военную операцию России на Украине // Аналитические записки Института Европы РАН. 2022. № 9. С. 63–70. DOI [10.15211/analytics1920226370](https://doi.org/10.15211/analytics1920226370). EDN RWJRKК.

Поступила в редакцию: 09.01.2023. Принята к печати: 01.02.2023.

Сведения об авторе:

Гуселегов Борис Павлович, доктор политических наук, главный научный сотрудник Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН; ведущий научный сотрудник Института Европы РАН. Москва, Россия.
bguseletov@mail.ru

Author ID РИНЦ: 899947
Researcher ID (WoS): R-4354-2018

ORCID: 0000-0001-6256-5013
Scopus ID: 57202470741

B. P. Guseletov^{1,2}

¹ Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS.

² Institute of Europe RAS.
Moscow, Russia.

ITALY: PARLIAMENTARY ELECTIONS-2022 AND PROSPECTS FOR RELATIONS WITH RUSSIA

Abstract. The governmental crisis that broke out in Italy in the summer of 2022 led to the resignation of the government of M. Draghi and the subsequent dissolution of Parliament. The article examines the results of Italy's early parliamentary elections held on September 25, 2022 (including a comparison with the results of the 2018 elections) and analyzes the positions of the leading political parties represented in the Italian parliament from 2018 to 2022. The author summarizes the results of the government with M. Draghi, identifying the reasons for the preservation of the rating of this government and its impact on the course of the election campaign. In reviewing the course and results of the election campaign the consequences of the coronavirus pandemic and the government's actions to overcome its consequences are analyzed, the activities of the main opposition parties in Italy are assessed. Considering the current situation, the author offers a comprehensive overview of the positions of the leading political parties and their coalitions, which passed on the results of the early parliamentary elections. The newly formed government supported the stance of the collective West on Russia, despite internal disagreements on this issue and direct recognition of the painful nature of anti-Russian sanctions for the Italian economy itself. There is no reason to count on a "privileged partnership" between Russia and Italy in the near future, but, according to the author, there are reasons to expect ties to be restored soon after the resolution of the Ukrainian conflict.

Keywords: elections; Italy; parliament of Italy; political parties; G. Meloni; Russian-Italian relations

For citation: Guseletov B. P. (2023) Italy: parliamentary elections-2022 and prospects for relations with Russia. *Science. Culture. Society*. Vol. 29. No. 1. P. 103–115. DOI [10.19181/nko.2023.29.1.8](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.1.8)

References

1. Alekseenkova E. S. Practices of the state of emergency: consequences of COVID-19 to the political system of Italy. *Contemporary Europe=Sovremennaya Evropa*. 2020;(4):50–60. DOI [10.15211/soveurope420205060](https://doi.org/10.15211/soveurope420205060) (in Russ.).
2. Guseletov B. P. Trans european political parties in XXI century: formation, development and prospects. Moscow: IE RAS; 2022. 196 p. DOI [10.15211/report2022_388](https://doi.org/10.15211/report2022_388) (in Russ.).
3. Alekseenkova E. Italy without M. Draghi: the paradoxes of the political crisis in the Apennines. In: The Russian International Affairs Council. July 22, 2022. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/italiya-bez-m-dragi-paradoksy-politicheskogo-krizisa-na-apenninakh/> (accessed: 05.01.2023) (in Russ.).
4. Donà A. The rise of the radical right in Italy: the case of Fratelli d'Italia. *Journal of Modern Italian Studies*. 2022;27(5):775–794. DOI [10.1080/1354571X.2022.2113216](https://doi.org/10.1080/1354571X.2022.2113216).
5. Gavrilova S. M. The failed “Third Republic” in Italy. *International Affairs*. 2017;(10):27–40.
6. Alekseenkova E. S. Reaction of Italy to the special military operation of Russia on the territory of Ukraine. *Analytical papers of the Institute of Europe RAS*. 2022;(9):63–70. DOI [10.15211/analytics1920226370](https://doi.org/10.15211/analytics1920226370) (in Russ.).

Received: 09.01.2023. Accepted: 01.02.2023.

Information about the author:

Boris P. Guseletov, Doctor of political sciences, chief researcher, Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS; Leading researcher, Institute of Europe RAS. Moscow, Russia.
bguseletov@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6256-5013; Researcher ID (WoS): R-4354-2018; Scopus ID: 57202470741

DOI 10.19181/nko.2023.29.1.9

EDN DBIDOM

УДК 323.4

В. В. Мухачев¹

¹ Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН.
Москва, Россия.

ОТ ИМЕНИ СОЦИАЛИЗМА И ВО ИМЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА (К 100-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ СССР)

Аннотация. Статья посвящена 100-летней годовщине образования на обломках российской империи Союза Советских Социалистических Республик – главного детища Великой социалистической революции, начало которой было положено в октябре 1917 года. Будучи закономерным продуктом исторического развития капитализма и классовой борьбы международного пролетариата с буржуазией, СССР стал высшим этапом в истории социализма XIX–XX веков. Воплощая в жизнь насущные задачи Советской власти, СССР вместе с тем выступал от имени и во имя трудящихся всех стран, требуя их освобождения от любых форм угнетения и эксплуатации. Отмечая общепризнанные заслуги СССР перед человечеством, его огромный вклад в борьбу против империализма, фашизма и колониализма капиталистических государств, автор уделяет особое внимание причинам его распада, а также отвергает идеологический (превратный и ложный) характер либеральной критики истории советского государства. В заключении подчеркивается, что разумной альтернативы социализму у человечества нет.

Ключевые слова: социализм; большевизм; Великая Октябрьская революция; СССР; мелкобуржуазность; либерализм; наука; идеология

Для цитирования: Мухачев В. В. От имени социализма и во имя человечества (к 100-летию образования СССР) // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29, № 1. С. 116–129. DOI 10.19181/nko.2023.29.1.9. EDN DBIDOM

«...только путем ряда попыток, – из которых каждая, отдельно взятая, будет односторонняя, будет страдать известным несоответствием, – создастся цельный социализм из революционного сотрудничества всех стран».

В. И. Ленин (май 1918 г.)

Введение. 30 декабря 2022 г. исполнилось 100 лет со дня рождения Союза Советских Социалистических Республик – детища и прямого наследника Великой Октябрьской социалистической революции. Французская революция 1789–1794 гг. в историографии также по праву считается и называется «великой». Но величие величию – *рознь*. У этих двух революций совершенно *разный* исторический масштаб.

Значение и место французской революции конца XVIII в. *ограничены* историей капитализма и буржуазного общества. Эта революция была и остается «великой» на фоне череды ей предшествовавших (нидерландской, английской и североамериканской), а также всех последующих *буржуазно-демократических* революций, включая антиколониальные войны XIX–XX веков. И совсем другое

дело *величие* Октября 1917 г., творцы которого, высоко подняв *пролетарское* знамя социализма-коммунизма, выступали *во имя* всего человечества, где нет праздных людей и где *каждый* человек – труженик. Воплощая заветы «Манифеста Коммунистической партии», Октябрьская революция звала наемных рабочих всех капиталистических стран к борьбе за общество социального равенства, к созданию *единого* для всех людей труда «социалистического Отечества», в котором не будет места социально-экономическому неравенству, классам и классовой вражде, этническим конфликтам и войнам между народами, где «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех» [1, с. 447].

Победив в ходе гражданской войны, Октябрьская революция вывела 100-миллионное население России *за пределы* буржуазного мира на дорогу социализма. Упразднив частную собственность на средства производства и праздные классы, эта революция раскрыла творческий потенциал людей труда, позволила им *впервые* в истории, кто бы и что бы об этом ни говорил, построить *свободное* от эксплуатации и классовых антагонизмов общество.

Наряду с перспективой социалистического развития, Октябрьская революция распахнула двери для развития национальных движений народов бывшей российской империи, что привело к образованию на её территории ряда независимых государств. В каждом из них шла *своя* гражданская война «за» или «против» Советской власти трудящихся, а также по вопросу характера взаимосвязей между вновь образовавшимися государствами [2]. В те годы, кроме РСФСР, возникли суверенные и независимые Украина, Белоруссия, Эстония, Латвия, Литва, Финляндия, Грузия, Армения, Азербайджан, Туркестан и Киргизская (Казахская) республика. Вместе с тем становилось всё более очевидным, что дальнейшее выживание *независимых* «советских социалистических республик» в окружении враждебных империалистических государств требовало от них сплочения вокруг Советской России.

Через 5 лет после начала Октябрьской социалистической революции, 23 декабря 1922 г., 10-й *Всероссийский* съезд Советов признал необходимым создание *союзного* государства, а 30 декабря РСФСР, Украина, Белоруссия и Закавказская Социалистическая Федеративная Советская Республика в составе Грузии, Армении и Азербайджана заключили Договор, объединивший их в Союз Советских Социалистических Республик. В 1926 г. в составе СССР уже насчитывалось 11 «советских социалистических республик», а во второй половине 50-х годов. их стало 15. К концу 80-х гг. СССР занимал шестую часть планеты, и на его территории проживало более 285 млн человек.

Большое видится на расстоянии... О том, чем был СССР для его современников из других государств, каким он виделся жителям капиталистических стран, приезжавшим в СССР, или следившим за ним издали, можно узнать из книг «Друзья Октября и мира» (М., 1967) и «Мир о стране Октября» (М., 1967). В них собраны свидетельства многих десятков людей, от друзей Советского Союза до его классовых противников. Посетивший СССР в 1931 году английский драматург Б. Шоу писал: «Мое личное чувство перед лицом вашего великого коммунистического эксперимента точно так же, как и чувство многих других людей той части света, откуда я приехал, является прежде всего чувством стыда за то, что Англия не вступила первой на ваш путь» [3, с. 79].

Продолжая начатое Великим Октябрем движение к социализму «от имени и во имя» людей труда в свободное будущее всего человечества, СССР для миллиардов жителей Земли стал символом гуманизма и социальной справедливости. Своим примером социалистического строительства и победой над

фашизмом во Второй мировой войне, он поднял сотни миллионов трудящихся многих стран мира на классовую и национально-освободительную борьбу против капиталистического рабства. И вдруг это могучее и, казалось, непобедимое государство, с которым считались все империалистические державы, неожиданно для многих, не только граждан СССР и его союзников, но и врагов, в декабре 1991 г. прекратило своё существование.

С тех пор прошло более 30 лет, но в постсоветской России и за её пределами по-прежнему ищут ответы на вопросы: «Чем был СССР? Почему он «вдруг» не выдержал испытание временем? Что взамен его получили россияне, народы других бывших советских республик, человечество в целом?». Особую остроту эти вопросы приобрели с началом специальной военной операции России на Украине.

Флагман борьбы за социализм, против империализма и колониализма

«Коммунисты должны приложить все усилия, чтобы направить рабочее движение и общественное развитие вообще самым прямым и быстрым путем к всемирной победе Советской власти и диктатуре пролетариата».

В. И. Ленин (1920 г.)

История СССР – *первый* в истории человечества и международном социалистическом движении *опыт* строительства общества социального равенства. Этот опыт приобретался в неблагоприятных условиях продолжавшейся классовой борьбы на двух фронтах – внутреннем и внешнем.

Не дождавшись мировой пролетарской революции, на которую с весны 1917 г. и до середины 20-х гг. рассчитывали большевики, народам Советского Союза пришлось в одиночку, находясь во враждебном окружении империалистических государств, строить социалистическое общество. В соответствии с ленинским планом строительства социализма за три предвоенных пятилетки в стране была ликвидирована безграмотность, проведена широкая индустриализация и электрификация народного хозяйства, создана мощная тяжелая и оборонная промышленность, осуществлена коллективизация десятков миллионов крестьян-единоличников. За 15 лет советские люди возвели сотни заводов и фабрик, десятки электростанций – все то, без чего не было бы у них праздника Победы 9 мая 1945 года. Не было бы его и у нас. Но победа та была добыта огромной ценой. Она унесла 27 миллионов жизней советских людей, было разрушено 32 тыс. предприятий, 65 тыс. км железных дорог, сожжено 1700 городов и поселков, 70 000 деревень...

После победы над фашизмом «мир капитала» сплотился вокруг США и объявил народам СССР, всему лагерю социализма, «холодную войну», которая вновь потребовала от советских людей дополнительных усилий и затрат. И все-таки, несмотря на все трудности, лишения и испытания, какие выпали на долю нескольких поколений советских людей, их успехи в борьбе за достойное будущее человечества, за социализм очевидны и неоспоримы.

1. Именно СССР стал первым в истории обществом, в котором были упразднены классовые антагонизмы и создано *социальное* государство, где права человека на труд, отдых, жильё, бесплатное образование и медицинское обслу-

живание не просто провозглашались, а были *гарантированы* общественной собственностью на средства производства. Это государство было *органической* частью всей системы общественных отношений в СССР, а не тем вынужденным дополнением, которое, *вопреки* социальной сущности буржуазии, под давлением *примера* Советского Союза и упорной борьбы трудящихся капиталистических стран было построено на зыбкой частнособственнической основе в отдельных, экономически преуспевающих, странах капитала. И, конечно, не тем, что продекларировано статьей 7 Конституции постсоветской России, где существует безработица, где бесплатные образование и медицина сведены к минимуму, а платные услуги в них превышают возможности большей части населения, где постоянно растет имущественное неравенство между богатыми и бедными «соотечественниками».

2. Исторический опыт советских людей в борьбе за социализм и их героическая победа над фашизмом придали импульс революционной борьбе трудящихся капиталистических стран. В Восточной Европе и Азии победили народно-демократические революции, во главе которых стояли социалистические и коммунистические партии. В противовес «миру капитала» во главе с США, вокруг СССР сложилась система стран, вставших на путь социалистического развития. Образовалась «мировая система социализма», куда в конце 80-х гг. XX в. входило 15 государств, занимавших 26,2% территории земного шара, на которой проживало 32,3% населения Земли.

3. Победа СССР над фашизмом ускорила окончательное крушение колониальной системы империализма. В конце 40-х гг. независимость завоевали бывшие колонии Южной и Юго-Восточной Азии, в 50-х гг. – большинство стран Среднего Востока. В конце 50-х – начале 60-х гг. произошел распад колониальной системы в Африке и в 70-х гг. добились освобождения последние португальские колонии в Африке. С деколонизацией мира возникло более 100 новых государств, которые в условиях противостояния двух мировых систем образовали группу стран «третьего мира». В настоящее время эти страны составляют 2/3 государств-членов ООН.

Почти семь десятилетий, вплоть до горбачевско-ельцинской «катастрофки» (А. Зиновьев), Советский Союз оставался флагманом международного социалистического движения и антиимпериалистической борьбы колониальных народов.

«Ошибка истории», или закономерность естественно-исторического процесса

«Все нации придут к социализму, это неизбежно, но все придут не совсем одинаково, каждая внесет своеобразие в ту или иную форму демократии, в ту или иную разновидность диктатуры пролетариата, в тот или иной темп социалистических преобразований разных сторон общественной жизни».

В. И. Ленин (1916 г.)

С реставрацией капиталистического способа производства и буржуазного общества в России, созданием «новыми русскими» на основе Конституции 1993 г. *своего* государства и так и не принятыми большинством граждан ре-

зультатами приватизации общенародного имущества, созданного совместным трудом нескольких поколений советских людей, страна вновь разделилась на *бедных* и *богатых*. Сформировались два класса людей с *противоположными* экономическими интересами и различным социальным положением – наёмные рабочие и пользующиеся их трудом собственники «общественного богатства» (К. Маркс), превращённого в *частный* капитал. Россия как бы вернулась к началу XIX в., когда в Европе зарождалась классовая борьба пролетариата с буржуазией, когда возникали и получали широкое распространение идеи социализма и коммунизма. Только теперь у России был опыт СССР и прочная память о *советском* социализме.

Бытие определяет сознание... Чем больше россияне знакомились с возникшей и развивающейся на их глазах и при их участии капиталистической действительностью, тем это знакомство для них становилось все более неприятным, а память об СССР сильнее и острее. К середине 90-х гг. подавляющее большинство граждан постсоветской России полностью согласилось бы со словами Маркса, сказанными им в далеком 1847 году: «Наконец, пришло время, когда всё, на что люди привыкли смотреть как на неотчуждаемое, сделалось предметом обмена и торговли и стало отчуждаемым. Это время, когда даже то, что дотеле передавалось, но никогда не обменивалось, дарилось, но никогда не продавалось, приобреталось, но никогда не искупалось, – добродетель, любовь, убеждение, знание, совесть и т.д., – всё стало предметом торговли. Это время всеобщей коррупции, всеобщей продажности или, выражаясь терминами политической экономии, время, когда всякая вещь, духовная или физическая, сделавшись меновой стоимостью, выносится на рынок...» [4, с. 73–74].

Для либеральных политиков и теоретиков *постсоветской* России, которые торопились свести счёты со своим советским прошлым, членством в КПСС и занять наиболее «сытные» места в новом, уже буржуазном, обществе, распад СССР стал поводом пересмотреть с позиций антикоммунизма и антисоветизма историю этой страны и её животворного истока – Великой Октябрьской революции. Мотив очевиден: путем дискредитации *советской* истории России, с одной стороны, оправдать и легализовать господствующее положение *своего*, буржуазного, класса, а с другой – ослабить протестное движение тех, кто *публично* отвергая капитализм и либеральную власть, желает возвращения во времена СССР. У либеральных «слуг народа» стало правилом обвинять большевиков в бланкизме и утверждать, что установив Советскую власть *трудящихся* во главе с рабочим классом, те, якобы, прервали «естественный» ход развития истории России и на 75 лет лишили её экономических, политических и культурных «благ» *капиталистической* цивилизации. В действительности, эти и им подобные рассуждения – смесь преднамеренной лжи с дремучим невежеством в вопросах всемирной и советской истории *штатных* буржуазных идеологов, теоретиков и политиков, состоящих на службе российского и мирового капитала.

СССР – *закономерный* продукт *естественно-исторического* развития капитализма, той *классовой борьбы* международного пролетариата и его социалистического движения, которые, зародившись в начале XIX в., уже два столетия представляют собой диалектическое отрицание капиталистического способа производства. Без классовой борьбы пролетариев первой половины XIX в. против наемного рабства, когда по Европе в виде революционных *кружков* первых социалистов и коммунистов, стихийных *восстаний* рабочих Франции и Германии 30-х – 40-х гг. и *чартизма* в Англии бродил «призрак коммунизма»,

без создания Марксом и Энгельсом всеобъемлющего диалектико-материалистического учения, которое дало теоретически верные, до сих пор *никем и ничем не опровергнутые*, ответы на насущные вопросы бытия людей и превратило социалистические мечтания из утопии в науку, без Парижской Коммуны 1871 г. и деятельности первых двух Интернационалов, способствовавших возникновению десятков рабочих партий и распространению марксизма среди пролетарских и полупролетарских слоев многих стран мира, включая Россию, – без всего этого не было бы ни Октября 1917 г., ни Коминтерна, ни СССР.

Великий Октябрь и СССР – законные наследники не только международного социалистического и коммунистического движения, но также революционных традиций самодержавной России. Изучая опыт европейского социализма, труды Маркса и Энгельса, большевики учились также на героических примерах декабристов и революционных демократов, воспитывались на книгах Радищева, Герцена, Добролюбова и Чернышевского, сатире Салтыкова-Щедрина – всё том, о чем постсоветские либералы, словно этого никогда не было, предпочитают не вспоминать и не говорить. Призывая хранить верность историческим традициям России, но при этом осознанно закрывая глаза на её революционное прошлое, либеральные политики и теоретики являются хранителями лишь одних, стоявших на страже крепостничества и капиталистической эксплуатации, *консервативно-реакционных* традиций российского самодержавия.

Если говорить о пролетарской революции в России и семидесятилетней эпохе СССР, то дело не только в партии большевиков, которая, закалившись в классовых битвах 1905–1907 гг. и превратившись в наиболее боеспособный отряд международного социалистического движения, блестяще сумела использовать революционную ситуацию в России 1917 года. Дело прежде всего в самом капитализме, где люди труда являются не более чем рабочей силой (человеческим *капиталом*) и где их жизнь подчинена созданию прибавочной стоимости, прибыли для капиталистов. Других, более достойных, условий труда для большинства населения буржуазных стран попросту нет. Здесь, по словам Маркса, человеческий прогресс подобен «тому отвратительному языческому идолу, который не желал пить нектар иначе, как из черепов убитых» [5, с. 230].

С точки зрения общего хода всемирной истории, которая после возникновения частной собственности и последующего разложения родового строя была и остается «историей борьбы классов», никакой *вины* большевиков в социалистическом пути развития России после Октября 1917 г. нет. Наоборот, в этом есть их огромная *заслуга*, сумевших вырвать в годы Первой мировой войны *трудовую* (пролетарскую и крестьянскую) Россию из существовавшей тогда системы империалистических государств. Большевикам это удалось потому, что в тот драматический момент истории человечества, руководимые выдающимся марксистом Лениным, они справились с ревизионизмом и оппортунизмом многих социалистических партий Европы и, возглавив революционное движение трудящихся масс России, шагнули вперед навстречу бесклассовому обществу. Если большевики и *виноваты*, то только перед российской и мировой буржуазией, но от этой «вины» они никогда не отказывались. Наоборот, ею они гордились. Выросшие на ценностях гуманизма люди этой «вине» большевиков всегда давали самую высокую оценку. Посетивший в 1927 г. СССР американский писатель Теодор Драйзер 10 лет спустя писал: «Я особенно

благодарен советской революции за то, что она впервые остро поставила в мировом масштабе вопрос об имущих и неимущих. Советский Союз в 1917 году начал великий поход в защиту неимущих» [3, с. 37].

И все-таки великая страна, добрая память о которой и сегодня живёт во всем мире, распалась. С честью пройдя сложнейшие испытания в строительстве нового общества, выдержав агрессию *внешнего* врага (походы Антанты и вскормленного капитализмом *фашизма*), предохранив в противостоянии с США человечество от ядерной войны, СССР не смог справиться с собственной, доставшейся ему в наследство от имперского прошлого *внутренней* болезнью – *мелкобуржуазной психологией* «хозяина» многочисленного крестьянства, в разы числом преобладавшего в дореволюционной России над промышленными рабочими и оказавшегося после Октябрьской революции в условиях строительства новой, для него совершенно другой, жизни, где приоритетом является единство и коллективизм всей *трудящейся* массы.

Мелкобуржуазное сознание – неизбежный продукт классовой борьбы за социализм и раковая опухоль советского общества

«Диктатура пролетариата означает не прекращение классовой борьбы, а продолжение её в новой форме и новыми орудиями. Пока остаются классы, пока свергнутая в одной стране буржуазия удесятерит свои силы в международном масштабе, до тех пор эта диктатура необходима».

В. И. Ленин (1921 г.)

О внутренней противоречивости социально-экономической природы мелкой буржуазии и развращающем её влиянии на рабочий класс и социалистическое движение в целом, Марксу и Энгельсу приходилось говорить много раз. Так, в октябре 1877 г. Маркс писал Фридриху Зорге: «В Германии в нашей партии не столько среди масс, сколько среди вождей (выходцев из высших классов и «рабочих») пахнет гнилью. Компромисс с лассальянцами привел к компромиссу и с другими половинчатыми элементами, в Берлине (через Моста) с Дюрингом и его «почитателями», и, кроме того, с целой бандой незрелых студентов и преумнейших докторов, поставивших себе задачу дать социализму более «высокое, идеальное» направление, то есть заменить его материалистическую базу (требующую, раньше, чем ею оперировать, серьезного объективного изучения) – современной мифологией с её богинями справедливости, свободы, равенства и братства» [6, с. 234]. Это – суждение Маркса о *мелкобуржуазной* «гнили» в социалистическом движении интересно тем, что, наряду с «выходцами из высших классов» и «половинчатыми элементами» вроде Дюринга с его сторонников, к *носителям* этой гнили он отнес «рабочих», взятых им в кавычки, а также часть *гуманитарной* интеллигенции, интересовавшейся социализмом, но при этом игнорировавшей необходимость объективного изучения его *материалистической* базы и трактовавшей это социальное движение с идеалистической точки зрения.

У каждой из этих двух групп своя история и своя социально-экономическая основа. «Рабочие» – это выходцы из *рабочей* «аристократии», которая появилась в развитых странах капитала во второй половине XIX века в результате

вынужденного поиска правительствами этих стран «социального мира» между буржуазией и пролетариатом, проведения с этой целью *социал-реформистской* политики.

Известно, что авторы «Коммунистического Манифеста» называли пролетарием того наёмного работника, которому нечего было терять, «кроме своих цепей». Такой пролетарий существовал в передовых европейских странах в первой половине и середине XIX в., когда наёмный работник был с капиталистом один на один, когда правительства буржуазных стран ещё не регулировали трудовых отношений и рабочие, подвергаясь неограниченной эксплуатации, влачили жалкое существование. Воочию наблюдавший жизнь этих людей Энгельс отразил её в сочинении «Положение рабочего класса в Англии» (1844). Эта «жизнь» наёмных работников вела к усилению их классовой борьбы с буржуазией, а её апогеем стало вооруженное восстание парижских рабочих в период революции 1848–1849 гг. под коммунистическими лозунгами.

Получив хороший урок классовой борьбы от пролетариев, европейская буржуазия, которая сама пришла к власти через борьбу с классом феодальной аристократии, приоритетом своей внутренней политики объявила достижение в отношениях пролетариата и буржуазии, пролетариата и власти, «социального мира», *стабильности*. Уже в марте 1852 г. Дизраэли – министр правительства тори и будущий премьер-министр Великобритании, заявил: «Мы постараемся положить конец этой *классовой борьбе*, оказавшей в последние годы такое пагубное влияние на благополучие нашего королевства» [7, с. 423]. С этого времени в капиталистических странах появляется регулирующее отношения наёмного Труда и Капитала *трудовое* законодательство, возводившее в закон капиталистическую эксплуатацию, и одновременно определённая часть *сверхприбылей* капиталистов направляется на подкуп пролетариев. Появление рабочих «аристократии» вносило раскол в рабочее движение и вело к росту в нем оппортунистических настроений и тенденций. В этой связи основоположники науки о социализме считали, что с *социалистической* точки зрения рабочий класс «либо революционен, либо он ничто» [8, с. 64, 376].

Социал-реформистская политика буржуазных правительств в отношении пролетариата приносила свои плоды. Прежде всего в Англии. В 1883 г. Энгельс писал А. Бебелю: «Ни в коем случае не вздумай поверить, если тебе кто-либо скажет, что в Англии развёртывается подлинное пролетарское движение. ...настоящее всеобщее рабочее движение возникнет здесь – если не произойдет чего-либо непредвиденного – только тогда, когда рабочие почувствуют, что мировая монополия Англии подорвана. Участие в господстве на мировом рынке было и остается экономической основой политической пассивности [Nullitat] английских рабочих. Плетясь в хвосте за буржуазией в деле экономического использования этой монополии, но всё же участвуя в её прибылях, они, естественно, в политическом отношении плетутся в хвосте «великой либеральной партии» [9, с. 51–52].

Если мелкобуржуазная гниль рабочих «аристократии» является результатом осознанной политики буржуазных правительств и зависит от текущего размера национального капитала, его богатства, то корни гнили «незрелых студентов и преумнейших докторов» (гуманитарной интеллигенции вообще) лежат значительно глубже. Они кроются в общественном разделении труда, в отделении умственного труда от физического и тех социальных привилегиях, которые исторически сложились и закрепились за определёнными видами профессиональной деятельности, где велика доля *специальных* знаний,

что, в свою очередь, предполагает получение соответствующего образования. «Знание – сила», в том числе экономическая. Причем не только там, где речь идёт об общественных интересах (развитии производства, транспорта, медицины и т.д.), но и там, где речь идёт о жизни *индивидов*, имеющих специальные, полученные *сверх* общего образования, знания. Такие знания являются *неимущественным* активом, начальным «капиталом» отдельных лиц, с помощью которого они создают определенные продукты, выступающие в качестве *интеллектуальной* собственности и увеличивающие их *личный* капитал. Это свойственно всем представителям «образованного» общества, из которого выходят поэты, писатели, «люди науки», врачи, политики, юристы и пр. И это превращает их всех в мелких буржуа, для которых особое значение приобретает *личный* успех и карьера.

Итак, *мелкобуржуазная* «гниль» является побочным *продуктом* классовой борьбы рабочего класса за социализм. Она же стала *раковой опухолью* советского общества и привела к распаду СССР. До Октябрьской революции в России, как и в других союзных республиках, большинство населения составлял крестьянин-единоличник, являвшийся источником распространения «мелкобуржуазной гнили». Переселяясь в период индустриализации и культурной революции (вторая половина 20-х – 30-е гг.) из деревень в города, становясь советским «рабочим классом» и «интеллигенцией», крестьянство неизбежно приносило в городские слои советского общества мелкобуржуазное отношение к жизни. Эту грозную для «дела пролетариата» опасность в Советской России лучше всех чувствовал и осознавал Ленин. Указывая на неё как главного *внутреннего* врага Советской власти, он бичевал молодых членов партии за их «комчанство» перед беспартийной массой, а государственных чиновников – за бюрократическое отношение к работе. Не случайно большая часть последних работ Ленина посвящена коренной перестройке *госаппарата*, унаследовавшего чиновничьи традиции царской России.

На протяжении всей истории СССР в стране, наряду с революционным энтузиазмом *по-советски* честной, бескорыстной, убеждённой в превосходстве социализма над капитализмом трудящейся массой, существовали и противоборствовали борьбе за социализм две мелкобуржуазные тенденции: с одной стороны, коммунистическое *левачество*, с другой – тянувшее назад, в прошлое, мещанство. Обе они произрастали из одного и того же корня – из стремления людей начать как можно скорее жить *лучше, лучше и лучше*. В быту советских людей мелкобуржуазность проросла мещанством и буржуазным индивидуализмом. В политике и теории – то *левым*, то *правым* ревизионизмом, извращавшим учение Маркса-Энгельса и идейно-теоретическое наследие Ленина, подменявшим взгляды учителей пролетариата *псевдомарксистским* «марксизмом-ленинизмом». В конце концов, КПСС не удалось справиться с этой болезнью, которая заводилась среди «вождей» и постепенно охватывала как беспартийную массу, так и саму партию. По той же причине не удалось перестроить громоздкий, тормозивший движение страны вперед и тянувший её назад, государственный аппарат.

Борясь с мелкобуржуазностью, Ленину постоянно приходилось сдерживать тех однопартийцев, кто стремился обогнать Историю, её объективный ход. Ещё до Октябрьской революции, в апреле 1917 г., вождь большевиков говорил: «Мы не можем стоять за то, чтобы социализм «вводить», – это было бы величайшей нелепостью. Мы должны социализм проповедовать. Большинство населения в России – крестьяне, мелкие хозяева, которые о социализме не

могут и думать» [10, с. 357]. Год спустя, работая над брошюрой «Очередные задачи Советской власти», Ленин писал: «Черпать обеими руками хорошее из-за границы: Советская власть + прусский порядок железных дорог + американская техника и организация трестов + американское народное образование etc. etc. + + = социализм» [11, с. 550]. В статье «О “левом” ребячестве и о мелкобуржуазности» (май 1918) он вновь предупреждал «левых коммунистов» от скороспелых решений: «Неужели не ясно, что в материальном, экономическом, производственном смысле мы ещё в “преддверии” социализма не находимся? И что иначе, как через это, не достигнутое нами еще “преддверие”, в дверь социализма не войдешь?» [12, с. 303]. Здесь же Ленин обратил внимание на *своеобразие* исторического положения, в котором после социалистической революции 1917 г. оказалась Советская Россия, и мелкобуржуазный характер ошибок, вытекающих из *непонимания* этого своеобразия. Он говорил: «Бухарин – превосходно образованный марксист-экономист... Но Бухарин впал в ошибку, ибо не вдумался в конкретное своеобразие данного момента в России, – момента как раз исключительного, когда мы, пролетариат России, *впереди* любой Англии и любой Германии по нашему политическому строю, по силе политической власти рабочих и вместе с тем *позади* самого отсталого из западноевропейских государств по организации добропорядочного государственного капитализма, по высоте культуры, по степени подготовки к материально-производственному «введению» социализма... Не ясно ли, что при таком своеобразном положении мы должны стараться избежать двоякого рода ошибок, из которых каждая по-своему мелкобуржуазна? С одной стороны, непоправимой ошибкой было бы объявить, что раз признано несоответствие наших экономических “сил” и силы политической, то, “следовательно”, не надо было брать власть. Так рассуждают “человеки в футлярах”, забывающие, что “соответствия” не будет никогда, что его не может быть в развитии природы, как и в развитии общества... С другой стороны, явной ошибкой было бы дать волю крикунам и фразерам, которые позволяют себя увлечь “яркой” революционностью, но на выдержанную, продуманную, взвешенную, учитывающую и труднейшие переходы революционную работу не способны» [12, с. 305, 306–307].

После того как пролетарская революция в Европе потерпела поражение, и Советская Россия оказалась одна в окружении враждебных ей капиталистических стран, Ленин в поисках выхода из трудной для строительства социализма ситуации, обусловленной несоответствием *слабой* экономики и *сильной* власти трудящихся, пришел к выводу о необходимости развития *госкапитализма* при сохранении диктатуры пролетариата. В то время спешившим начать жить в социалистическом обществе соратникам он говорил: «потрудитесь сначала построить госкапитализм». В качестве способа построения госкапитализма им были предложены НЭП и кооперация. В статье «О кооперации» (январь 1923) Ленин снова писал о том, что наличие власти пролетарского государства на все крупные средства производства, союз пролетариата со многими миллионами мелких и мельчайших крестьян, обеспечение руководства пролетариата по отношению к крестьянству является тем, что *необходимо* «для построения полного социалистического общества». И тут же, словно специально для тех, кто позже спекулировал на слове «полное», отбрасывая все иные суждения Ленина о строительстве социализма, добавил: «Это ещё не построение социалистического общества, но это всё необходимое для этого построения» [13, с. 370].

После ухода из жизни Ленина в руководстве РКП(б) не хватило способных к «продуманной, взвешенной революционной работе» вождей. Мелкобуржуазным левачеством стало принятие партией в качестве своей генеральной линии и стратегического курса развития страны ошибочного, исходившего от Сталина и теоретически обоснованного Бухариным тезиса о возможности построения социализма «в одной, отдельной взятой стране». Эта утопическая и для будущего развития страны *тупиковая* идея родилась после Ленина в период начавшейся между «вождями» острой борьбы за власть в партии и государстве, победителем из которой вышел Сталин. Сделав немало нужного и полезного для существования СССР, Сталин вместе с тем допустил ряд грубых ошибок, чем нанёс огромный ущерб социалистическому движению в целом. В первую очередь тем, что ему удалось под именем «ленинизма» навязать партии, обществу и Коминтерну *своё* понимание теоретического наследия Ленина, на основе которого был сконструирован *псевдомарксистский* «марксизм-ленинизм».

В сказанном о Сталине убеждает исследование российских историков, которые изучили и опубликовали архивные документы Коминтерна, хранящиеся в РЦХИДНИ [14]. Эти документы показывают, как в процессе приспособления ко всё менее благоприятным для строительства социализма внутренним и международным условиям фальсифицировалось наследие Ленина, как «постепенно размывалось сущностное содержание многих важнейших понятий», что вело «к прямой дискредитации главной идеи – о возможности и необходимости революционного утверждения социализма в мировом масштабе», как происходил поворот Сталина «от интернационализма к российской державности», как в апреле 1941 г. ради сохранения «дружбы» с Гитлером он был готов распустить Коминтерн, а в 1943 г. ликвидировал его своим волевым актом... «ради укрепления союза с державами антигитлеровской коалиции». Как, наконец, по его инициативе гимн «Интернационал», который и сегодня исполняют в Китайской Народной Республике, «был заменен в СССР гимном «Союз нерушимый...» [14, с. 3–4, 65, 66].

Установка на строительство социализма в одной, отдельно взятой стране задала *антидиалектическую* «логику» *пятилетних* этапов «строительства социализма» в СССР. В соответствии с ней XVII съезд ВКП(б) в 1934 г. объявил о построении «основ социалистического общества», на XVIII съезде ВКП(б) в 1939 г. было заявлено о построении «социализма в основном». После восстановления разрушенного войной народного хозяйства, на XXI съезде КПСС (1959) было продекларировано построение «социализма полностью и окончательно». После этого руководству КПСС, объективно вписанному в субъективную «логику» мелкобуржуазного левачества, оставалось начать строительство коммунизма, о чём Хрущев объявил в 1961 г. на XXII съезде КПСС. После неудавшегося похода в коммунистическое будущее и вынужденного отступления в 70-е гг. на позиции «развитого социализма» мелкобуржуазное левачество в КПСС возродилось в 80-х гг. в виде *горбачевской* идеи *ускорения* социально-экономического развития страны, которая *в тех условиях*, без должной предварительной подготовки, также оказалась неудачной.

И каждый раз, когда выяснялось, что желание партийно-государственного руководства СССР как можно скорее построить социализм или коммунизм не совпадает с реальными возможностями страны, в обществе наступало разочарование, росло сомнение в реальности избранного в Октябре 1917 г. пути, в правильности учения Маркса и теоретическом наследии Ленина. Тогда у значительной части зараженного мелкобуржуазной гнилью общества «левые»

настроения сменялись на «правые» и скомпрометировавшее себя очередное левачество уступало в политике руководства страны место *правой*, филистерской, стороне мелкобуржуазности. Тот же Горбачев после провала своей *левацкой* политики «ускорения» социально-экономического развития страны метнулся *вправо*, где под влиянием обывательских криков о советском тоталитаризме заговорил о социализме «с человеческим лицом», после чего вместо давно назревшей демократизации *партийно-государственного* аппарата занялся «демократизацией» общества *в целом*. Все это спровоцировало рост антисоветизма и антикоммунизма, распространение либеральных, буржуазно-демократических идей и привело к лишению КПСС руководящей роли в обществе.

Заключение. В конце концов борьба между «левачеством» и «правой» мелкобуржуазностью, которой в той или иной степени оказались заражены все группы населения, от неустойчивой в этой борьбе интеллигенции до части рабочих, среди которых завелись «несуны», завершилась распадом СССР. За годы горбачёвской «перестройки» в стране вырос слой убеждённых *буржуазных* реформаторов, мечтавших о реставрации капитализма. За 30 лет ими было построено общество, которое Президент Путин называет «нормальным капитализмом»¹ Но если не пытаться, обманывая себя и других, обмануть историю и «заморозить» её объективный ход, то необходимо согласиться с его мнением: «...Что касается социалистической идеи, то в ней ничего плохого нет. Вопрос наполнения – чем наполнять, особенно в сфере экономики. В некоторых странах наполнение есть, и оно связано и переплетается с рыночными формами регулирования и так далее. Достаточно эффективно работает. Надо смотреть»².

Весь ход мировой истории доказывает, что в сложившихся актуальных глобальных условиях альтернативы идеям и практикам социализма у человечества нет. Весь вопрос заключается в их успешной политической суверенной реализации на конкретной национальной и культурной почве в многополярном мире.

Библиографический список

1. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Сочинения. 2-е изд. Т. 4. М. : Политиздат, 1955. С. 419–459.
2. Мир о стране Октября : Высказывания и отклики / Предисл. акад. Г. П. Францова. М. : Агентство печати «Новости», 1967. 403 с.
3. Гросул В. Я. Образование СССР (1917–1924). М. : ИТРК, 2012. 216 с. ISBN 5-88010-236-X.
4. Маркс К. Ницета философии // Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. 2-е изд. Т. 4. М. : Политиздат, 1955. С. 65–185.
5. Маркс К. Будущие результаты британского владычества в Индии // Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. 2-е изд. Т. 9. М. : Политиздат, 1957. С. 224–230.
6. Маркс К. Маркс – Фридриху Адольфу Зорге, 19 октября 1877 г. // Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. 2-е изд. Т. 34. М. : Политиздат, 1964. С. 233–236.
7. Маркс К. Маркс – Иосифу Вейдемейеру, 5 марта 1852 г. // Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. 2-е изд. Т. 28. М. : Политиздат, 1962. С. 422–428.
8. Маркс К. Маркс – Энгельсу, 18 февраля 1865 г. // Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. 2-е изд. Т. 31. М. : Политиздат, 1963. С. 62–65.

¹ Владимир Путин: «Нам нужна новая экономика» // Ведомости. 30 января 2012 г. URL: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2012/01/30/o_nashih_ekonomicheskikh_zadachah (дата обращения: 27.11.2022).

² Встреча с руководством Госдумы и главами фракций // Официальный сайт Президента РФ. 07 июля 2022. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/68836> (дата обращения: 27.11.2022).

9. *Энгельс Ф.* Энгельс – Августу Бебелю, 30 августа 1883 г. // Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. 2-е изд. Т. 36. М.: Политиздат, 1964. С. 49–52.
10. *Ленин В. И.* Седьмая (апрельская) всероссийская конференция РСДРП(б): Доклад о текущем моменте 24 апреля (7 мая) // Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 31. М.: Политиздат, 1962. С. 342–360.
11. *Ленин В. И.* Планы статьи «Очередные задачи Советской власти» // Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 36. М.: Политиздат, 1974. С. 543–552.
12. *Ленин В. И.* О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности // Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 36. М.: Политиздат, 1974. С. 283–314.
13. *Ленин В. И.* О кооперации // Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 45. М.: Политиздат, 1970. С. 369–377.
14. Коминтерн и идея мировой революции : документы. М.: Наука, 1998. 947 с. ISBN 5-02-009623-7.

Поступила в редакцию: 03.12.2022. Принята к печати: 19.12.2022.

Сведения об авторе:

Мухачев Вадим Владимирович, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН.
Москва, Россия.
vadism@rambler.ru
Author ID РИНЦ: 809770

V. V. Mukhachev¹

¹ Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS.
Moscow, Russia.

ON BEHALF OF SOCIALISM AND IN THE NAME OF HUMANITY (TO THE 100th ANNIVERSARY OF THE FORMATION OF THE USSR)

Abstract. The article is devoted to the 100th anniversary of the formation on the ruins of the Russian Empire of the Union of Soviet Socialist Republics – the main brainchild of the Great Socialist Revolution, which began in October 1917. Being a natural product of the historical development of capitalism and the class struggle of the international proletariat against the bourgeoisie, the USSR became the highest stage in the history of socialism in the 19th-20th centuries. Realizing the vital tasks of Soviet power, the USSR at the same time acted on behalf of and in the name of the working people of all countries, demanding their liberation from any form of oppression and exploitation. Noting the generally recognized merits of the USSR to mankind, its huge contribution to the struggle against imperialism, fascism and colonialism of capitalist states, the author pays special attention to the reasons for its collapse, and also rejects the ideological (perverse and false) nature of liberal criticism of the history of the Soviet state. In conclusion, it is emphasized that humanity has no reasonable alternative to socialism.

Keywords: socialism; Bolshevism; Great October Revolution; USSR; petty-bourgeoisism; liberalism; science; ideology

For citation: Mukhachev V. V. (2023) On behalf of socialism and in the name of humanity (to the 100th anniversary of the formation of the USSR). *Science. Culture. Society*. Vol. 29. No. 1. P. 116–129. DOI 10.19181/nko.2023.29.1.9

References

1. Marx K., Engels F. Manifest der Kommunistischen Partei. In: Works. 2nd ed. Vol. 4. Moscow: Politizdat; 1955. P. 419-459 (in Russ.).
2. The world about the country of October: statements and responses [own]. Preface by acad. G. P. Frantsov. Moscow: "Novosti" Press Agency; 1967. 403 p. (in Russ.).
3. Grosul V. Ya. Education of the USSR (1917–1924) [own]. Moscow: ITRK Publ.; 2012. ISBN 5-88010-236-X (in Russ.).
4. Marx K. Misère de la philosophie. In: Marx K., Engels F. Works. 2nd ed. Vol. 4. Moscow: Politizdat; 1955. P. 65–185 (in Russ.).
5. Marx K. The Future Results of British Rule in India. In: Marx K., Engels F. Works. 2nd ed. Vol. 9. Moscow: Politizdat; 1957. P. 224–230 (in Russ.).
6. Marx K. Marx – Friedrich Adolf Sorge, October 19, 1877. In: Marx K., Engels F. Works. 2nd ed. Vol. 34. Moscow: Politizdat; 1964. P. 233–236 (in Russ.).
7. Marx K. Marx – Joseph Weydemeyer, March 5, 1852. In: Marx K., Engels F. Works. 2nd ed. Vol. 28. Moscow: Politizdat; 1962. P. 422–438 (in Russ.).
8. Marx K. Marx – Engels, February 18, 1865. In: Marx K., Engels F. Works. 2nd ed. Vol. 31. Moscow: Politizdat; 1963. P. 62–65 (in Russ.).
9. Engels F. Engels – August Bebel, August 30, 1883. In: Marx K., Engels F. Works. 2nd ed. Vol. 36. Moscow: Politizdat; 1964. P. 49–52 (in Russ.).
10. Lenin V. I. The Seventh (April) All-Russia Conference of the RSDLP(b). Report on the Current Situation April 24 (May 7). In: Complete Works. 5th ed. Vol. 31. Moscow: Politizdat; 1962. P. 342-360 (in Russ.).
11. Lenin V. I. Plans for an article entitled "The Priority Tasks of Soviet Power" [own]. In: Complete Works. 5th ed. Vol. 36. Moscow: Politizdat; 1974. P. 543–552 (in Russ.).
12. Lenin V. I. On "leftist" childishness and petty bourgeoisie [own]. In: Complete Works. 5th ed. Vol. 36. Moscow: Politizdat; 1974. P. 283–314 (in Russ.).
13. Lenin V. I. About cooperation [own]. In: Complete Works. 5th ed. Vol. 45. Moscow: Politizdat; 1970. P. 369–377 (in Russ.).
14. The Comintern and the Idea of World Revolution. Documents. Moscow: Nauka Publ.; 1998. 947 p. ISBN 5-02-009623-7.

Received: 03.12.2022. Accepted: 19.12.2022.

Information about the author:

Vadim V. Mukhachev, Doctor of philosophy, professor, main researcher,
Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia.

vadism@rambler.ru

DOI 10.19181/nko.2023.29.1.10

EDN IYICZN

УДК 314; 316.4

К. А. Галкин¹

¹ Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН.
Санкт-Петербург, Россия.

АКТИВНОСТЬ И СТРАТЕГИИ ЗАБОТЫ О ЗДОРОВЬЕ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ: ГОРОДСКОЙ И СЕЛЬСКИЙ КОНТЕКСТ

Аннотация. Современная Россия, как и большинство европейских стран, – государство, где активно происходит старение населения. При этом вопросы организации ухода за пожилыми людьми, равно как и вопросы организации заботы о пожилых людях становятся всё более важными для современной российской социальной политики. В статье изложены результаты качественного исследования, проведённого в селах Республики Карелия и в городе Санкт-Петербурге. Всего было собрано 40 полуструктурированных интервью (n=40). В рамках настоящего исследования мы рассматриваем заботу о субъективном здоровье пожилых людей как один из важных критериев развития политики активного долголетия в России. Основная задача исследования, в связи с этим – выяснить, как сами пожилые люди заботятся о своем субъективном здоровье в рамках различных территории. Основным исследовательским вопросом выступает вопрос о том, как формируется у пожилых людей забота о своем субъективном здоровье. Результаты исследования подтверждают наличие специфики заботы о своем субъективном здоровье в зависимости от различных локаций, где проживают пожилые люди. Основной проблемой для пожилых людей, проживающих в сельской местности, выступает исключение медико-социального обслуживания, что актуализирует поиск альтернативных вариантов лечения заболеваний. Для пожилых людей в крупном городе немаловажным выступает обращение к институциональным провайдерам лечения как к единственным и безальтернативным источникам заботы и ориентир на обращение к подобным провайдерам в лечении различных заболеваний.

Ключевые слова: пожилые люди; субъективное здоровье; здоровье пожилых; активное долголетие; город; сельская местность

Для цитирования: Галкин К. А. Активность и стратегии заботы о здоровье пожилых людей: городской и сельский контекст // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29, № 1. С. 130–142. DOI 10.19181/nko.2023.29.1.10. EDN IYICZN

Введение. Сохраняющийся стабильный тренд в развитии политики активного долголетия («активного старения» в английском эквиваленте) в России — это ориентированность на решение медицинских задач и сохранения здоровья пожилых людей преимущественно через проведение различных мероприятий, чаще всего направленных на диспансеризацию и поддержание здоровья пожилых [1; 2; 3]. Таким образом, до недавнего времени вся система активного долголетия в России была ориентирована преимущественно на медицинскую помощь пожилым людям и, что достаточно важно, на поддержание текущего уровня здоровья. При этом сам концепт активного долголетия включает в себя как развитие медицинской, психологической поддержки, так и различные ме-

роприятия, направленные на трудоустройство пожилых людей, развитие их мобильности, другие мероприятия [4]¹. Такие компоненты в политике активного долголетия начали появляться в России сравнительно недавно. Как правило, они закреплены на государственном уровне в системе различных национальных проектов, будь то «Старшее поколение» или «Демография», а также в тех или иных локальных инициативах, реализуемых обыкновенно в крупных городах (пример такого проекта — «Московское долголетие») [5; 6]².

Государственная политика и социальные программы для поддержки старших возрастных групп в России до недавнего времени были в основном ориентированы на решение задач медицинского обеспечения и проблем, связанных с естественным старением населения. Была создана государственная гериатрическая служба, одна из задач которой — создание и развитие сети гериатрических госпиталей и больниц, а также системы реабилитационных учреждений для пожилых людей.

Территориальное распределение учреждений гериатрической службы довольно неравномерно: оно охватывает преимущественно крупные города и города федерального значения, но не сельскую местность и малые города, где медико-социальные проблемы пожилых людей часто остаются без внимания. Гериатрическая служба России имеет не вполне удовлетворительную правовую базу, не располагает вертикальными управленческими связями. Также существуют сложности с профессией врача-гериатра, которая есть лишь в крупных медицинских учреждениях и не включена в штатное расписание поликлиник и гериатрических центров [7].

Однако важным остаётся изучение особенностей неравенств и системы ценностей в целом, которые формируются в контексте здоровья пожилых людей и связаны со спецификой обеспечения и поддержания их здоровья.

В рамках настоящей статьи мы ставим целью проанализировать особенности поддержания здоровья на субъективном уровне у пожилых людей, проживающих в различных локациях: в крупном городе федерального значения (Санкт-Петербург) и в сельской местности (сёла юго-востока Республики Карелия). Мы рассматриваем специфику заботы о здоровье пожилых людей.

Основным исследовательским вопросом, рассмотренным в данной статье, выступает вопрос о том, как формируется забота пожилых людей о своём субъективном здоровье.

Теоретический контекст. Один из основных функционалистских взглядов на здоровье индивидов, крайне распространённый и сегодня, — модель концептуализации здоровья, предложенная Т. Парсонсом [8; 9; 10]. Исследователь рассматривает здоровье, здоровое состояние людей как посредника, регулирующего человеческую активность, как важный ресурс для достижения индивидуальных и групповых целей [11]. Проблемы сохранения здоровья были связаны в целом с сохранением ресурсов общества, с его постоянным развитием в рамках функционалистской трактовки, а, следовательно, состояние болезни воспринимается здесь как девиация [12; 13]. Большинство программ и специальных проектов по сохранению здоровья нацелены на использование именно этого подхода, который на практике ориентирован на то, чтобы максимально

¹ Political declaration and Madrid international plan of action on aging. Second world assembly on ageing (Madrid, 8-12 April 2002) // The United Nations. URL: <https://u.to/u1N4Hg> (accessed: 08.12.2022).

² Паспорт Национального проекта «Демография» // Правительство России. URL: <http://government.ru/info/35559/> (дата обращения: 08.12. 2022).

быстро излечить больного человека, вернуть его в общество и сделать вновь общественно полезным. Классическая роль больного для функционалистов — опасная и разрушающая роль, которая не способствует реализации в обществе поставленных задач и планов.

Однако эта концепция подвергается критике, в первую очередь исходя из того, что такое представление о здоровье создаёт различные неравенства для различных групп людей. Пожилые люди относятся к таким группам, так как в отношении них «роль больного» не реализуется в полной мере; следовательно, на практике такой пациент не может полностью выздороветь и оказывается практически полностью подчинённым системе здравоохранения, а также пониманию процесса старения как естественного, биологического процесса, который не поддаётся быстрому излечению и его минимизации [14; 15]. Появляется возможность пациентоориентировать старость и, как следствие, создать биоконтроль над старостью и старением. Медицина, таким образом, одновременно и присваивает старение, разграничивая возрастные рамки и определяя, когда начинается пожилой возраст, и маргинализирует его, теряя власть над ним, определяет человека между двумя довольно схожими ролями: ролью пациента, которая свойственна молодым людям, когда наступают сложности со здоровьем, и ролью пожилого человека как потенциального больного, который в любой момент может стать пациентом. Граница между этими ролями постоянно определена эталоном физиологической нормы, а также соматическим состоянием пожилых людей и всё время балансирует между ролью потенциального больного и пациента.

Таким образом, одной из доминирующих категорий, которая становится практически синонимичной старости и возрасту, выступает категория здоровья. И именно в терминах здоровья и различных ухудшений состояний анализируются особенности восприятия своего возраста. Как отмечает А. Смолькин, «в старости значительная часть событий и действий начинает измеряться или оцениваться человеком в терминах здоровья, а не удовольствий или необходимости. Сама функциональность как основа нормы зависит от возможностей медицинского вмешательства» [14]. Следовательно, при возникновении заболевания у пожилого человека, помимо самого факта его наличия, который фиксирует медицина, возникает также изменение отношений пожилого человека с окружающими, ощущение чувства собственной ненужности и незначимости, утраты возможностей и прежних активностей. Немаловажным выступает и тот факт, что на данном этапе отсутствуют какие-либо содержательные теоретические рамки, которые могли бы описать особенности здоровья и проблем с ним в жизни пожилого человека как один из ключевых факторов возникновения активности. Теория активностей, разработанная Б. Лемоном и коллегами, ставшая теоретической основой для концепции активного долголетия, сегодня подвергается критическому взгляду, в основном в контексте идей о важности субъективного понимания и рассмотрения различных факторов, которые могут оказывать значительное влияние на активность пожилых людей [16; 17].

Здоровье пожилых людей рассматривается как объективное обстоятельство, то есть при развитии программ активного долголетия во внимание принимаются объективные, медикализированные параметры понимания плохого и хорошего здоровья и его улучшения. А субъективные параметры, такие как переживания и психологическое состояние, оценка соматического состояния индивида, остаются незатронутыми [18].

Исследователи неравенств в здоровье отмечают, что важную роль в поддержании здоровья играют психосоциальные факторы, а также социальный

капитал, который связан с поддержкой родственников и близких, которые помогают справиться с жизненными трудностями [19; 20].

Исследование посвящено субъективному здоровью и неравенствам в жизни пожилых людей. Такие неравенства следует разделить на две группы. В социологических работах они рассматриваются в контексте социальных факторов и неравенств, существующих в рамках различных территорий. В исследованиях, посвящённых социальной работе, — с позиций удовлетворённости пожилых людей качеством медицинской помощи, а также специфики жизни пожилых людей в целом (к примеру, речь может идти о психологических факторах их жизни, о распространённости медицинской помощи и удовлетворённости ей). Нередко в исследованиях по социальной работе одним из важных факторов, влияющих на субъективное здоровье пожилых людей, выступает выход на пенсию, исключение пожилых людей из жизни социума, что создаёт для пожилых людей трудности с поддержанием здоровья [21; 22]. При этом основными исследовательскими инструментами как в исследованиях, посвящённых социальной работе, так и в исследованиях по социологии остаются количественные методы. Изучение различных регионов часто связано с отсутствием прицельного выбора и анализа субъективных неравенств в здоровье.

В статье мы используем подход финского социолога Э. Аллардта, согласно которому здоровье формируется как объективными факторами и средой (что, на наш взгляд, перекликается с фокусом концепции активного долголетия), в рамках которой находится индивид, так и субъективными особенностями, индивидуальными психологическими установками, взглядами и пониманием, ощущением своего собственного здоровья. Из подобного определения следует, что в современном обществе здоровье и благополучие соотносятся с точки зрения коллективизма и индивидуализма. Следовательно, реализовывать меры социальной политики и поддержки невозможно без изучения конкретных социальных ситуаций, анализа субъективных проблем и неравенств в здоровье [23; 24].

В рамках настоящего исследования мы рассматриваем заботу о субъективном здоровье пожилых людей как один из важных критериев развития политики активного долголетия в России. Основная задача исследования, в связи с этим — выяснить, как сами пожилые люди заботятся о своем субъективном здоровье в рамках различных территорий.

Методология и эмпирическая база. Методологией исследования выступают полуструктурированные интервью с 40 респондентами (n=40), проживающими в Санкт-Петербурге и сёлах Республики Карелия по 20 интервью из каждой локации. Возраст информантов: от 65 до 90 лет. Все информанты были неработающими пожилыми людьми, которые вышли на пенсию и имели до этого момента различные профессии и образование: у трети информантов было высшее образование, другие не имели высшего образования, но, как правило, получили среднее образование и работали в сельскохозяйственном секторе. Выборка формировалась с учетом максимальной возрастной и гендерной гетерогенности. Интервью кодировались с применением метода тематического анализа. В ходе анализа обозначались ключевые темы, которые относились к практикам заботы о субъективном здоровье пожилых людей на основании чего в исследовании были выделены стратегии заботы о своем субъективном здоровье у пожилых.

Результаты исследования. Оценка здоровья пожилыми людьми выступает важным компонентом в контексте понимания своей активности и возможности быть интегрированными в социум, в социальную жизнь. Немаловажным выступает тот факт, что объективное состояние здоровья и календарный возраст нередко не совпадают в контексте оценки здоровья. Например, пожилые люди из группы 75+, которые имели различные соматические трудности и сложности с передвижением, оценивали своё состояние здоровья как достаточно «бодрое», а пожилые люди из группы 65+, не имеющие различных хронических заболеваний, наоборот, говорили в нарративах о всевозможных трудностях и проблемах, которые возникают у них со здоровьем:

«Я хоть уже и немолодой парень [смеётся], а здоровье и настроение у меня — хоть в поход, хоть в гору. В общем, я всегда и ко всему готов, потому что главное — это то, как ты себя чувствуешь, как ощущаешь себя. Вот это, я скажу, основное, а всё другое — то, что связано со здоровьем, врачами и лечением, — это уже, скажем так, посредственное и не основное. Главное — это ты и то, как ты сам своё здоровье понимаешь. Вот так скажу» (м., 87, село, Карелия).

Таким образом, основным критерием субъективной оценки здоровья выступает самооценка своих сил, ощущения того, насколько сами пожилые люди чувствуют себя здоровыми. Кроме того, важным критерием, по словам самих пожилых людей, выступает оценка своей индивидуальной жизненной позиции и её особенностей. Отметим, что жители сельских районов оценивали своё состояние здоровья в целом оптимистичнее, в отличие от жителей крупного города. Важным критерием такой оценки была самозабота. Жители сельских районов отмечали, что им приходилось рассчитывать исключительно на себя, в то время как жители города имели возможности использовать различные медицинские услуги, в том числе платную медицину, что в целом способствовало более качественному выявлению тех или иных болезней. Также для жителей сельских районов опасность представлял инфраструктурный дефицит в сёлах, который, как правило, способствовал тому, что пожилые люди рассчитывали на самопомощь и соседскую помощь при лечении заболеваний и минимизации проблем, связанных со здоровьем:

«Здесь, в селе, медицина практически никудышная. Вот и приходится рассчитывать исключительно на себя, или на родственников, которые при желании лекарства тебе привезут, или на соседей. А больше и не на кого. Поэтому я и привык относиться к своему здоровью, как к тому, что лично мне крайне важно и значимо. Потому что без него — никуда. Я знаю, что никто не сможет приехать помочь мне вылечить любое заболевание. Ты здесь один, поэтому твоё здоровье — это сейчас твой основной друг» (м., 72, село, Карелия).

Что касается пожилых жителей города, то их оценки своего здоровья были более пессимистичными. Также в их нарративах чаще присутствовали жалобы на то, что проблемы со здоровьем сами по себе доставляют им множество хлопот. Пожилые люди в городе, как правило, чаще старались найти способы и пути лечения болезней, но при этом и чаще говорили о том, что пожилой возраст и старение «неразлучны», связаны с плохим самочувствием. Следовательно, важной проблемой было то, то что активность в пожилом возрасте снижалась, преимущественно из-за плохого самочувствия и проблем со здоровьем:

«Уже давно я лечу колени и суставы: более десяти лет болею этим недугом. И что в итоге получается? На самом деле только одни проблемы. Если идти в больницу, то почти всегда нужно ложиться и проходить нудный и относительно долгий курс амбулаторного лечения. А если идти в платную поликлинику, меня там тоже оставляют на лечение, как уже неоднократно оставляли, и так же долго будут держать, ничего, по сути, не говоря мне и ничего не делая. Вот тогда и начинаешь понимать: а какой вообще смысл подобного лечения? По сути, никакого. И значит, что болезнь неизлечимая или это ты такая старая — наверное и то и другое. Конечно, руки опускаются, делать ты в принципе ничего не можешь. Ведь когда себя плохо чувствуешь, то какой вообще может быть запал что-либо делать?» (ж., 67, Санкт-Петербург).

Следует отметить, что у пожилых людей отличались оценки активности, активного состояния в зависимости от субъективного здоровья. Так, в нарративах интервью нами были выделены два взгляда. Первый был связан с практиками самозаботы и, следовательно, оптимистичными представлениями о своём здоровье. При таком взгляде важным выступала именно инструментальная роль здоровья, которая способствовала появлению у пожилых людей активности и интегрированности в социальную жизнь, а следовательно, и возможностям для реализации этой активности и своего потенциала.

В числе основных проблем, снижающих самоконтроль и самостоятельность, респонденты отмечали проблемы со здоровьем, которые создавали как материальные, так и физические трудности, сложности с самообслуживанием. Важным было то, что само описание здоровья строилось исходя из понимания возраста, и именно ухудшение здоровья и самочувствия способствовало тому, что пожилые люди теряли привычные возможности, а нередко и активность. Способы маркирования и проявления активностей описывались респондентами именно через практики того, как пожилые люди могли обслуживать себя. Здесь само здоровье, в первую очередь физические возможности, были основными для самоконтроля возможностей пожилых людей:

«Пока сама могу себя обслуживать, это остаётся самым основным и важным, значимым. Когда я не так давно слегла с ковидом, то это, считаю, были настоящие трудности для меня, потому что ни в туалет нормально не сходить, ни вообще что-либо сделать, например, участвовать в своей жизни. Считаю, практически сразу теряешь всё это, всю связь с привычным миром, растрачиваешь жизнь. Поэтому я считаю, что самое главное, что вообще описывает какую-либо старость, да и, наверное, в целом характеризует её, — это как раз то, что ты можешь себя обслуживать. А если нет для этого сил, то — всё, считай, сразу слёг и вообще ничего уже не сделаешь» (ж., 70, село, Карелия).

Пожилые люди, живущие в городе, отмечали, что их самоконтроль над собой был максимально зависимым от внешних обстоятельств. Как следствие, с этим были связаны проблемы психологического характера и возможные ограничения, которые задаются неравенствами, определёнными плохим самочувствием и проблемами со здоровьем. При этом пожилые люди из сельской местности достаточно высоко оценивали свои шансы контролировать свою жизнь, выполнять рутинные дела по дому, обслуживать себя. Но для пожилых людей и из сельской местности, и из города немаловажным было ощущение свободы через возможность быть активными. В результате уровень субъективного здоровья способствовал функциональной свободе, которая могла быть ограничена воз-

возможностями мобильности, а нередко и тем, что пожилые люди не ощущали возможностей для включения в социальную жизнь.

Проблемы со здоровьем, которые ограничивают активность пожилых жителей из сельской местности, были значимыми, но латентными факторами, которые редко артикулировались в форме жалоб. Чаще они представляли собой отсылку к инструментальной сущности здоровья, которая в первую очередь связана с мобильностью, а также возможностью обслуживать себя. Для жителей крупного города ключевым критерием активности было не просто здоровье, которое позволяло обслуживать себя и выполнять рутинные необходимые задачи по дому, но такое здоровье, которое способствовало тому, что пожилые люди могли быть мобильными, интегрированными в различные практики активного долголетия и ЗОЖ. Важным здесь было поддержание такого уровня здоровья, который не всегда виделся пожилым людям возможным, поэтому возникали трудности, связанные с тем, что пожилые люди маркировали своё здоровье и своё состояние как ограничивающие их активности и возможности:

«Раньше я, например, и в лыжных походах участвовал, да и вообще в походах. Иде только не был, чем только не занимался, даже просто ездил! Можно сказать, полстраны исколесил. А теперь всё изменилось, здоровья хватает уже исключительно на себя, и всё, нет никаких других возможностей. в целом нет перспектив улучшить здоровье. Ты становишься максимально замкнутым, максимально ограниченным в определённом пространстве, что, безусловно, не улучшает твоё физическое и психологическое самочувствие. Однако теперь по-другому никак. В своём дневнике я это так и записал: вот она, старость, пришла, и ничего другого уже не предвидится. Да и ждать чего-либо, наверное, уже неправильно и довольно странно» (м., 69, Санкт-Петербург).

Пожилые люди, живущие в городе, отмечали, что их самоконтроль был максимально зависимым от внешних обстоятельств. Отсюда вытекали проблемы психологического характера и возможные ограничения, которые задаются неравенствами, связанными у пожилых людей с плохим самочувствием и проблемами со здоровьем. При этом пожилые люди из сельской местности достаточно высоко оценивали свои шансы контролировать свою жизнь, выполнять рутинные дела по дому и обслуживать себя. В то же время для пожилых людей из сельской местности и из города немаловажным было ощущение свободы через возможность быть активными. Как следствие, уровень субъективного здоровья способствовал такой функциональной свободе, которая могла быть ограничена возможностями мобильности, а нередко и ограничивалась тем, что пожилые люди не ощущали свою включённость в социальную жизнь. Следует отметить, что те пожилые люди, которые оценивали уровень своего здоровья оптимистично, считали свой уровень здоровья удовлетворительным для того, чтобы обслуживать себя и контролировать все процессы. Те же пожилые люди, которые оценивали своё здоровье пессимистично, как правило, отмечали, что возможности их здоровья сильно ограничены, а значит, ограничены и возможности самоконтроля над телом, над повседневными и рутинными практиками. Чем выше была вовлечённость пожилых людей в социальные практики и общение, тем большей была уверенность этой категории граждан в способности контролировать свою жизнь и тем меньшей была зависимость от собственного уровня здоровья, от маркирования проблем со здоровьем как ключевых в этих практиках самоконтроля.

Стратегии заботы о здоровье пожилых людей в городе и в селе. В нарративах интервью нами были выделены две стратегии заботы о своем субъективном здоровье у пожилых людей. Первая была связана с практиками самозаботы о своем здоровье — стратегия самопомощи. Как правило, такая позиция — отношения к субъективному здоровью — была характерна для пожилых жителей сёл. Вторая позиция относительно понимания субъективного здоровья — стратегия обращения за помощью. В рамках данной стратегии пожилые люди полагались преимущественно на помощь врачей и обращения за медицинской помощью. Преимущественно, данная стратегия характерна для пожилых жителей города Санкт-Петербург.

Для представителей стратегии самопомощи основные трудности с заботой о субъективном здоровье были связаны с получением качественной медицинской помощи, которая часто была труднодоступна ввиду инфраструктурного дефицита, существующего в сёлах. Лечение заболеваний для представителей данной стратегии отличалось отсутствием надежд на институциональную, государственную заботу о здоровье; в случае возникновения проблем со здоровьем представители этой стратегии старались найти альтернативы сельской медицине и отправиться на лечение в город, где присутствовали различные виды медицинской помощи. Другой немаловажной деталью заботы о субъективном здоровье у пожилых людей — представителей стратегии самопомощи выступает самостоятельный поиск необходимых лекарств, доступность медикаментов в целом. Представители стратегии самопомощи использовали различные ресурсы при покупке лекарств, в том числе прибегали к помощи местного локального сообщества с просьбами привезти необходимые препараты или найти им замену, так как ассортимент сельских аптек, как и аптек районных центров, был крайне ограниченным:

«Хорошо, что есть соседи. Вот их и прошу всегда помочь с лекарствами. В амбулатории ведь необходимых лекарств не найдёшь, и, следовательно, приходится искать их здесь через соседей, которые уже как родственники. Так и находятся лекарства в итоге» (ж., 69, село, Республика Карелия).

Соседская помощь с лекарствами была довольно распространённой для представителей стратегии самопомощи, подобный обмен можно определить как реципрокный и символический. Главной характеристикой стратегии самопомощи выступает понимание того, что такие институциональные провайдеры поддержки здоровья, как сельская медицина (ФАПы и амбулатории), социальные работники и сельские аптеки, очень часто не справляются с потребностями пожилых людей, и основными ресурсами заботы о субъективном здоровье выступают соседская помощь и поиск альтернативных способов лечения.

Для представителей стратегии обращения за помощью важным ресурсом в поддержании собственного здоровья выступают институциональные провайдеры, к которым относятся преимущественно поликлиническая и больничная виды помощи:

«Да, можно прочесть разные отзывы о нашей поликлинике, но это едва ли не единственная возможность получить хоть какую-нибудь помощь, хоть что-нибудь сделать со своим здоровьем. Поэтому тут выбора нет, и в случае чего я только и могу, что к врачам обращаться» (ж., 67, Санкт-Петербург).

Для представителей стратегии обращения за помощью важным выступает получение как необходимого лечения и лекарств (через обращение к институ-

циональным провайдерам медицинской помощи), так и терапевтической поддержки, общения и взаимодействия, которые существуют на приёмах у врачей, а также советов, которые возможно получить, обращаясь исключительно за медицинской помощью к врачам. При этом и представители обращения за помощью, и представители стратегии самопомощи не считали, что институционализованная медицина способна излечить все заболевания. Разница заключалась в том, что пожилые люди — представители стратегии самопомощи в данном случае искали альтернативы, а пожилые люди — сторонники стратегии обращения за помощью мирились с отсутствием других вариантов и рассматривали медикализацию своего здоровья и различных соматических состояний, обращаясь к медицинским специалистам, как единственную возможность.

Заключение. В исследовании рассматривался один из структурных аспектов активного долголетия — поддержание, сохранение здоровья пожилых людей. В рамках статьи мы сконцентрировались на изучении субъективного здоровья, а именно специфики конкретных ситуаций и заботы о здоровье пожилых людей в городе федерального значения и сельской местности, сёлах Республики Карелия.

В исследовании выделены две стратегии заботы о субъективном здоровье. Первая связана с автономностью и относительной независимостью от институционализированных медицинских услуг и сервисов, отличающихся незначительным качеством, и характерна преимущественно для сельских районов. Вторая стратегия связана с обращением к институциональной медицинской помощи и отсутствием у пожилых людей автономии в выборе медицинской помощи. Результаты исследования подтверждают существование специфики заботы пожилыми людьми о своем субъективном здоровье, исходя из различных локаций и влияния среды, собственных взглядов и качества медицины. Основной проблемой для пожилых людей, проживающих в сельской местности, выступает исключение (или часто недоступность) медико-социального обслуживания, что актуализирует поиск альтернативных вариантов лечения заболеваний. Для пожилых людей, проживающих в таких поселениях, важными провайдерами медицинской помощи выступают местное сообщество и различные неформальные практики, среди которых наиболее распространённой является практика покупки лекарств и обращений к местному сообществу. Для пожилых людей в крупном городе немаловажным выступает обращение к институциональным провайдерам лечения как к единственным и безальтернативным, и в данном случае доверие к таким провайдерам выше, чем в сельской местности, а сами обращения выполняют в том числе терапевтические роли и функции.

Ещё один важный фактор при следовании той или иной стратегии заботы о субъективном здоровье — доступность медицинских услуг. К примеру, недоступность платных медицинских услуг вынуждает пожилых людей на поиск альтернатив, на использование самопомощи — стратегии, характерной для сельской местности, в то время как возможность выбора других вариантов лечения способствует обращению к институциональным и частным провайдерам медицинских услуг.

При этом активность как и активная жизненная позиция, напрямую связаны с представлением о субъективном здоровье у информантов и индивидуальном маркировании и понимании информантами роли своего субъ-

активного здоровья. Следует отметить, что потенциал изучения стратегии лечения в контексте субъективного здоровья пожилых людей открывает в различных регионах страны и городах России значительные перспективы для дальнейших исследований субъективного здоровья с применением качественной методологии, например, в контексте изучения влияния среды и социально-экономического развития тех или иных регионов на доступность медицинского обслуживания.

Практическая значимость исследования представлена различными уровнями. Для других исследователей данной темы это возможность сопоставления полученных в работе стратегий заботы пожилых людей о своём здоровье в городском и сельском контекстах, выделение связанных с этим аспектов. На уровне органов местной власти применение полученных результатов позволит улучшить развитие медицины в городе и сельской местности, наметить перспективы развития, создать понимание потребностей в лечении пожилых людей, учитывая особенности их локации. С точки зрения развития локального сектора реальной экономики улучшение медицинского обслуживания пожилых людей, как и решение проблем со здоровьем пожилых в контексте улучшения взаимодействия с врачами и различными звеньями лечения, способствует сохранению ресурсов и человеческого капитала, что особенно важно в двух регионах с активно развивающимся демографическим старением: Санкт-Петербурге и Республике Карелия. Результаты исследования могут быть использованы и на образовательном уровне: при разработке курсов по деонтологии; при работе врачей с пациентами из разных локаций; при изучении специфики взаимодействия с пациентами в городе и сельской местности (этому аспекту сегодня уделяется мало внимания в рамках подготовки и профессиональной переподготовки врачей, а также в контексте проведения различных семинаров и обучающих программ.

Также следует отметить важность использования полученных в исследовании результатов на локальном уровне: при планировании сельскими и городскими врачами коммуникации с пациентами, поиске ими оптимальных моделей взаимодействия с больными.

Библиографический список

1. *Ткачева О. Н.* Современная концепция развития гериатрической помощи в Российской Федерации // Вестник Росздравнадзора. 2016. № 4. С. 31–35. EDN [WJDAYV](#).
2. *Егоров В. В.* Гериатрическая служба России. Основные тенденции развития // Клиническая геронтология. 2007. Т. 13, № 3. С. 67–72. EDN [JHCZGP](#).
3. *Шабалин В. Н.* Медико-социальные проблемы физиологического старения населения России // Альманах клинической медицины. 2009. № 21. С. 11–17. EDN [KYHEP](#).
4. Концепция политики активного долголетия : научно-методологический доклад к XXI Апрельской междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества / Под ред. Л. Н. Овчаровой, М. А. Морозовой, О. В. Синавской. М. : ИД Высшей школы экономики, 2020. 40 с. ISBN 978-5-7598-2173-1.
5. *Галкин К. А.* Особенности социальных неравенств в здоровье пожилых людей в России и Европе : обзор исследований // *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право.* 2022. Т. 47, № 1. С. 14–22. DOI [10.52575/2712-746X-2022-47-1-14-22](#). EDN [DCKNDL](#).
6. *Пригорьева И. А., Уханова Ю. В., Смолева Е. О.* Трансформация социальной политики в России в контексте старения населения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12, № 5. С. 124–140. DOI [10.15838/esc.2019.5.65.8](#). EDN [PYIKCN](#).
7. *Ткачева О. Н.* Перспективы развития гериатрической службы в Российской Федерации // Справочник поликлинического врача. 2017. № 5. С. 9–11. EDN [YKJZLR](#).

8. *Gerhardt U.* Parsons, role theory, and health interaction // Sociological theory and medical sociology. London : Routledge, 1987. P. 110–133.
9. *Парсонс Т.* Пересматривая роли больного и врача // Социология власти. 2016. Т. 28, № 1. С. 233–235. EDN [VVHOMJ](#).
10. *Кульсеева Т. Г.* Проблемы здоровья и болезни в работах Т. Парсонса // Психология здоровья и болезни: клиничко-психологический подход. Материалы III Всероссийской науч.-практич. конф. с междунар. участием. Курск : КГМУ, 2013. С. 113–117.
11. *Frank A. W.* From sick role to health role: Deconstructing Parsons // Talcott Parsons. Theorist of modernity. London : Sage, 1991. P. 205–216.
12. *Назарова И. Б.* Взаимоотношения «врач-пациент»: правовые и социальные аспекты // Социологические исследования. 2004. № 7(243). С. 142–147. EDN [OXAATN](#).
13. *Гришина М. А.* Коммуникация по поводу здоровья: теоретический и практический аспекты // Анализ риска здоровью. 2018. № 2. С. 138–150. DOI [10.21668/health.risk/2018.2.16](#). EDN [XRNWLR](#).
14. *Смолькин А. А.* Медицинский дискурс в конструировании образа старости // Журнал социологии и социальной антропологии. 2007. Т. 10, № 2. С. 134–141. EDN [LDGYFP](#).
15. *Михалёва А. В.* Социально-медицинские аспекты развития сервисов для пожилых // Журнал социологии и социальной антропологии. 2009. Т. 12, № 2. С. 197–204. EDN [LDGYZF](#).
16. *Lemon B. W., Bengtson V. L., Peterson J. A.* An exploration of the activity theory of aging: Activity types and life satisfaction among in-movers to a retirement community // Journal of gerontology. 1972. Vol. 27, No. 4. P. 511–523. DOI [10.1093/geronj/27.4.511](#).
17. *Formosa M.* Active ageing in the fourth age: The experiences and perspectives of older persons in long-term care // Geopolitical, Social Security and Freedom Journal. 2019. Vol. 2, No. 1. P. 78–92. DOI [10.2478/gssfj-2019-0008](#).
18. *Kalache A., Gatti A.* Active ageing: a policy framework // Advances in gerontology. 2003. Vol. 11. P. 7–18. EDN [PKIVFP](#).
19. *Русинова Н. Л., Сафронов В. В.* Роль персональных психологических ресурсов в объяснении возрастных неравенств здоровья в странах Европы // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 4. С. 273–297. DOI [10.14515/monitoring.2022.4.2167](#). EDN [LDTTUM](#).
20. *Matthews K. A., Gallo L. C.* Psychological perspectives on pathways linking socioeconomic status and physical health // Annual review of psychology. 2011. Vol. 62. P. 501–530. DOI [10.1146/annurev.psych.031809.130711](#).
21. *Григорьева И. А., Чернышова С. П.* Новые подходы к профилактике социального исключения пожилых // Журнал социологии и социальной антропологии. 2009. Т. 12, № 2. С. 186–196. EDN [LDGYVY](#).
22. *Неваева Д. А.* Особенности социальной эксклюзии лиц пожилого возраста (по материалам социологического опроса) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 2-2(58). С. 141–146. EDN [SMMXGN](#).
23. *Allardt E.* Having, loving, being: An alternative to the Swedish model of welfare research // The quality of life. Oxford, 1993. P. 88–94. DOI [10.1093/0198287976.003.0008](#).
24. *Черныш М. Ф.* Социальное благополучие и здоровье // Информационно-аналитический бюллетень Института социологии ФНИСЦ РАН. 2020. № 1. С. 54–74. DOI [10.19181/INAB.2020.1.4](#). EDN [SDCHVN](#).

Поступила в редакцию: 08.12.2022. Принята к печати: 20.01.2023.

Сведения об авторе:

Галкин Константин Александрович, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН.

Санкт-Петербург, Россия. Kgalkin1989@mail.ru

Author ID РИНЦ: 850737; ORCID: 0000-0002-6403-6083; Researcher ID (WoS): A-8784-2016

K. A. Galkin¹

¹Sociological Institute of FCTAS RAS.
St. Petersburg, Russia.

ACTIVITY AND STRATEGIES FOR CARING FOR THE HEALTH OF THE ELDERLY: URBAN AND RURAL CONTEXT

Abstract. Modern Russia, like most European countries, is a state where the population is actively aging. At the same time, the issues of organizing care for the elderly, as well as the issues of organizing care for the elderly, are becoming increasingly important for modern Russian social policy. The article presents the results of a qualitative study conducted in the villages of the Republic of Karelia and in the city of St. Petersburg. A total of 40 semi-structured interviews were collected (n=40). In the framework of this study, we consider caring for the subjective health of older people as one of the important criteria for the development of active longevity policy in Russia. The main task of the study, in this regard, is to find out how the elderly themselves take care of their subjective health within various territories. The main research question is the question of how care for their subjective health is formed in older people. The results of the study confirm the presence of the specifics of caring for their subjective health, depending on the different locations where the elderly live. The main problem for elderly people living in rural areas is the exclusion of medical and social services, which actualizes the search for alternative treatment options for diseases. For the elderly in a large city, it is important to turn to institutional treatment providers as the only and non-alternative sources of care and a guideline for turning to such providers in the treatment of various diseases.

Keywords: elderly people; subjective health; elderly health; active longevity; urban; rural

For citation: Galkin K.A. (2023) Activity and strategies for caring for the health of the elderly: urban and rural context. *Science. Culture. Society*. Vol. 29. No. 1. P. 130–142. DOI 10.19181/nko.2023.29.1.10

References

1. Tkacheva O. N. The modern concept of geriatric care development in the Russian Federation. *Vestnik Roszdravnadzora*. 2016;(4):31–35 (in Russ.).
2. Egorov V. V. Russian geriatrics service. Major development trends. *Clinical gerontology*. 2007;13(3):67–72 (in Russ.).
3. Shabalin V. N. Medico-social problems of physiological aging of the Russian population. *Almanac of Clinical Medicine*. 2009;21:11–17 (in Russ.).
4. Ovcharova L. N., Morozova M. A., Sinyavskaya O. V. (eds.) The concept of active longevity policy: scientific-methodological report to the XXI April international scientific conference on the problems of economic and social development [own]. Moscow: Higher School of Economics Publ.; 2020. 40 p. ISBN 978-5-7598-2173-1 (in Russ.).
5. Galkin K. A. Features of social inequalities in the health of older people in Russia and Europe: research review. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Pravo*. 2022;47(1):14–22. DOI [10.52575/2712-746X-2022-47-1-14-22](https://doi.org/10.52575/2712-746X-2022-47-1-14-22) (in Russ.).
6. Grigorieva I. A., Ukhanova Yu. V., Smoleva E. O. Transformation of social policy in Russia in the context of population ageing. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2019;12(5):124–140. DOI [10.15838/esc.2019.5.65.8](https://doi.org/10.15838/esc.2019.5.65.8) (in Russ.).
7. Tkacheva O. N. Perspectives of geriatric service development in the Russian Federation. *Spravochnik poliklinicheskogo vracha*. 2017;5:9–11 (in Russ.).
8. Gerhardt U. Parsons, role theory, and health interaction. In: *Sociological theory and medical sociology*. London: Routledge; 1987. P. 110–133.
9. Parsons T. The sick role and the role of the physician reconsidered. *Sociology of power*. 2016;28(1):233–235 (in Russ.).
10. Kulseeva T. G. Problems of health and disease in the works of T. Parsons. In: *Psychology of health and illness: clinical and psychological approach*. Proc. of the III All-Russian scientific-practical conf. with intern. part. Kursk: KSMU; 2013. P. 113–117 (in Russ.).

DOI 10.19181/nko.2023.29.1.11

EDN JNMQTJ

УДК 316.3; 331

Д. Ю. Исповедников¹

¹ АО «Аксиома».

Москва, Россия.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ЗАПРЕТА НА ТРУДОУСТРОЙСТВО ИНОСТРАННЫХ РАБОЧИХ (ПРИМЕР ЦЕНТРАЛЬНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА)

Аннотация. В статье впервые изучается опыт регулирования международной миграции путём введения запретов на привлечение по отдельным видам экономической деятельности иностранных граждан, которые работают на основании патентов. Исследование проведено на базе сопоставления социально-экономических показателей регионов Центрального федерального округа, использующих данный инструмент (Тверская и Воронежская области), никогда к нему не прибегавших (г. Москва) и недавно присоединившихся к практике (Калужская область). Проанализирована статистика за 2014–2022 гг., отражающая динамику внешних миграционных потоков, состояние внутренних трудовых ресурсов и отдельных отраслей экономики, а также уровень преступности среди мигрантов. Сделаны выводы о запретительной практике, как мало влияющей на изученные индексы регионов-протекционистов и слабо выделяющей их на фоне остальных регионов. В Тверской области количество оформленных патентов сокращается при незначительном снижении международной трудовой миграции в целом, что указывает на изменение долевого состава иностранной рабочей силы в пользу категории, которой не требуется получать патент. Динамика показателей валового регионального продукта по запретным для трудоустройства иностранных граждан группам экономической деятельности совпадает с общей тенденцией к росту за счёт повышения производительности труда по всем рассматриваемым субъектам. Преступность среди иностранных граждан на территории Тверской области до пандемии сокращалась при увеличении числа преступлений, совершённых против иностранцев, что соответствовало динамике по г. Москве и по округу в целом. Полученные выводы представляется перспективным подтвердить или опровергнуть по итогам изучения индексов всех регионов-протекционистов РФ, что позволит усовершенствовать методы прогнозирования и управления миграционными процессами. Также отмечается необходимость расширения спектра доступных данных за счёт формирования единой цифровой базы, позволяющей проследить процесс привлечения иностранных граждан по контрольным точкам: медицинским (прохождение медосвидетельствования), образовательным (прохождение экзамена по русскому языку, истории России и основам законодательства РФ), финансовым (показатели оплаты ежемесячного вмененного налога на патент).

Ключевые слова: внешняя трудовая миграция; патент на работу; региональные рынки труда; преступность

Для цитирования: *Исповедников Д. Ю.* Экономические и социальные последствия запрета на трудоустройство иностранных рабочих (пример Центрального федерального округа) // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29, № 1. С. 143–158. DOI 10.19181/nko.2023.29.1.11. EDN JNMQTJ

Введение. За периодом антиковидных ограничений, нарушившим привычную динамику международной мобильности, в России последовало наслоение миграционных потоков. К тем, кто въехал на заработки в 2020 г. и воспользовался облегченным режимом пребывания, в 2021 г. прибавились новопривывшие земляки. Ситуация повторилась в 2022 г. и обострила комплекс известных проблем, включая несовершенство географического и отраслевого распределения иностранной рабочей силы (ИРС). На фоне глобальной реформы российского миграционного законодательства несколько субъектов РФ воспользовались действующими инструментами контроля. Одним из них стали запреты на трудоустройство по отдельным видам экономической деятельности наиболее массовой категории мигрантов, которые работают в России на основании патентов. Подобные запреты вводятся по результатам анализа регионального рынка с труда с целью приоритетного трудоустройства граждан РФ.

Соответствующими полномочиями высшее должностное лицо субъекта РФ наделяет Федеральный закон N 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» от 25 июля 2002 г. В ноябре 2014 г. 18 статью ФЗ дополнил пункт 6, который даёт право ежегодно устанавливать запреты с учётом региональных особенностей рынка труда и необходимости приоритетного трудоустройства граждан России¹. Постановление Правительства РФ N 1327 от 7 декабря 2015 г. утвердило правила определения срока, в которые хозяйствующий субъект должен привести численность иностранных работников (далее – ИР-патент) в соответствии с запретом.

Практика применяется на протяжении 8 лет, однако опыт и результаты её внедрения в масштабах не только государства, но и конкретного региона, в отраслевом, временном, географическом разрезе комплексно не изучались. Обобщающие работы по теме отсутствуют, и ограничения по найму ИР-патент рассматриваются лишь эпизодически.

В первые годы, не имея достаточных данных для ретроспективного анализа, с критикой таких мер выступила Е. В. Шевцова. По её прогнозу Постановление губернатора Новосибирской области от 15 августа 2015 г., утвердившее запрет, грозило запустить негативный сценарий: вытеснить трудовых мигрантов в нелегальные сферы, усилить межнациональные конфликты и коррупционную нагрузку на бизнес, спровоцировать рост цен на ряд товаров и услуг для потребителей [1].

Обзор запретов, введенных субъектами Дальневосточного федерального округа, провела С. Н. Мищук, отмечая отличие протекционистских практик регионального уровня от содержания федерального курса, который поощряет трудовую миграцию из определённых стран. Помимо защиты местных рынков труда автор в качестве одной из целей ограничений выделяет также сокращение нарушений российского миграционного законодательства [2].

На необходимость запретов для регулирования трудового баланса при высоких темпах внешней миграции указывают учёные, изучающие ситуацию в Калининградской и Калужской областях, где власти впервые ввели запреты в 2021 г. и 2022 г. [3; 4].

Обзор запретительной практики за 2022 г. представлен в коллективной статье о механизмах управления миграционными процессами в субъектах РФ.

¹ О внесении изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 24.11.2014 № 357-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201411250019> (дата обращения: 06.12.2022).

Авторы отмечают, что ограничения по найму ИР-патент региональные власти распространяют главным образом на сферы, не нуждающиеся в работниках с высокой квалификацией. Также сделан вывод о зависимости данных решений не от фактической потребности экономики субъекта в рабочей силе, а от установленного федеральным центром показателя «социальной напряженности на рынке труда» [5].

Фрагментарность научных публикаций объясняется отсутствием комплексного подхода к анализу динамики и структуры международной миграции. По мнению В. В. Комаровского это – одна из причин, мешающих внедрению программно-целевого принципа миграционного регулирования как элемента стратегического планирования и управления. Отсюда проистекает избыток предложения иностранной рабочей силы на российском рынке труда и ее перенаправление по теневым каналам [6].

Исследователи не ставят задачей проанализировать развитие запретительной практики, сопоставить социально-экономические индексы регионов, использующих данный инструмент, и никогда к нему не прибегавших, для определения условий успешного внедрения и расширения ограничений.

Цель настоящей статьи заключается в восполнении этого пробела на основе изучения нормативных документов и статистики. Объект исследования – практика запретов на привлечение ИР-патент по отдельным видам экономической деятельности в субъектах Центрального федерального округа. Предметом выступают социально-экономические показатели за 2014-2021 гг., включая характеристику международной миграции, состояния внутренних трудовых ресурсов, отдельных отраслей экономики и уровня преступности среди иностранных граждан.

Методы исследования. В статье использован системный подход к анализу количественных и качественных характеристик миграционных потоков на основе доступной статистики МВД России, Росстата, Генеральной Прокуратуры Российской Федерации, сравнение, обобщение данных, а также анализ нормативно-законодательных документов, регулирующих трудовую миграцию.

Общая характеристика запретительной практики на 2022 г. Начиная с 2014/2015 гг. запреты на трудоустройство ИР-патент в разное время вводили 30 субъектов РФ. Из них 19 продолжают использовать данный инструмент в 2022 г., включая «новичков», впервые введших ограничения: Амурская область (Постановления N 25 от 8 февраля и N 57 от 29 марта 2022 г.), ведущая борьбу с ростом преступности среди иностранных граждан Калужская область (Постановление N 46 от 11 февраля 2022 г.), а также Краснодарский край (Постановление N 346 от 14 июня 2022 г.).

Единого знаменателя по классификатору ОКВЭД (ОК 029-2014) действующие Указы и Постановления высших должностных лиц субъектов РФ не придерживаются. В документах перечисляются подпадающие под запрет коды, которые могут обозначать как конкретный вид экономической деятельности, так и целый класс без уточнения дальнейшей градации на подклассы, группы, подгруппы и виды. В рамках статьи принято решение анализировать информацию в разрезе классов (КЭД) и групп экономической деятельности, что позволяет отразить отраслевой характер запретительной практики, а также провести сопоставление с доступной социально-экономической статистикой.

Хронология введения запретов по ИР-патент, 2022 г.

Субъект РФ	Документ	Число КЭД	Характеристика практики
1. Калининградская область	Указ от 23 июня 2021 г. N 8	5	Применяется впервые. Продлена на 2023 г.
2. Вологодская область	Постановление от 28 июля 2021 г. N 138	1	Применяется без изменений с 2017 г. Продлена на 2023 г.
3. Приморский край	Постановление от 9 августа 2021 г. N 83-пг	1	Применяется без изменений с 2019 г. Продлена на 2023 г.
4. Камчатский край	Постановление от 1 октября 2021 г. N 144	13	Применяется с 2018 г. Число кодов дважды расширилось. Продлена на 2023 г.
5. Марий Эл	Указ от 20 октября 2021 г. N 171	3	Применяется с 2015 г. Число кодов сокращено в 2016 г. Продлена на 2023 г.
6. Иркутская область	Указ от 26 октября 2021 г. N 290-уг	10	Применяется без изменений с 2019 г. Продлена на 2023 г.
7. Сахалинская область	Указ от 1 ноября 2021 г. N 57	12	Применяется с 2016 г. Число кодов дважды расширилось. Продлена на 2023 г.
8. Челябинская область	Постановление от 23 ноября 2021 г. N 316	1	Применяется без изменений с 2015 г. Продлена на 2023 г.
9. Тверская область	Постановление от 7 декабря 2021 г. N 81-пг	31	Применяется с 2015 г. Число кодов дважды расширилось. Продлена на 2023 г.
10. Воронежская область	Указ от 13 декабря 2021 г. N 217-у	1	Применяется без изменений с 2018 г. Продлена на 2023 г.
11. ХМАО	Постановление от 14 декабря 2021 г. N 169	5	Применяется с 2015 г. Число кодов дважды расширилось. Продлена на 2023 г.
12. Тюменская область	Постановление от 16 декабря 2021 г. N 288	1	Применяется с 2015 г. Число кодов сокращено в 2016 г. Продлена на 2023 г.
13. Республика Алтай	Указ от 24 декабря 2021 г. N 370-у	7	Применяется с 2015 г. Число кодов дважды расширилось.
14. Якутия	Указ от 04 февраля 2022 г. N 2294	29	Применяется с 2017 г. Число кодов расширено в конце 2017 г. Продлена на 2023 г.

Окончание таблицы 1

Субъект РФ	Документ	Число КЭД	Характеристика практики
15. Забайкальский край	Постановление от 8 февраля 2022 г. N 10	5	Применяется без изменений с 2015 г. Продлена на 2023 г.
16. Калужская область	Постановление от 11 февраля 2022 г. N 46	4	Применяется впервые. Продлена на 2023 г.
17. Республика Карелия	Указ от 4 февраля 2022 г. N 8. Отменен 4 марта 2022 г. Указом N 12	—	Применялась в 2015 г.
18. Амурская область	Постановления N 25 от 8 февраля 2022 г. и N 57 от 29 марта 2022 г.	2	Применяется впервые. Продлена на 2023 г.
19. Пермский край	Указ от 2 марта 2022 г. N 27	6	Применяется с 2015 г. Число кодов дважды расширилось. Продлена на 2023 г.
20. Краснодарский край	Постановление N 346 от 14 июня 2022 г	10	Применяется впервые. Продлена на 2023 г.

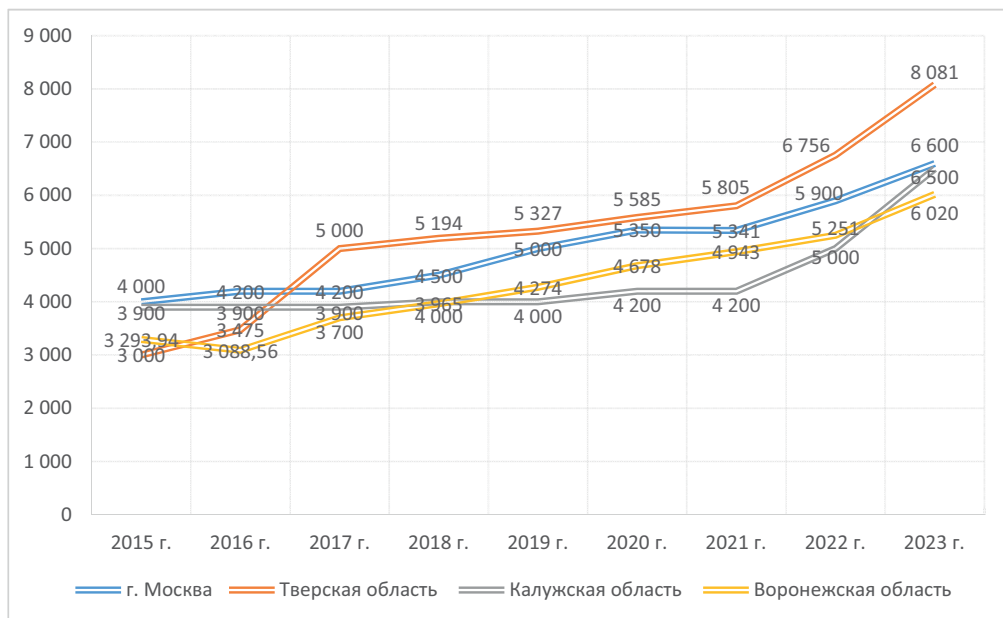
Источник: Составлено автором на основе опубликованных в открытом доступе Указов и Постановлений высших должностных лиц субъектов РФ за 2014–2022 гг.

Как следует из таблицы 1, применяющие запреты регионы распределены по всем федеральным округам РФ за исключением Северо-Кавказского. Лидером является Дальневосточный федеральный округ (6 субъектов-протекционистов).

Хронологически 8 регионов продлевают ограничения на работу ИР-патент ежегодно с 2015 г. В динамике 7 субъектов перечень «запретных» кодов экономической деятельности расширяли, 6 – не меняли и 2 – сокращали. Наиболее внушительный перечень утверждён властями Тверской области (31 КЭД) и Якутии (29 КЭД). Ограничения только по 1 КЭД применяют 5 субъектов РФ.

Выбор в качестве объекта исследования Центрального федерального округа (далее – ЦФО) обусловлен разнообразием критериев и возможностью сопоставить данные региона-протекциониста с длительным опытом запретительной практики и крупным перечнем КЭД (Тверская область), региона, являющегося одной из главных точек притяжения миграции (г. Москва), региона-протекциониста с перечнем из 1 КЭД (Воронежская область), а также региона, активно привлекавшего иностранную рабочую силу до 2022 г. и использующего ограничения не только по экономическим, но и по политическим соображениям (Калужская область).

Добавим, что законодательная власть субъектов РФ ежегодно пересчитывает стоимость фиксированного авансового платежа по налогу на доходы физических лиц, уплачиваемого иностранными гражданами, которые работают на основании патента. Эти показатели дополнительно характеризуют развитие запретительной практики.

Рисунок 1. Размер авансового платежа по патенту 2015-2023 гг., в руб.

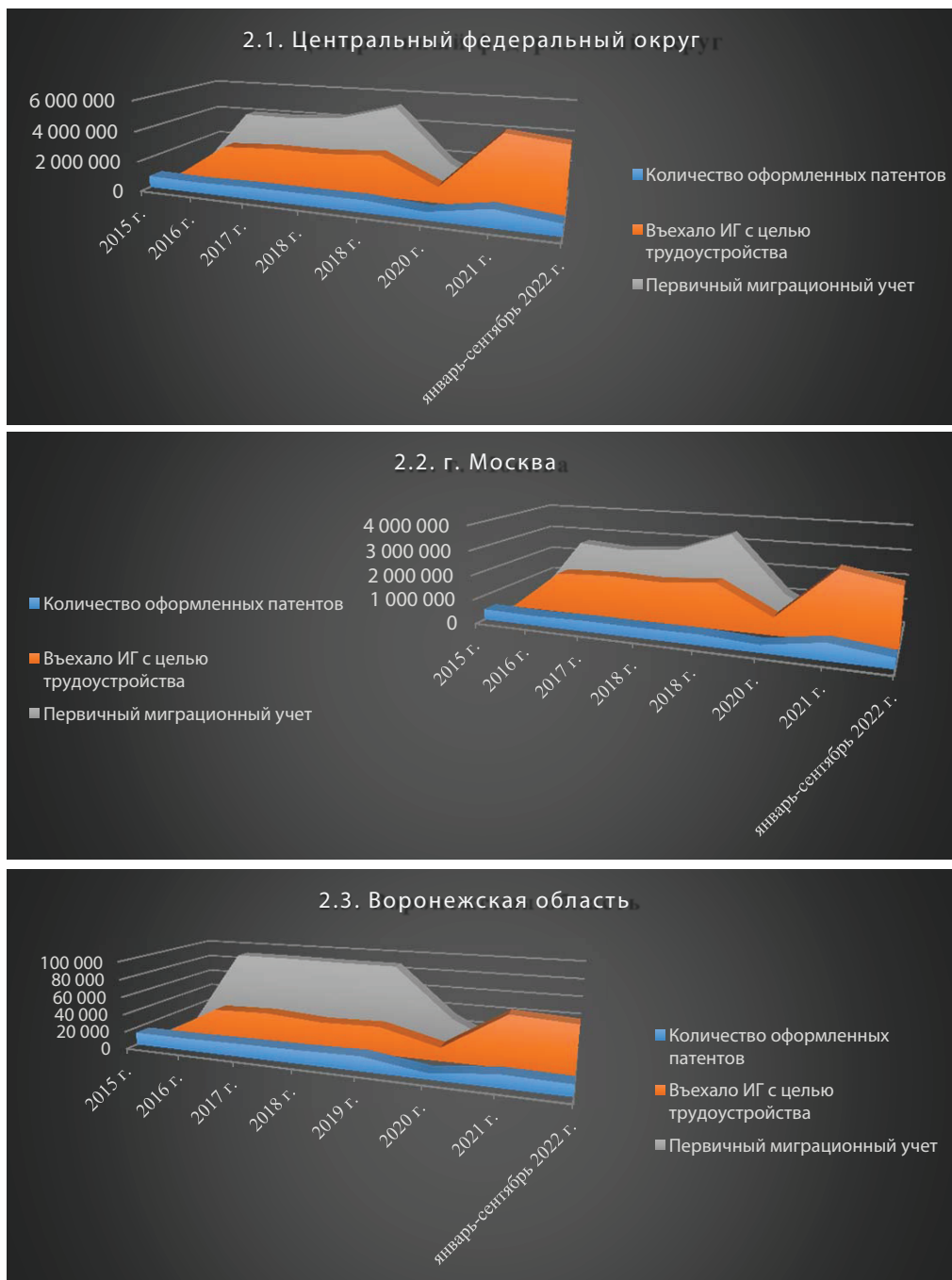
Источник: Составлено автором на основе опубликованных в открытом доступе законодательных актов субъектов РФ за 2014–2022 гг.

Рисунок 1 демонстрирует, что Тверская область, одновременно с внедрением и расширением запретов на трудоустройство категории ИР-патент, существенно повысила размер авансового платежа по патенту, которая в 2017 г. превысила московский показатель. Следующее значительное повышение платежа произошло в 2022–2023 гг. Действуя как ограничение для притока ИРС, эта мера в то же время позволяет избежать резкого снижения налоговых поступлений от иностранных граждан в областной бюджет.

В Воронежской области платёж заметно вырос в 2017 г., за год до внедрения запрета. Калужская область на отрезке 2015–2021 гг. стоимость поднимала символически. В 2022 г., накануне внедрения первых запретов, значение увеличилось на 800 руб., в 2023 г. – уже на 1 500 руб. и сравнялось с платежом по Москве.

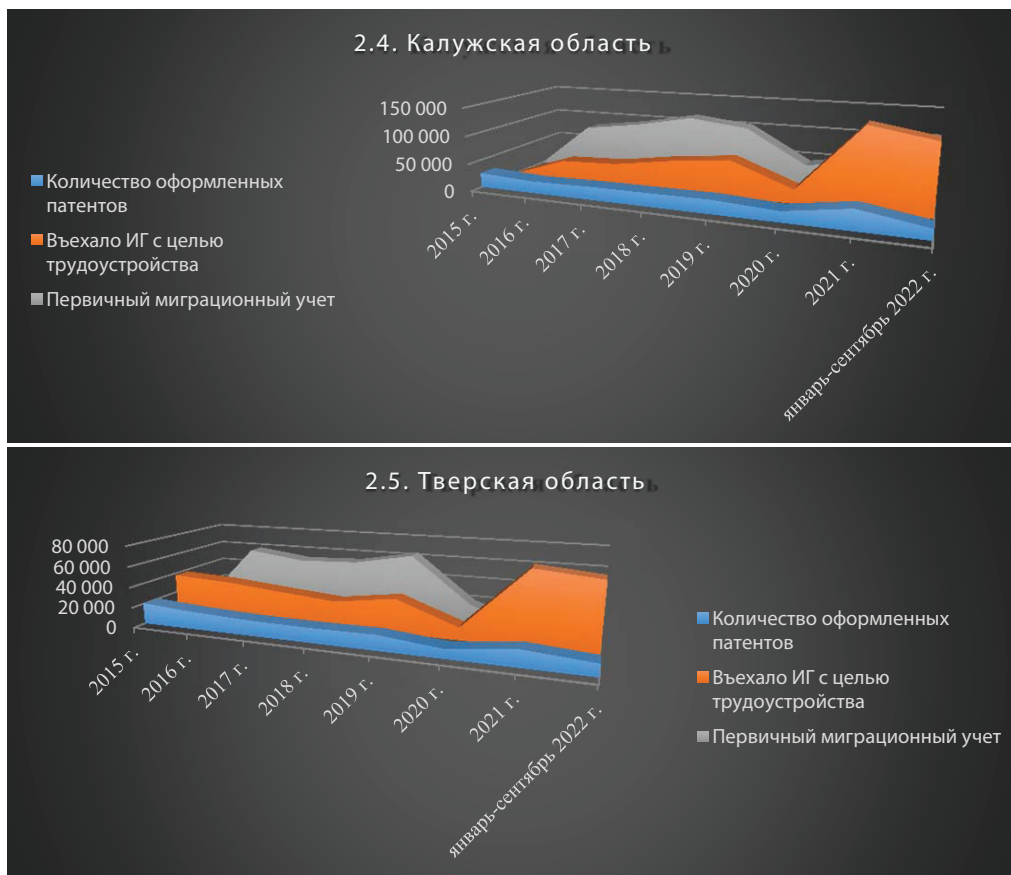
Запретительная практика в показателях международной миграции 2015–2021 гг. Выделим 3 ключевые показателя: первичный миграционный учет, демонстрирующий общий въезд в регион из других стран, число иностранных граждан, указавших цель въезда – трудоустройство, а также количество оформленных патентов на работу.

Статистика 2015 г. позволяет оперировать только последним показателем, поскольку переданные ФМС России в распоряжение МВД России архивы остальных сведений не содержат (цифру трудовых мигрантов на 2015 г. сообщило только УМВД России по Тверской области). Кроме того, из статистики с 2021 г. изъят показатель первичного миграционного учета (его предоставило только УМВД России по Калужской области).

Рисунки 2.1–2.3. Показатели международной миграции по ЦФО и регионам, 2015–2022 гг.

Источник: Составлено автором на основе опубликованных в открытом доступе данных МВД России.

Рисунки 2.4–2.5. Показатели международной миграции по ЦФО и регионам, 2015–2022 гг.

Источник: Составлено автором на основе опубликованных в открытом доступе данных МВД России.

Как видно на рисунках 2.1–2.5, международная миграция по ЦФО накануне COVID-19 росла по всем рассматриваемым показателям. При этом цель трудоустройства постепенно уступала иным мотивам. Её доля в первичном миграционном учёте сократилась по ЦФО с 57,8% в 2016 г. до 52% в 2019 г. Доля оформленных патентов в структуре трудовой миграции 2016–2019 гг. оставалась на уровне 30%.

Эти тенденции повторила Москва, за исключением абсолютного показателя оформленных патентов, который в 2019 г. составил 98% от 2015 г.

По Калужской области почти двукратное увеличение абсолютного показателя трудовой миграции сопровождал рост доли данной категории в первичном миграционном учёте с 43,3% в 2016 г. до 63,7% в 2019 г. Доля оформленных патентов в структуре трудовой миграции, напротив, снизилась – с 60,6% в 2016 г. до 37,2% в 2019 г.

В Воронежской области трудовая миграция за этот период сократилась наряду с показателем первичного миграционного учёта. При этом количество, оформленных патентов выросло и в абсолютном исчислении – 113% к 2015 г., и в долевом – с 42% в 2016 г. до 51% в 2019 г.

Тверская область на 2019 г. продемонстрировала снижение абсолютных и относительных показателей международной трудовой миграции. По сравнению с 2015 г. число иностранных граждан, въехавших в регион с целью трудоустройства, уменьшилось на 4 427 чел., а количество оформленных патентов на работу – на 6 113.

Международная миграция по ЦФО и регионам в 2020 г. относительно 2019 г. упала по первичному миграционному учету на 2/3, наименьший показатель – у Тверской области (30,2%), наибольший – у Калужской области (41,5%). По цели трудоустройства снижение составило немногим менее 2/3, наименьший показатель – у Тверской области (35,9%), наибольший – у Воронежской области (47,5%). По оформленным патентам показатели существенно различаются, наименьший показатель – у Воронежской области (41,6%), наибольший – у Калужской области (76,3%).

По ЦФО, включая г. Москву, Тверскую и Воронежскую области, доля трудовой миграции в первичном миграционном учёте за 2020 г. выросла. Также выросла доля оформленных патентов в структуре трудовой миграции по всем рассматриваемым регионам, кроме Воронежской области.

Показатели 2021–2022 г. отражают последствия миграционных амнистий, когда продление статуса временного пребывания в России не требовало от иностранцев покидать страну. Наслоение миграционных потоков даёт рост абсолютных показателей трудовой миграции в 1,5–2 раза и выше в 2021 г. относительно 2019 г. Показатели 2022 г. без учёта 4 квартала близки показателям за весь прошлый год. Создаётся статистический казус, который видно на примере Калужской области, где численность трудовых мигрантов в 2021 г. превышает численность иностранцев, вставших на первичный миграционный учёт.

Количество оформленных в 2021 г. патентов относительно 2019 г. значительно выросло по всем рассматриваемым регионам кроме Воронежской области (86,2%).

Подведём итог. Среди рассматриваемых субъектов Тверскую область отличает небольшое сокращение по контрольным точкам запретительной практики 2015–2019 гг. показателей международной трудовой миграции (на 11,6%) и оформленных патентов (на 29,6%). По Воронежской области процесс объясняется скорее общим снижением въезда из других стран – категория ИР-патент здесь, напротив, увеличилась. В период антиковидных ограничений динамика трудовой миграции в регионах-протекционистах уложилась в общую картину: снижение показателей в 2020 г. относительно 2019 г. и последующий взрывной рост. Выделяются показатели оформленных патентов за 2021 г.: умеренный рост по Тверской области (108,3% к 2019 г.) и снижение по Воронежской области (86,2%).

Запретительная практика в социально-экономических показателях, 2014–2019 гг. На 2022 г. Указы и Постановления субъектов РФ запрещают трудоустройство ИР-патент в общей сложности по 55-ти различным классам ОКВЭД. Более половины из них относятся к 3 группам экономической деятельности: С. Обрабатывающие производства (22% запретов); Н. Транспортировка и хранение (13% запретов); М. Деятельность профессиональная, научная, техническая (18% запретов).

Этой картине соответствуют действующие перечни КЭД рассматриваемых регионов ЦФО. По Тверской области на указанные группы экономической деятельности приходится 16 «запретных» классов из 33 (группы С, Н и М),

по Калужской области – 2 из 4 (группа Н), по Воронежской области единственный класс относится к группе М.

Перечисленные группы составляют костяк запретительной практики на всей дистанции ее применения с 2015 г. Для выявления потенциальной корреляции между введением запретов на привлечение ИР-патент и развитием подвергнутых ограничениям групп экономической деятельности, проследим динамику индексов валового регионального продукта (ВРП) в текущих основных ценах, среднегодовую численность занятого населения (СЧЗН) и производительность труда (ПТ).

В связи с заменой классификатора ОКВЭД ОК 029-2001 на ОКВЭД ОК 029-2014 в 2014–2016 гг. сопоставимая статистика по группе Обрабатывающие производства доступна за 2014–2019 гг., по группам Транспортировка и хранение и Деятельность профессиональная, научная, техническая – за 2016–2019 гг. Отразим динамику групп и представим данные как соотношение крайних на временных отрезках показателей.

Таблица 2

Показатели групп экономической деятельности, в %

Регион	Обрабатывающие производства. Отношение показателей 2019 г. к 2014 г.			Транспортировка и хранение. Отношение показателей 2019 г. к 2016 г.			Деятельность профессиональная, научная, техническая. Отношение показателей 2019 г. к 2016 г.		
	Валовый региональный продукт	Среднегодовая численность занятого населения	Производительность труда	Валовый региональный продукт	Среднегодовая численность занятого населения	Производительность труда	Валовый региональный продукт	Среднегодовая численность занятого населения	Производительность труда
ЦФО	186,4	104,8	178	136,7	106,7	118,4	117,8	90,2	130,5
г. Москва	210,2	140,1	150	138,1	116,6	118,4	117	76,2	153,4
Воронежская область	147,3	106,8	138,8	138,9	101,6	136,6	130	104,8	123,9
Калужская область	189,1	98,3	192,3	137,6	106,6	129	130	68,2	189,5
Тверская область	169,8	108,2	157	138	100,7	137	141,9	111,6	127,1

Источник: Данные Федеральной службы государственной статистики (Росстат).

Таблица 2 демонстрирует положительную динамику обрабатывающей промышленности ЦФО по всем показателям за период 2014–2019 гг., отражая рост валового регионального продукта за счет увеличения производительности труда. В той или иной вариации тенденцию повторяют все рассматриваемые регионы.

Если вклад в удвоение ВРП по г. Москве внесли оба показателя, то результат Калужской области при снижении среднегодовой численности занятого населения обеспечил темп роста производительности труда, опередивший окружной.

По Тверской и Воронежской областям увеличение среднегодовой численности занятого населения соответствует динамике ЦФО при более низких темпах роста производительности труда и, соответственно, – валового регионального продукта.

Аналогичная динамика ЦФО по группе Транспортировка и хранение за 2016–2019 гг. характеризуется сопоставимыми региональными значениями каждого из показателей. На общем фоне выделяется более высокий темп роста среднегодовой численности занятого населения по г. Москве и более высокие темпы роста производительности труда по Воронежской и Тверской областям.

Последнюю группу экономической деятельности ЦФО отличает снижение среднегодовой численности занятого населения за 2016–2019 гг. за исключением Воронежской и Тверской областей, что при умеренном росте производительности труда обеспечило субъектам ВРП выше окружного.

В итоге динамика показателей валового регионального продукта Тверской области по запретным для трудоустройства ИП-патент группам экономической деятельности совпадает с общей тенденцией к росту за счёт повышения производительности труда по ЦФО и рассматриваемым субъектам. То же верно для ВРП Воронежской, где действует запрет по группе Деятельность профессиональная, научная, техническая, класс Деятельность по трудоустройству и подбору персонала.

Запретительная практика и показатели преступности, 2014–2021 гг. В параграфе рассматриваются доковидные тенденции (отношение абсолютных показателей преступности 2019 г. к показателям 2014 г.), последствия антиковидных ограничений (отношение абсолютных показателей 2020 г. к показателям 2019 г.) и частичной отмены данных ограничений (отношение абсолютных показателей 2021 г. к показателям 2019 г.).

Исходя из данных таблицы 3, на отрезке 2014–2019 гг. количество зарегистрированных в ЦФО преступлений, в том числе по группам ИГ (иностранцы граждане) и ЛБГ (лица без гражданства) и граждан стран-членов СНГ, сократилось в абсолютном и долевым исчислении. При этом жертвами преступлений иностранцы становились все чаще – показатель 2019 г. составил 120% по отношению к показателю 2014 г.

Аналогичные тенденции отражают показатели преступности по г. Москве. В остальных регионах картина отличается.

В Воронежской области преступность снизилась символически. При этом среди граждан-стран СНГ в 2019 г. выявили больше преступников (110%), чем в 2014 г. Число преступлений, совершенных в отношении ИГ и ЛБГ, напротив, сократилось.

В Калужской области общее число зарегистрированных преступлений из года в год менялось скачкообразно, хотя показатель 2019 г. оказался в итоге ниже (93%) показателя 2014 г. Несколько снизилось (97%) только количество преступников среди ИГ и ЛБГ. Количество преступлений по этой группе последовательно росло на отрезке 2014–2018 гг., по группе граждан-стран СНГ – на отрезке 2014–2017 гг. Число преступлений, совершенных в отношении ИГ и ЛБГ, сократилось.

Таблица 3

Региональные показатели преступности, 2014-2021 гг., в %

Отношение показателей		Всего зарегистрировано преступлений	В отношении ИГ и ЛБГ	Выявлено среди ИГ и ЛБГ		Выявлено среди граждан СНГ	
				Преступников	Преступлений	Преступников	Преступлений
ЦФО	2019 г. к 2014 г.	88	120	72	71	75	73
	2020 г. к 2019 г.	101	99	102	100	102	100
	2021 г. к 2019 г.	99	102	110	106	99	94
г. Москва	2019 г. к 2014 г.	78	142	62	60	62	60
	2020 г. к 2019 г.	103	105	111	111	111	113
	2021 г. к 2019 г.	101	114	131	123	124	115
Воронежская область	2019 г. к 2014 г.	91	84	98	93	110	97
	2020 г. к 2019 г.	96	87	88	87	89	90
	2021 г. к 2019 г.	96	48	103	108	83	82
Калужская область	2019 г. к 2014 г.	93	77	97	111	102	123
	2020 г. к 2019 г.	110	79	106	103	109	104
	2021 г. к 2019 г.	102	89	129	123	121	108
Тверская область	2019 г. к 2014 г.	102	155	76	74	80	76
	2020 г. к 2019 г.	105	83	117	110	115	107
	2021 г. к 2019 г.	99	72	96	96	79	79

Источник: Опубликованные в открытом доступе данные Генеральной Прокуратуры РФ.

В Тверской области число зарегистрированных преступлений колебалось на уровне показателя 2014 г., а в 2019 г. превысило его (102%). При этом преступность по всем рассматриваемым группам с 2016 г. последовательно снижалась. Число зарегистрированных преступлений в отношении ИГ и ЛБГ на 2019 г. превысило показатель 2014 г. (155%).

В ковидные годы по ЦФО при незначительных изменениях общего числа зарегистрированных преступлений показатели по группе ИГ и ЛБГ выросли относительно 2019 г., тогда как показатели по группе граждан стран-членов СНГ сократились. В г. Москве и Калужской области последовательный рост относительно 2019 г. продемонстрировали все показатели преступности.

Обратная картина – в Воронежской области, где показатели преступности как общей, так и по группам иностранцев в 2020 г. относительно 2019 г. снизились. В 2021 г. по группе ИГ и ЛБГ наблюдался рост, тогда как по группе граждан стран-членов СНГ продолжилось снижение.

По Тверской области показатели преступности в 2020 г. относительно 2019 г. выросли и снизились в 2021 г.

Таким образом, преступность среди иностранных граждан на территории Тверской области до пандемии сокращалась при увеличении числа преступлений, совершенных против иностранцев, что соответствовало динамике по ЦФО. По Воронежской области показатели 2019 г. в целом оставались на уровне 2014 г. с тенденцией к снижению. При этом число преступников по группе граждан стран-членов СНГ на отрезке выросло.

Выводы. На основе вышеизложенного можно сделать следующие заключения. Запретительная практика в отношении найма ИР-патент по отдельным видам экономической деятельности на территории ЦФО представлена Тверской областью и ограничено – Воронежской областью. В статистическом отражении широкое внедрение таких мер до пандемии влекло сокращение показателей оформленных патентов при незначительном снижении международной трудовой миграции в целом. Это говорит об изменении долевого состава ИРС в пользу иностранных рабочих, которым не требуется получать патент. Единичный запрет, действующий на территории Воронежской области, в показателях не проявляется – число оформленных патентов за 2015–2019 гг. выросло, а международная трудовая миграция сокращалась на фоне общего снижения въезда из других стран. Показатели регионов-протекционистов периода антиковидных ограничений в целом согласуются с остальными рассматриваемыми субъектами ЦФО. По Тверской области в 2021–2022 г. фиксируется существенный рост трудовой миграции при умеренном росте оформленных патентов, что продолжает доковидную тенденцию: запретительная практика влияет на структуру ИРС, но не на её объём.

В призме социально-экономических индексов ЦФО корреляция с запретительной практикой не проявляется. До 2019 г. валовый региональный продукт по ограниченному для трудоустройства ИР-патент группам экономической деятельности рос за счёт повышения производительности труда как в регионах-протекционистах, так в других рассматриваемых регионах.

Картина преступности среди иностранных граждан указывает на частичную корреляцию с запретительной практикой. По Тверской области до пандемии параллельно со снижением категории ИР-патент в структуре международной трудовой миграции снижались показатели преступности среди граждан стран СНГ. По Воронежской области по обоим направлениям, напротив, возрастали, что также верно для Калужской области, привлекавшей ИРС. Вместе с тем, тверские показатели вполне согласуются с московскими – в столице преступность по категориям ИГ, ЛБГ и граждан стран СНГ уменьшалась на фоне роста абсолютных показателей трудовой миграции и ИР-патент.

В целом статистика отражает запретительную практику в отношении найма ИР-патент как «тонкую настройку», мало влияющую на социально-экономические индексы регионов-протекционистов ЦФО и слабо выделяющую их на фоне остальных регионов.

Выявление формальных, малоэффективных механизмов регулирования ИРС ставит вопрос о качестве управления миграционными процессами и ре-

шения оперативных государственных задач. В первую очередь – организованного восполнения трудовых ресурсов в регионах России с учетом печальной демографической картины, динамики внутренней миграции и эмиграции населения. Во-вторых, – совершенствования управленческого инструментария в связи как с предстоящей реформой миграционного законодательства РФ, так и с новым этапом применения миграционной дипломатии в отношении со странами-исхода ИРС, включая категорию ИР-патент. В-третьих, – прогнозирования международной трудовой миграции и формирования единой цифровой базы данных, что требует расширения спектра доступных для анализа индексов, позволяющих проследить процесс привлечения ИРС по дополнительным показателям: медицинским (прохождение медосвидетельствования), образовательным (прохождение экзамена по русскому языку, истории России и основам законодательства РФ), финансовым (показатели оплаты ежемесячного вмененного налога на патент).

Результаты настоящего исследования и предлагаемая методика могут быть использованы органами власти субъектов РФ для критического анализа итогов запретительной практики, уточнения её целей и задач, а также проработки мотивировочной части таких ограничений.

Библиографический список

1. *Шевцова Е. В.* Тенденции миграции населения и миграционной политики в Новосибирской области // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2017. № 20. С. 91–101. EDN [YLYMFX](#).
2. *Мищук С. Н.* Общая характеристика и региональные различия миграционных процессов на Дальнем Востоке России в постсоветский период // Известия РАН. Серия географическая. 2019. № 6. С. 53–67. DOI [10.31857/S2587-55662019653-67](#). EDN [FHFEGI](#).
3. *Большенко С. Ф., Горбунова В. Б., Кафидов В. В.* Миграция как фактор прямого влияния на конкурентоспособность трудового потенциала региона: оценка и методы государственного управления // Проблемы межрегиональных связей. 2021. № 16. С. 29–33. DOI [10.54792/24145734_2021_16_29_33](#). EDN [QUESPN](#).
4. *Якунина В. А., Крутиков В. К.* Региональный подход к трансформации миграционной политики // Вестник образовательного консорциума Среднерусский университет. Серия: Экономика и управление. 2022. № 19. С. 39–41. EDN [MBSFDH](#).
5. *Яник А. А., Попова С. М., Карпова С. Ф., Нестеров А. Ю.* Механизмы корректировки государственной миграционной политики с учетом потребностей региональных рынков труда: институционально-правовые аспекты // NB: Административное право и практика администрирования. 2022. № 3. С. 30–57. DOI [10.7256/2306-9945.2022.3.38474](#). EDN [GDCZCQ](#).
6. *Комаровский В. В.* Трудовая миграция – поиск новых организационно-правовых подходов // Запад–Восток–Россия 2021: ежегодник. Москва : ИМЭМО РАН, 2022. С. 65–71. EDN [EPRVLK](#).

Поступила в редакцию: 15.12.2022. Принята к печати: 25.01.2023.

Сведения об авторе:

Исповедников Дмитрий Юрьевич, кандидат исторических наук, председатель экспертного совета, Акционерное общество «Аксиома». Москва, Россия.

mitispo@gmail.com

Author ID РИНЦ: 982431

D. Yu. Ispovednikov¹

¹ Joint Stock Company «Аxiома».
Moscow, Russia.

ECONOMIC AND SOCIAL CONSEQUENCES OF THE BAN ON THE EMPLOYMENT OF FOREIGN WORKERS (EXAMPLE OF THE CENTRAL FEDERAL DISTRICT)

Abstract. The article for the first time examines the experience of regulating international migration by imposing bans on attracting foreign citizens who work on the basis of patents in certain types of economic activity. The study was conducted on the basis of a comparison of the socio-economic indicators of the regions of the Central Federal District that use this tool (Tver and Voronezh regions), never used it (Moscow) and recently joined the practice (Kaluga region). The statistic for 2014-2022, reflecting the dynamics of external migration flows, the state of internal labor resources and individual sectors of the economy, as well as the level of crime among migrants, is analyzed. Conclusions about the prohibitive practice as a practice, which has little effect on the studied indices of protectionist regions and weakly distinguishes them from the background of other regions, are drawn. The number of issued patents in the Tver region is declining with a slight decrease in international labor migration in general, which indicates a change in the proportion of the foreign labor force in favor of a category, that does not require a patent. The dynamics of the gross regional product indicators for the groups of economic activities forbidden for the employment of foreign citizens coincides with the general upward trend due to an increase in labor productivity in all the subjects under consideration. Crime among foreign citizens in the Tver region before the pandemic was declining with an increase in the number of crimes committed against foreigners, which corresponded to the dynamics in Moscow and in the district as a whole. It seems promising to confirm or refute the obtained conclusions based on the results of studying the indices of all protectionist regions of the Russian Federation, which will improve the methods of forecasting and managing migration processes. It is also noted the need to expand the range of available data by forming a single digital database that makes it possible to trace the process of attracting foreign citizens at control points: medical (passing a medical examination), educational (passing an exam in the Russian language, Russian history and the basics of Russian legislation), financial (payment indicators monthly imputed patent tax).

Keywords: external labor migration; job patent; regional labor markets; crime

For citation: Ispovednikov D. Yu. (2023) Economic and social consequences of the ban on the employment of foreign workers (example of the Central Federal District). *Science. Culture. Society*. Vol. 29. No. 1. P. 143–158. DOI 10.19181/nko.2023.29.1.11

References

1. Shevtsova E. V. Migration tendencies and policy in the Novosibirsk region. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Politologiya. Religiovedenie"* = *The Bulletin of Irkutsk State University. Series "Political Science and Religion Studies"*. 2017;(20):91–101 (in Russ.).
2. Mishchuk S. N. General characteristics and regional differences of migration processes in the Far East of Russia in the post-soviet period. *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya*. 2019;(6):53–67. DOI 10.31857/S2587-55662019653-67 (in Russ.).
3. Bolshenko S. F., Gorbunova V. B., Kafidov V. V. Migration as a factor of direct influence on the competitiveness of the labor potential of the region: assessment and methods of public administration. *Problemy mezhhregional'nykh svyazei*. 2021;(16):29–33. DOI 10.54792/24145734_2021_16_29_33 (in Russ.).
4. Yakunina V. A., Krutikov V. K. Regional approach to migration policy transformation. *Vestnik obrazovatel'nogo konsortsiума Srednerusskii universitet. Ekonomika i upravlenie*. 2022;(19):39-41 (in Russ.).

5. Yanik A. A., Popova S. M., Karpova S. F., Nesterov A. Yu. Migration policy adjustments to address the regional labor markets demands: institutional and legal aspects. *NB: Administrative Law and Administration Practice*. 2022;(3):30–57. DOI [10.7256/2306-9945.2022.3.38474](https://doi.org/10.7256/2306-9945.2022.3.38474) (in Russ.).
6. Komarovskiy V. V. Labor migration – search for new organizational and legal approaches. In: *West–East–Russia 2021. Yearbook*. Moscow: IMEMO RAS; 2022. P. 65–71.

Received: 15.12.2022. Accepted: 25.01.2023.

Information about the author:

Dmitry Yu. Ispovednikov, Candidate of historical sciences, chairman of the Expert council, Joint Stock Company «Axioma». Moscow, Russia.
mitispo@gmail.com

DOI 10.19181/nko.2023.29.1.12

EDN LLEWTY

УДК 314.04

Т. К. Ростовская¹, О. В. Кучмаева¹

¹ Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН.

Москва, Россия.

КРОССКУЛЬТУРНЫЕ БРАКИ КАК РЕЗЕРВ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Аннотация. С углублением процесса глобализации расширяются масштабы взаимодействия различных культур, их взаимопроникновение, смешение, что увеличивает возможности заключения кросскультурных браков. Кросскультурные браки между россиянами и иранцами служат одним из значимых элементов процесса сближения двух разных культур, а также способствуют развитию интереса и толерантного отношения россиян к культурным традициям востока. Целью данной работы выступает анализ отношения иранцев и россиян к кросскультурным бракам на фоне трансформации желаемой модели семьи, выявления факторов формирования кросскультурных браков. Выводы построены на результатах Международного социологического исследования «Российско-иранские браки в контексте межкультурных взаимодействий», проведенного в июне-сентябре 2021 г. в городах России и Ирана коллективом авторов. Объем выборки составил 153 человека, включая представителей различных поколений в возрасте от 18 до 60 лет. Результаты опроса позволили выявить представления о модели семьи и брака для жителей Ирана и России. Исследование определило основные мотивы заключения кросскультурного брака, взгляды респондентов на взаимоотношения в семье, а также отношение к официальному оформлению статуса супругов. Отдельный блок вопросов был направлен на изучение проблем и условий жизни супругов в кросскультурных браках, необходимости мер специальной поддержки. Рассмотрены отношение к кросскультурным бракам в обществе, как со стороны россиян, так и со стороны иранцев. Полученные результаты могут быть использованы при разработке стратегий развития социокультурного взаимодействия России и Ирана. Выводы исследования важно учитывать в рамках усилий, направленных на сглаживание возможных острых вопросов межнациональных отношений; оказания поддержки кросскультурным семьям в процессе адаптации и знакомства с нормами, традициями, обычаями новой для супруга/супруги культуры.

Ключевые слова: кросскультурные браки; институт семьи; российско-иранские браки; межкультурные взаимодействия; межнациональные браки; межэтнические взаимодействия; модель семьи

Для цитирования: Ростовская Т. К., Кучмаева О. В. Кросскультурные браки как резерв демографического развития России // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29, № 1. С. 159–172. DOI 10.19181/nko.2023.29.1.12. EDN LLEWTY

Введение. В условиях демографического кризиса современного российского общества важность оценки масштабов и социальных последствий кросскультурных браков не вызывает сомнений. Уникальная самобытность таких браков связана с их объединяющей ролью в реализации современной модели семейно-брачных отношений, которая способствует созданию семьи между представителями различных социокультурных слоев общества, имеющих свои особенности культуры и системы ценностей.

Следует отметить, что в открытом доступе официальные статистические данные, характеризующие межнациональные браки, отсутствуют (Росстат

специальных выборочных обследований, посвященных данной тематике, не проводит; по результатам переписей в открытом доступе публикуется довольно скудная информация). Скудость информационного поля актуализирует проведение специальных исследований.

Целью данной работы выступает анализ отношения иранцев и россиян к кросскультурным бракам на фоне трансформации желаемой модели семьи, выявления факторов формирования кросскультурных браков.

Подходы к анализу масштабов и детерминант кросскультурных браков. Многогранность института кросскультурного брака обуславливает множественность предмета исследования.

Вопросам определения феномена «смешанного», «межнационального» брака, как типа брака, в котором партнеры имеют разную национальность, культурное происхождение или религию посвящены работы С. Салливана и Р. Коттона [1].

Таким проблемам межнациональных браков, как языковые барьеры, культурные конфликты, воспитание детей, различия в верованиях, традициях, обычаях и ценностях посвящены работы Романо, Бхугра и Де Силва, Вуд и др. [2; 3; 4].

Успешность кросскультурных браков во многом зависит от первоначальных установок супругов. В частности, труд П. И. Бабочкина «Кросскультурные браки в полиэтнической среде» позволяет детально рассмотреть проблематику данного феномена с точки зрения трудностей и расхождений людей в дальнейшей совместной жизни. Также он говорит о том, «...что успех или неудача зависит от ориентации и взглядов людей, вступающих в брак. Следует также отметить открытость к межнациональным бракам, свойственную современному обществу» [5, с. 54–58].

Ростовская Т. К., анализируя проведенное в 2015 году авторское вузовское исследование «Кросскультурные браки в современном российском обществе глазами молодежи», обращает внимание на ключевой мотив создания кросскультурных браков: «...более 90% от всех респондентов – 153 человека ответили, что доминирующим фактором в предбрачных отношениях является любовь – самое глубокое эмоциональное влечение, сильное сердечное чувство. Для многих важной причиной также являются семейные традиции и как итог отношений – необходимость заключения брака» [6, с. 19–23].

В результате заключения кросскультурных браков растет открытость взглядов и происходит признание допустимости различий во взглядах партнеров, что стабилизирует брак [7]. Более того, в процессе транскультурации в условиях межнационального брака разные культуры влияют друг на друга, что приводит к изменению культур и возникновению новой, на основе которой и строится жизнь семьи [8]. Тем самым межнациональный брак выступает механизмом взаимодействия между этническими группами, что означает, что эти группы принимают друг друга как равные в обществе [9].

Изучая детерминанты принятия кросскультурного брака, учёные делают вывод о том, что процесс зависит от многих факторов, таких как возраст, пол, экономический статус, образование и т. д. Например, исследования в Швеции показывают, что молодое население более позитивно относится к межкультурным и межнациональным отношениям, чем старшее население, и такие браки чаще встречаются среди представителей молодого поколения. Более того, хотя ряд исследований показывают, отсутствие связи между полом и отношением к межкультурным бракам [10], анализ отдельных работ позволяет говорить, что

мужчины более склонны к межкультурным отношениям в контексте личных отношений [11]. Это подтверждается исследованием Р. Торгрена, в ходе которого выявилось, что мужчины более позитивно относятся к межкультурному браку [9]. Женщины более серьёзно относятся к процессу принятия решения о браке, чем мужчины [12]. Женщины в процессе выбора мужа учитывают доходность будущего супруга, расу и интеллект, тогда как мужчины в основном сосредотачиваются на физической привлекательности [13]. Это означает, что женщины предпочитают выходить замуж за человека с таким же происхождением как у них и предполагаемым достаточно высоким социально-экономическим статусом.

Распространению кросскультурных браков способствует миграция. Одним из важнейших факторов, влияющих на отношение к иммигрантам, является религия. Так, в шведских СМИ образ мусульманского иммигранта-мужчины связан с преступностью, проблемами и другими традициями [14]. И они чаще всего воспринимаются как угроза женщинам, ценностям и нормам [15]. Религиозные различия и стереотипы сильно влияют на отношение женщин к межкультурным бракам. Ещё один важный фактор, влияющий на отношение к межнациональному браку, – это уровень образования, который имеет положительную корреляцию с отношением к межкультурному браку [16]. Люди с высшим образованием чаще одобряют межкультурный брак, а процент межкультурных браков выше среди людей с более высоким уровнем образования [17].

Рассматривая брачную миграцию как «...перемещение людей через границу с целью заключения брака с иностранным гражданином», российские учёные обращают внимание на проблемный аспект женской брачной эмиграции из России, который рассматривается в контексте потерь демографического потенциала страны [18, с. 85–99].

В исследованиях, проведённых в разных странах, проблеме брачной эмиграции уже достаточно давно уделяется большое внимание. В частности, активно обсуждаются вопросы переезда женщин с целью замужества из менее развитых стран в более развитые [19], рассматриваются проблемы определения правового статуса женщин и детей, рождённых в интернациональном браке, изучаются аспекты регулирования брачной эмиграции через «визу невесты» [20], а также проблемы вовлечения женщин через брачный канал в систему международного траффинга (European Commission, OECD, IOM, OHCHR).

Особого внимания заслуживает самоопределение ребенка в кросскультурной семье с православно-мусульманской культурно-религиозной моделью брачно-семейных отношений. Ростовская Т. К., Сулейманов А. отмечают, что данная проблема «...не стоит остро в русско-турецкой семье, так как взаимоотношения ребенка и родителей строятся на паритетных началах на основе кросскультурного взаимодействия и коммуникации. Основу данных взаимоотношений ребенка и родителей составляет доверительные отношения между супругами, где присутствуют любовь, взаимопонимание и взаимоуважение всех членов семьи». Таким образом, жизнеспособность православно-мусульманской культурно-религиозной модели брачно-семейных отношений зависит напрямую от мотива создания данного вида кросскультурной семьи [21, с. 110–117].

Рассматривая жизнеспособность межнациональных браков в Японии, которые составляют около 3% от общего числа регистрируемых браков, авторы отмечают значимую роль брачно-семейных отношений между японскими мужчинами и русскими девушками, «...которые способны обеспечить не только тесное взаимодействие между представителями различных культур, этносов и религий,

но и формировать управленческо-организационные процессы, направленные на улучшение отношений между странами и этносами» [22, с. 78–83].

Вопросы кросскультурной толерантности и интолерантности, взаимоотношения между двумя разным культурным традициям, – российской и иранской – являются также предметом исследований многих учёных [23]. Исследования показывают, что иранцы проявляют гибкость с точки зрения принятия культуры страны, в которой они живут. Например, результаты исследования, проведенного Джалали в 2005 году, свидетельствуют, что иранцы сохраняют и представляют свои персидские ценности и поведение, и также они принимают западную культуру страны, в которой они живут [24]. Опрос иранцев, проживающих в Соединенных Штатах Америки, продемонстрировал, что они воспитывают своих детей на основе иранских традиций и культур, но в то же время осознают важность интеграции своих детей в общество США, более того, они открыты для брака их детей с людьми другой национальности [25]. Межкультурные браки между ирано-американскими женщинами, состоящими в браке с европейско-американскими мужчинами, показывают, что успешность брака является результатом схожих ценностей и убеждений, уважения и понимания, которые совместимы с индивидуальными характеристиками в убеждениях, ценностях, общении, принятии различий, что укрепляет взаимопонимание в браке [26].

Создавая кросскультурный брак, люди сталкиваются и с законодательными коллизиями и трудностями его официального оформления. Вопросам правового положения супруги-иностранки в Иране посвящена статья И. И. Салихова и Э. Н. Малмира [27]. Раджаби Захра Хоссейна в статье «Брак и семья в правовой системе Исламской Республики Иран» рассматривает нормы и принципы мусульманского права, коллизии в семейном законодательстве. Показано, как закреплённые в законе постулаты мусульманского права влияют на все сферы жизни иранского общества. Анализируются различные сферы жизнедеятельности иранцев: культурно-досуговые практики, нормы одежды, поведения и основы социального взаимодействия [28]. Проведенный в работах анализ доказывает сложность принятия межнациональных браков и с точки зрения отдельной личности, и с позиции государства и общества.

Одна из основных дискуссий в иранском законе о кросскультурном браке – это гражданство и национальность, налагаемые на супругов-иностранцев обязательства – могут ли они сохранить своё предыдущее гражданство и религию, или они обязаны изменить своё гражданство, что в значительной степени связано с законами и правилами как в странах регистрации брака, так и в стране происхождения супругов. Некоторые считают, что для сохранения единства в семье и избежания проблем, связанных с привилегиями гражданства, пара должна иметь одно гражданство; и для достижения этого единства они обычно предписывают принятие женщиной гражданства страны мужа [29]. Однако, с другой точки зрения, считается, что мужчины и женщины должны иметь возможность сохранять своё фактическое гражданство и могут изменить его в соответствии с собственным желанием [29]. Следовательно, не должно быть никаких официальных ограничений и влияния национальности на процесс заключения межкультурного брака.

Источники и методы. В статье представлен анализ авторского международного социологического исследования «Российско-иранские браки в контексте межкультурных взаимодействий», проведённого в 2021 г. Объектом исследования выступили представители различных возрастных групп, городские жители

России и Ирана в возрасте от 18 до 60 лет, состоящие в кросскультурных браках; имеющие в своём окружении семьи, основанные на кросскультурном браке или находящиеся в межэтнической, межконфессиональной среде (в силу образовательной или профессиональной деятельности).

Методология исследовательского проекта основана на проведении количественного (социологического) исследования в регионах России и Ирана. Опрос носил пилотажный характер – его задачами выступали апробация инструментария и программы исследования; определение оптимальных путей формирования выборочной совокупности; необходимость выделения типологических групп респондентов. Сбор информации для объективной оценки характеристики браков между иранцами и россиянами весьма затруднителен в силу неясности масштабов и локализации самой генеральной совокупности. Латентность многих проблем в межэтнических и межконфессиональных браках, противоречивость взглядов и оценок определили сложности при формировании инструментария обследования.

Тем не менее, проведённое на локальной совокупности исследование позволило сделать определённые выводы.

В ходе исследования было опрошено 153 человека, в том числе 105 иранцев и 48 россиян. Незначительная совокупность опрошенных на территории России не позволяет корректно использовать, в том числе для сравнительного анализа, частотные распределения. Однако в ряде случаев авторы сочли возможным приводить данные о численности лиц, выбравших тот или иной вариант ответа.

Среди иранских респондентов 61,0% женщин и 39,0% мужчин, для российских – характерен значительный перевес женщин, 44 человека из 48. Средний возраст респондентов составил в Иране 23,9 года, в России – 34,1 года. Это статистически значимая разница, которая безусловно, в ряде случаев сыграла свою роль в различиях в ответах.

Для респондентов характерен высокий уровень образования – среди иранских респондентов 91,4% имеют высшее образование, 8,6% – послевузовское. 39 россиян из 48 имеют высшее образование. Значительная часть иранских респондентов продолжает обучение, либо трудится в сфере образования (42,9%). Среди российских респондентов большая часть так же трудится в сфере образования (19 человек) или государственном управлении (10 человек).

Среди респондентов из Ирана большая часть никогда не состояла в браке (94,2%) и лишь около 5% (4,8%) состоят в браке. Подавляющее большинство иранцев проживает в полных семьях (95,0%). Среди россиян 20 человек состоят в браке, 14 – никогда в браке не состояли; встречаются также лица, состоящие в незарегистрированном браке (4) и разведённые (5). Среди россиян чаще встречаются неполные семьи, из 48 респондентов 9 человек проживают в составе неполных семей.

Среди иранских респондентов лишь четвертая часть (23,8%) относит себя к верующим людям (приверженцы ислама), 30,5% – нет, остальные затруднились с ответом. Среди россиян так же встречаются люди, по-разному относящиеся к религии: 30 человек считают себя верующими, в том числе 23 – сторонники православия.

Тем самым нетрудно заметить, что совокупность респондентов представляет взгляды городских жителей Ирана и России с высоким уровнем образования (причём более чем у половины респондентов родители так же имеют высшее образование), в значительной степени толерантно относящихся к религии, довольно молодых возрастов.

Модель семьи и брака. Отношение к кросскультурным бракам целесообразно рассмотреть на фоне представлений о моделях семьи и брака, оценок места семьи в системе ценностей, проблем жизнедеятельности семей и особенностей их функционирования по мнению респондентов в странах, где проводилось исследование. Это позволяет определить характер и причины отношения к межэтническим бракам.

Наибольшее значение среди мотивов, которые «очень важны» при заключении брака, имеют, по мнению респондентов из обеих стран, любовь, психологическая и душевная близость, желание состоять в браке, жить спокойной семейной жизнью. Это, прежде всего, психологические мотивы. В целом можно сказать, что данные мотивы очень важны как для межнационального, так и для любого другого брака. Материальные, социальные мотивы следуют с большим отрывом. Вступление в брак не является критерием социальной зрелости для значительной части респондентов (мотив заключения брака «желание достичь самостоятельности» оценивается в 3 балла жителями Ирана и в 2,57 балла россиянами). Сексуальное влечение имеет большую роль для российских респондентов (3,5 балла). Вступление в брак для значительной части респондентов не связано с рождением детей (что является мировой демографической тенденцией). Не рассматривается вступление в брак и как своеобразный социальный лифт, мотив «желание переехать в другую страну» занимает последнее место в перечне оцениваемых мотивов.

Важный аспект, характеризующий формирование стратегии по отношению к кросскультурным бракам – представление о желаемой модели семьи. Отвечая на вопрос, с какими взглядами на семью Вы согласны, наиболее высокие баллы респонденты из России и Ирана присудили таким утверждениям, «семья – это, прежде всего, большой труд и терпение в отношении друг друга», «брак должен быть обязательно зарегистрирован, иначе это не настоящая семья» (см. табл. 1).

Наблюдаются определённые расхождения в мнениях респондентов из исследуемых стран. Россияне гораздо реже иранцев полагают, что «одиноким человек не может быть счастлив, смысл жизни в семье», а так же отмечают необходимость заключения брачного контракта. Среди россиян реже встречаются сторонники традиционного распределения ролей в семье, они ниже, чем иранские респонденты оценивают значимость таких характеристик семьи, как «забота о детях является прежде всего обязанностью женщины», «важно соблюдение религиозных правил, обрядов, норм», «девушка должна сохранять девственность до свадьбы», «семья без детей – это не семья», «хорошая жена всегда покорна своему мужу».

Официальное оформление семейных отношений очень важно в иранском обществе, где в культурном и религиозном плане брак без регистрации и рождение ребенка вне брака неприемлемы. Вместе с тем необходимо отметить, что невзирая на традиционность взглядов, среди иранских респондентов встречаются те, кто полагает, что «в наше время развод – это нормально, ничего страшного», «сохранять семью с нелюбимым человеком не стоит, даже ради детей», «мужчина должен заниматься бытовыми вопросами и воспитанием детей наравне с женщиной», «чтобы завести и воспитать ребенка, не обязательно вступать в брак». Видимо, и среди иранцев присутствуют сторонники различных взглядов на семью и семейные отношения. В целом, официальное закрепление семейных отношений теряет свою значимость для части респондентов в обеих странах. На первый план выходят рациональность и удобство, индивидуализация собственных желаний.

Таблица 1

Значимость характеристик модели семьи

(Вопрос: «С какими взглядами на семью Вы согласны?», средний балл по 5-балльной шкале)

Варианты ответов	Иран	Россия
Семья – это, прежде всего, большой труд и терпение в отношении друг друга	3,89	4,43
Брак должен быть обязательно зарегистрирован, иначе это не настоящая семья	3,68	3,14
Одинокий человек не может быть счастлив, смысл жизни в семье	3,68	2,18
При заключении брака надо оформлять брачный контракт	3,62	2,47
В наше время развод – это нормально, ничего страшного	3,62	3,56
Забота о детях является прежде всего обязанностью женщин	3,58	1,89
Для того, чтобы быть счастливым, необязательно создавать семью	3,58	3,12
Чтобы завести и воспитать ребенка, не обязательно вступать в брак	3,51	2,80
Девушка должна сохранять девственность до свадьбы	3,50	2,36
Мужчина должен заниматься бытовыми вопросами и воспитанием детей наравне с женщиной	3,47	3,78
Семья без детей – это не семья	3,43	2,23
Хорошая жена всегда покорна своему мужу	3,42	1,53
Сохранять семью с нелюбимым человеком не стоит, даже ради детей	3,30	3,63
Важно соблюдение религиозных правил, обрядов, норм	3,29	2,25
Регистрировать брак не обязательно	3,15	2,25

Важный аспект матримониального поведения, оказывающий влияние на формирование семьи и реализацию её репродуктивной функции – возраст вступления в брак. Большая часть иранских респондентов полагает, что в брак следует вступать в возрасте 26–30 лет – 61,5%. Ещё 32,7% считают, что вступление в брак стоит отложить до возраста старше 30 лет. Среди иранцев мало сторонников как раннего вступления в брак (ранее 25 лет) – 4,8%, так и полагающих, что возраст вступления в брак не играет роли (1,0%).

Мнения россиян в значительной степени отличаются. Вариативность ответов более значительна. Хотя так же лидирует мнение о желательности вступления в брак в возрасте 25–30 лет (16 человек), однако на 2 месте по распространённости мнение «возраст вступления в брак не играет роли» (11 человек). Достаточно и сторонников более раннего вступления в брак, ранее 25 лет – 8 человек.

Вместе с тем, отвечая на вопрос: «Как Вы полагаете, какие браки наиболее прочные?», респонденты из России и Ирана достаточно часто отмечали вариант «заключённые по любви» (31,4% иранцев и 15 россиян). Россияне чаще иранцев склонялись к ответу, что наиболее прочные браки – «заключённые в более взрослом возрасте (после 25 лет)» – 16 человек. Второй по популярности ответ среди иранских респондентов – «на основе крепкой хорошей

дружбы между юношей и девушкой», 22,9%. Среди иранских респондентов гораздо чаще встречаются те, кто полагает, что условием прочности брака выступает вступление в них «по расчёту» (21,9% и 2 человека среди россиян).

Однако при ответе на вопрос: «Что для Вас является показателем успешного брака?» наблюдается гораздо большая вариативность ответов иранцев, по сравнению с россиянами. Практически все российские респонденты ответили, что это прежде всего «тёплые взаимные отношения между супругами» – 42 респондента из 48. Ответы иранских респондентов распределились следующим образом: 46,7% так же выбрали как основной фактор «тёплые взаимные отношения между супругами»; материальную обеспеченность семьи, как индикатор успешного брака выбирают 30,5% опрошенных. Это может свидетельствовать о важности для респондентов материального фактора; при принятии решения о женитьбе ведущую роль играют именно чувства и тёплые отношения партнеров, но с учетом финансовых возможностей партнеров. На третьем месте – «брак, соответствующий принятым в обществе нормам, традициям» (18,1% иранских респондентов). Наличие детей в семье и характер отношений поколений, братьев и сестёр не играет роли в контексте успешности брака.

Для характеристики модели семьи немаловажную роль играет оценка отношений поколений. В ходе исследования выяснилось, какую роль родители супругов играют в жизни их семьи. Молодые семьи иранцев во многом опираются на помощь родительской семьи. Наиболее популярными вариантами ответа, характеризующими значение и роль родителей в новой семье, оказались: «покупают вещи» (67,4%), «оказывают денежную помощь» (58,4%), «помогают в воспитании детей» (47,2 %), «ухаживают во время болезни» (35%) и «оплачивают жильё» (29%). Видно, что родители оказывают преимущественно материальную помощь детям. Во многих случаях для иранских пар, состоящих в браке, родители мужа и жены предоставляют квартиру или дом для своих детей. Возможно, такая структура ответов определяется молодым возрастом респондентов.

Ответы россиян значительно отличаются. Наиболее часто родители: дают мудрые советы (21 человек), помогают в воспитании детей (13 человек), ухаживают во время болезни (8 человек), помогают по хозяйству (6 человек). Видно, что родители оказывают преимущественно нематериальную помощь детям. Количество семей, имеющих материальную помощь от родителей, крайне мало: родители оказывают денежную помощь (2%), родители покупают вещи (11%), родители оплачивают жильё (4%). Часть россиян сами оказывают материальную своим родителям (13 человек).

Необходимо уточнение результатов на более представительной выборке для выяснения причин таких различий: возраст респондентов, культурные традиции, различия в уровне жизни.

Рождение и воспитание детей. Важным аспектом, характеризующим функционирование института семьи, выступает реализация её репродуктивной функции. В условиях низкой рождаемости и глобальных тенденций её снижения, оценка репродуктивного потенциала семей весьма актуальна. В ходе исследования респондентам был задан вопрос о желаемом числе детей, что в определённой степени позволяет выяснить репродуктивную стратегию респондентов.

На вопрос, сколько детей респонденты хотели бы иметь, если бы у них были все необходимые условия, респонденты из Ирана отметили 2 ребенка (57%),

3 ребенка (20%) и 6% сказали о своём желании не иметь детей. Среднее число детей для респондентов из Ирана составило 2,03 ребенка, для россиян – 2,29 ребенка. Среди россиян так же присутствуют лица, не желающие (на момент опроса) иметь детей (1 человек), большая часть хотела бы иметь 2-3 детей (33 человека). Россияне и иранцы близки по показателям, характеризующим их репродуктивные установки.

Таблица 2

Распределение иранских респондентов по показателю желаемого числа детей
(% к числу ответивших)

Варианты ответа	Доля, %
0	5.7
1 ребенок	13.3
2 ребенка	57.1
3 ребенка	20.0
4 ребенка	1.9
5 и более	1.0
трудно сказать	1.0
<i>Итого</i>	<i>100.0</i>

Респондентам также был задан вопрос: «Если бы Вы хотели иметь более 3-х детей, то почему?». На данный вопрос отвечали респонденты, желаемое число у которых составило 3 и более детей (26 иранцев и 19 россиян). В лидерах вариант ответа: «люблю, когда в доме много детей» (19 иранцев и 12 россиян). Гораздо менее популярен ответ «много детей будут поддерживать в старости» (6 и 4 человека соответственно). Практически никто не указывает на значимость традиций «иметь много детей – традиция в нашем обществе (социальной группе)». Не нашли сторонников варианты ответа «иметь много детей предписано по религии», «совет мужа и родственников».

Можно обоснованно предположить, что на показатель желаемого числа детей влияет то, сколько было детей в семьях респондентов. Исследование показало, что большинство иранских респондентов (82%) росли в семьях, где было 2 ребенка и больше. Родительские семьи российских респондентов были более малодетны, среди них меньше семей с 3-мя детьми и чаще встречаются однодетные семьи (13 человек из 48 дали такой ответ). Снижение рождаемости в иранских городских семьях, среди лиц с высоким уровнем образования, происходило более интенсивно, чем в российских.

Важным аспектом жизнедеятельности кросскультурной семьи выступает выстраивание стратегии воспитания детей с учетом мозаичной культурной и конфессиональной среды, обусловленной мировоззрением, вероисповеданием, культурой их родителей, принадлежащих к различным этносам. Для выявления взглядов на перспективы воспитания детей респондентам, состоящим в кросскультурных браках, были заданы вопросы о том, какое вероисповедание планируют пары прививать своим детям, и изучают ли дети в их семье языки обоих родителей.

В ходе опроса пар, состоящих в кросскультурных браках, выявлено, что в целом, в контексте воспитательной стратегии детей острых противоречий во

мнениях родителей не отмечается. Из 4 респондентов из Ирана 3 дали ответ «религия не играет значительной роли в воспитании детей в нашей семье». Такого же мнения придерживаются 4 из 9 российских респондентов. Остальные ответили, что «у нас с супругом(ой) одно вероисповедание».

Рассуждая о том, будут ли респонденты, состоящие в кросскультурных браках, обучать своих детей языкам обоих родителей, большинство опрошенных из России (6 человек) отметили, что их дети изучают языки обоих родителей, 1 человек дал ответ, что «дети изучают только язык той страны, где они проживают» и 1 – что супруги «планируют в будущем научить детей второму языку». 3 иранских респондента выбрали ответ «планируем в будущем научить детей второму языку» (видимо, дети ещё маленькие, как можно предположить, исходя из возраста респондентов).

Можно предположить, что большая часть родителей в кросскультурных семьях с уважением относится к языку супруга(и) как элементу культуры и предпочитают, чтобы дети в их семьях росли билингвами. В то же время такой подход в воспитании обеспечивает детям, рождённым в кросскультурных браках, определённые преимущества в обществе, образовании и будущей профессии.

Заключение. Проведенное пилотажное исследование, несмотря на незначительную выборку, позволило сделать определённые выводы, касающиеся как методики проведения исследования, так и его содержательных результатов.

Исследование показало значительную дифференциацию ответов и иранских, и российских респондентов, свидетельствующую о многообразии стратегий в сфере формирования семьи. Среди респондентов двух стран можно найти как сторонников традиционной модели семейных отношений, так и современной модели семьи. Официальное закрепление семейных отношений теряет свою значимость для части респондентов в обеих странах. Большее значение приобретают рациональность и удобство, индивидуализация собственных желаний.

В контексте реализуемых в семьях, основанных на кросскультурных браках, воспитательных стратегий, выяснилось, что острых противоречий во мнениях родителей не отмечается, им удастся добиться единства в подходах к воспитанию детей.

Мнения по поводу необходимости реализации специальной политики, мер поддержки, в том числе информационной, в отношении кросскультурных браков разделились, что требует дополнительного исследования.

Полученные результаты будут полезны при формировании стратегии семейной политики и поддержки кросс-культурных браков, включая юридическую и информационную поддержку, не только в России и Иране, но и в других странах, отличающихся культурным многообразием. Среди субъектов такой политики важнейшим выступают учреждения профессионального образования.

Библиографический список

1. *Sullivan C., Cottone R.* Culturally based couple therapy and intercultural relationships: a review of the literature // *The Family Journal*. 2006. Vol. 14, № 3. P. 221–225. DOI [10.1177/1066480706287278](https://doi.org/10.1177/1066480706287278). EDN [JQEGEZ](https://www.edn.ru/JQEGEZ).
2. *Romano D.* Intercultural marriage: promises and pitfalls. Yarmouth : Intercultural Press, 2008. 228 p. ISBN 978-1931930529.
3. *Bhugra D., De Silva P.* Couple therapy across cultures // *Sexual and Relationship Therapy*. 2000. Vol. 15, № 2. P. 183–192. DOI [10.1080/14681990050010763](https://doi.org/10.1080/14681990050010763).

4. Woods D. R. Review of Love's revolution: interracial marriage. Maria P. Root // *The Journal of Sociology & Social Welfare*. 2002. Vol. 29, Issue 4, Article 10. URL: <https://scholarworks.wmich.edu/jssw/vol29/iss4/10> (accessed: 27.12.2022).
5. Бабочкин П. И. Кросскультурные браки в полиэтнической среде // Управление мегаполисом. 2008. № 3. С. 54–58. EDN KYPHWL.
6. Ростовская Т. К., Егорычев А. А. Современные российские реалии и молодёжь: проблемы и перспективы развития // Культурное пространство молодежи: смыслы и практики: матер. Всерос. науч.-практ. конф. / Под общ. ред. Т. К. Ростовской. Москва-Ялта: ИД «Перспектива», 2019. С. 19–23. EDN FWCSGP.
7. Seward M. Identity negotiations and third culture building in intercultural marriages (Doctoral dissertation, Southern Illinois University at Carbondale, Illinois, 2008) // *Dissertation Abstracts International*. 2008. Vol. 69(8). Available from ProQuest Dissertation and Thesis Database (UMI No. 3320302).
8. Lull J. Media, communication, culture: A global approach. New York: Columbia University Press, 2000. 320 p. ISBN 978-0-745-62191-3.
9. Törngren S. O. Attitudes toward interracial marriages and the role of interracial contacts in Sweden // *Ethnicities*. 2016. Vol. 16, № 4. P. 568–588. DOI [10.1177/1468796816638400](https://doi.org/10.1177/1468796816638400).
10. Johnson B. R., Jacobson C. K. Contact in context: An examination of social settings on Whites' attitudes toward interracial marriage // *Social Psychology Quarterly*. 2005. Vol. 68, № 4. P. 387–399. DOI [10.1177/019027250506800406](https://doi.org/10.1177/019027250506800406).
11. Gardyn R. The mating game // *American Demographics*. 2002. Vol. 24, № 7. P. 33–37.
12. Hirschl T. A., Altobelli J., Rank M. R. Does marriage increase the odds of affluence? Exploring the life course probabilities // *Journal of Marriage and the Family*. 2003. Vol. 65, № 4. P. 927–938. DOI [10.1111/j.1741-3737.2003.00927.x](https://doi.org/10.1111/j.1741-3737.2003.00927.x). EDN GXTMLD.
13. Fisman R. J., Iyengar S. S., Kamenica E. *et al.* Gender differences in mate selection: Evidence from a speed dating experiment // *Quarterly Journal of Economics*. 2006. Vol. 121, № 2. P. 673–697. DOI [10.1162/qjec.2006.121.2.673](https://doi.org/10.1162/qjec.2006.121.2.673).
14. Brune Y. Gothenburg studies in journalism and mass communication: tre studier i journalistik om "invandrare", flyktingar och rasistiskt vald. Goteborg: Goteborgs univ., 2004. 396 p. ISBN 91-88212-18-1. EDN QSVXXN.
15. Khosravi S. Displaced masculinity: Gender and ethnicity among Iranian men in Sweden // *Iranian Studies*. 2009. Vol. 42, № 4. P. 591–609. DOI [10.1080/00210860903106311](https://doi.org/10.1080/00210860903106311).
16. Wilson D. S., Jacobson C. K. White attitudes towards Black and White interracial marriage // Jacobson C. K. (ed.) *American families: issues in race and ethnicity*. New York, London: Garland Publ., 1995. P. 353–367. ISBN 978-0815319597.
17. Kalmijn M. Trends in Black/White intermarriage // *Social Forces*. 1993. Vol. 72, № 1. P. 119–146. DOI [10.1093/sf/72.1.119](https://doi.org/10.1093/sf/72.1.119). EDN BPDHRL.
18. Рязанцев С. В., Сиволясова С. Ю., Ростовская Т. К. [и др.]. Брачная эмиграция женщин из России: масштабы, причины, особенности // *Женщина в российском обществе*. 2018. № 4. С. 85–99. DOI [10.21064/WinRS.2018.4.8](https://doi.org/10.21064/WinRS.2018.4.8). EDN VORDFH.
19. Charsley K., Bolognani M., Spencer S. *et al.* *Marriage Migration and Integration*. Cham: Palgrave Macmillan, 2020. 342 p. ISBN 978-3030402518.
20. Karam T. Chart: What to expect when sponsoring a fiancé or spouse for a green card // *Nolo*. 2016. URL: <https://www.nolo.com/legal-encyclopedia/green-card-sponsoring-fiance-spouse-29026.html> (accessed: 27.12.2022).
21. Ростовская Т. К., Сулейманов А. Д. Жизнеспособность кросскультурных браков в России и Азербайджане // *Вестник ВЭГУ*. 2017. № 2(88). С. 110–117. EDN YKSGUB.
22. Ростовская Т. К., Лукьянец А. С., Рязанцев Н. С. Особенности и тенденции кросскультурных браков в Японии // *Alma mater (Вестник высшей школы)*. 2020. № 11. С. 78–83. DOI [10.20339/AM.11-20.078](https://doi.org/10.20339/AM.11-20.078). EDN DJYFUI.
23. Нури Тайебех. Кросскультурное исследование особенности толерантности у жителей России и Ирана // *Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование*. 2010. № 17. С. 285–293. EDN NDSRKD.
24. Jalali B. Iranian families // *Ethnicity and family therapy* / Ed. by M. McGoldrick, J. Giordano, N. Garcia-Preto. New York: Guilford Press, 2005. P. 451–467. ISBN 978-1593850203.
25. Chaichian M. A. First generation Iranian immigrants and the question of cultural identity: the case of Iowa // *International Migration Review*. 1997. Vol. 31, № 3. P. 612–627. DOI [10.1177/01979183970310](https://doi.org/10.1177/01979183970310). EDN HIDRCR.

26. *Ruebelt S. G., Singaravelu H., Daneshpour M. [et al.]*. Exploration of cross-cultural couples' marital adjustment: Iranian American women married to European American men // *Current Psychology*. 2015. №3. P. 437–449. DOI [10.1007/s12144-015-9312-3](https://doi.org/10.1007/s12144-015-9312-3).
27. *Салихов И. И., Малмир Э. Н.* Правовое положение супруги по законодательству Российской Федерации и исламской Республики Иран // *Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2017. Т. 159, № 2. С. 426–438. EDN [ZHBVJTN](#).
28. *Хоссейна Р.З.* Брак и семья в правовой системе Исламской Республики Иран // *Известия Сочинского государственного университета*. 2014. № 4-2. С. 186–189. EDN [TG-FAKJ](#).
29. *Nasiri M.* Private International Law. Tehran : Agah Publ., 2004. 114 p.

Поступила в редакцию: 08.11.2022. Принята к печати: 01.12.2022.

Сведения об авторах:

Ростовская Тамара Керимовна, доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Института демографических исследований ФНИСЦ РАН. Москва, Россия. rostovskaya.tamara@mail.ru

Author ID РИНЦ: 767943

ORCID: 0000-0002-1629-7780

Researcher ID (WoS): F-5579-2018

Scopus ID: 57192987864

Кучмаева Оксана Викторовна, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института демографических исследований ФНИСЦ РАН. Москва, Россия. kuchmaeva@yandex.ru

Author ID РИНЦ: 496666

ORCID: 0000-0003-0386-857X

Researcher ID (WoS): L-9513-2015

Scopus ID: 35183367300

T. K. Rostovskaya¹, O. V. Kuchmaeva¹

¹Institute for Demographic Research FCTAS RAS.
Moscow, Russia.

CROSS-CULTURAL MARRIAGES AS A RESERVE OF DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT IN RUSSIA

Abstract. With the deepening of the process of globalization, the scale of interaction between different cultures, their interpenetration, mixing is expanding, which increases the possibility of cross-cultural marriages. The problems of the analysis of cross-cultural marriages in Russia and Iran seem to be an urgent direction for research. Cross-cultural marriages between Russians and Iranians serve as one of the significant elements of the process of rapprochement of two different cultures, and also contribute to the development of interest and tolerant attitude of Russians to the cultural traditions of the East. The purpose of this work is to analyze the attitude of Iranians and Russians to cross-cultural marriages against the background of the transformation of the desired family model, to identify the factors of the formation of cross-cultural marriages. The conclusions are based on the results of the International sociological study "Russian-Iranian marriages in the context of intercultural interactions", conducted in June-September 2021 in the cities of Russia and Iran by a team of authors. The sample size was 153 people, including representatives of different generations aged 18 to 60 years. The results of the survey revealed ideas about the model of family and marriage for residents of Iran and Russia. The study identified the main motives for concluding a cross-cultural marriage, the respondents' views on family relationships, as well as their attitude to the official registration of the status of spouses. A separate block of questions was aimed at studying the problems and living conditions of spouses in cross-cultural marriages, the need for special support measures. The attitude to cross-cultural marriages in society, both on the part of Russians and Iranians, is considered. The results obtained can be used in the development of strategies for the development of socio-cultural interaction between Russia and Iran. It is important to take into account the conclusions of the study as part of efforts aimed at smoothing out possible acute issues of interethnic relations; providing support to

cross-cultural families in the process of adaptation and familiarization with the norms, traditions, customs of a new culture for the spouse.

Keywords: cross-cultural marriages; family institution; Russian-Iranian marriages; intercultural interactions; interethnic marriages; interethnic interactions; family model

For citation: Rostovskaya T. K., Kuchmaeva O. V. (2023) Cross-cultural marriages as a reserve of demographic development in Russia. *Science. Culture. Society*. Vol. 29. No. 1. P. 159–172. DOI 10.19181/nko.2023.29.1.12

References

1. Sullivan C., Cottone R. Culturally based couple therapy and intercultural relationships: a review of the literature. *The Family Journal*. 2006;14(3):221–225. DOI [10.1177/1066480706287278](https://doi.org/10.1177/1066480706287278).
2. Romano D. *Intercultural marriage: Promises and Pitfalls*. 3rd ed. Yarmouth: Intercultural Press; 2008. 228 p. ISBN 978-1931930529.
3. Bhugra D., De Silva P. Couple therapy across cultures. *Sexual and Relationship Therapy*. 2000;15(2):183–192. DOI [10.1080/14681990050010763](https://doi.org/10.1080/14681990050010763).
4. Woods D. R. Review of Love's revolution: interracial marriage. Maria P. Root. *The Journal of Sociology & Social Welfare*. 2002;29(4). Article 10. URL: <https://scholarworks.wmich.edu/jssw/vol29/iss4/10> (accessed: 27.12.2022).
5. Babochkin P. I. Cross-cultural marriages in a multiethnic environment. *Upravlenie megapolisom*. 2008;(3):54–58 (in Russ.).
6. Rostovskaya T. K., Egorychev A. A. Modern Russian realities and youth: problems and prospects of development. In: Rostovskaya T. K. (ed.). *Cultural space of youth: meanings and practices: materials of the All-Russian Scientific and Practical conf. Moscow-Yalta: Perspektiva Publ.; 2019. P. 19–23 (in Russ.)*.
7. Seward M. Identity negotiations and third culture building in intercultural marriages (Doctoral dissertation, Southern Illinois University at Carbondale, Illinois, 2008). *Dissertation Abstracts International*. 2008;69(8). Available from ProQuest Dissertation and Thesis Database (UMI No. 3320302).
8. Lull J. *Media, communication, culture: A global approach*. New York: Columbia University Press; 2000. 320 p. ISBN 978-0-745-62191-3.
9. Törngren S. O. Attitudes toward interracial marriages and the role of interracial contacts in Sweden. *Ethnicities*. 2016;16(4):568–588. DOI [10.1177/1468796816638400](https://doi.org/10.1177/1468796816638400).
10. Johnson B. R., Jacobson C. K. Contact in context: An examination of social settings on Whites' attitudes toward interracial marriage. *Social Psychology Quarterly*. 2005;68(4):387–399. DOI [10.1177/019027250506800406](https://doi.org/10.1177/019027250506800406).
11. Gardyn R. The mating game. *American Demographics*. 2002;24(7):33–37.
12. Hirschl T. A., Altobelli J., Rank M. R. Does marriage increase the odds of affluence? Exploring the life course probabilities. *Journal of Marriage and the Family*. 2003;65(4):927–938. DOI [10.1111/j.1741-3737.2003.00927.x](https://doi.org/10.1111/j.1741-3737.2003.00927.x).
13. Fisman R. J., Iyengar S. S., Kamenica E. [et al.]. Gender differences in mate selection: Evidence from a speed dating experiment. *Quarterly Journal of Economics*. 2006;121(2):673–697. DOI [10.1162/qjec.2006.121.2.673](https://doi.org/10.1162/qjec.2006.121.2.673).
14. Brune Y. *Gothenburg studies in journalism and mass communication: tre studier i journalistik om "invandrare", flyktingar och rasistiskt vald*. Goteborg : Goteborgs univ.; 2004. 396 p. ISBN 91-88212-18-1.
15. Khosravi S. Displaced masculinity: Gender and ethnicity among Iranian men in Sweden. *Iranian Studies*. 2009;42(4):591–609. DOI [10.1080/00210860903106311](https://doi.org/10.1080/00210860903106311).
16. Wilson D. S., Jacobson C. K. White attitudes towards Black and White interracial marriage. In: Jacobson C. K. (ed.). *American families: issues in race and ethnicity*. New York, London: Garland Publ.; 1995. P. 353–367. ISBN 978-0815319597.
17. Kalmijn M. Trends in Black/White intermarriage. *Social Forces*. 1993;72(1):119–146. DOI [10.1093/sf/72.1.119](https://doi.org/10.1093/sf/72.1.119).
18. Ryazancev S. V., Sivoplyasova S. Yu., Rostovskaya T. K. [et al.]. Marriage emigration of women from Russia: scale, causes, features. *Woman in Russian Society*. 2019;(4):85–99. DOI [10.21064/WinRS.2018.4.8](https://doi.org/10.21064/WinRS.2018.4.8) (in Russ.).
19. Charsley K., Bolognani M., Spencer S. [et al.]. *Marriage migration and integration*. Cham: Palgrave Macmillan; 2020. 342 p. ISBN 978-3030402518.

20. Karam T. Chart: What to expect when sponsoring a fiancé or spouse for a green card. 2016. URL: <https://www.nolo.com/legal-encyclopedia/green-card-sponsoring-fiance-spouse-29026.html> (accessed: 27.12.2022).
21. Rostovskaya T. K., Suleymanov A. D. Viability of cross-cultural marriages in Russia and Azerbaijan. *Vestnik VEGU*. 2017;(2):110–117 (in Russ.).
22. Rostovskaya T. K., Lukyanets A. S., Ryazantsev N. S. Features and trends of cross-cultural marriages in Japan. *Alma Mater (Vestnik Vysshey Shkoly)*. 2020;(11):78–83. DOI [10.20339/AM.11-20.078](https://doi.org/10.20339/AM.11-20.078) (in Russ.).
23. Nuri Tajebekh. Cross-cultural research of tolerance feature of Russian and Iran residents. *RSUH/RGGU bulletin. Series: Psychology. Pedagogics. Education*. 2010;(17):285–293 (in Russ.).
24. Jalali B. Iranian families. In: McGoldrick M., Giordano J., Garcia-Preto N. (eds.). *Ethnicity and family therapy*. New York: Guilford Press; 2005. P. 451–467. ISBN 978-1593850203.
25. Chaichian M. A. First generation Iranian immigrants and the question of cultural identity: the case of Iowa. *International Migration Review*. 1997;31(3):612–627. DOI [10.1177/01979183970310](https://doi.org/10.1177/01979183970310).
26. Ruebelt S. G., Singaravelu H., Daneshpour M. [et al.]. Exploration of cross-cultural couples' marital adjustment: Iranian American women married to European American men. *Current Psychology*. 2015;(3):437–449. DOI [10.1007/s12144-015-9312-3](https://doi.org/10.1007/s12144-015-9312-3).
27. Salihov I. I., Malmir E. N. The legal status of wife under the law of the Russian Federation and the Islamic Republic of Iran. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*. 2017;159(2):426–438 (in Russ.).
28. Khosseina R. Z. Marriage and family in legal frameworks in Islamic Republic of Iran. *Izvestiya Sochi State University*. 2014;(4-2):186–189 (in Russ.).
29. Nasiri M. *Private international law*. Tehran: Agah Publ.; 2004. 114 p.

Received: 08.11.2022. Accepted: 01.12.2022.

Information about the authors:

Tamara K. Rostovskaya, Doctor of sociology, professor, deputy director for research, Institute for demographic research of FCTAS RAS. Moscow, Russia.

rostovskaya.tamara@mail.ru

ORCID: 0000-0002-1629-7780; Researcher ID (WoS): F-5579-2018; Scopus ID: 57192987864

Oksana V. Kuchmaeva, Doctor of economics, professor, chief researcher, Institute for demographic research of FCTAS RAS. Moscow, Russia.

kuchmaeva@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-0386-857X; Researcher ID (WoS): L-9513-2015; Scopus ID: 35183367300

DOI 10.19181/nko.2023.29.1.13
EDN JSRSWE
УДК 316.4

О. А. Игумнов¹

¹Московский педагогический государственный университет.
Москва, Россия.

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА, ИЛИ НУЖНО ЛИ МНОЖИТЬ СУЩНОСТИ БЕЗ НЕОБХОДИМОСТИ

Аннотация. Статья представляет собой рецензию на материал: *Монд Д. Теория услуги – теория социального капитала* (Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28, № 3. С. 68–80) и посвящена проблеме развития теории социального капитала. На основе критического анализа подходов, представленных в статье независимого исследователя Д. Монда, сделаны выводы о противоречивости предложенных теоретических решений. В частности, представлено готовность оказания услуги в качестве основы социального капитала и «общего знаменателя» теории социального капитала, а также симпатии и доверия, трактуемых с позиций оценочных суждений. Предложенные Д. Мондом подходы рассматриваются как разновидность субтрактивного знания, позволяющего уточнить отдельные положения формирующихся научных теорий.

Ключевые слова: социальный капитал; доверие; компоненты социального капитала; социоресурсный подход; социальные ресурсы; теория обмена; реципрокность

Для цитирования: *Игумнов О. А. К вопросу о развитии теории социального капитала, или нужно ли множить сущности без необходимости // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29, № 1. С. 173–182. DOI 10.19181/nko.2023.29.1.13. EDN JSRSWE*

Введение. Социальный капитал как концепт. Поводом для написания данной статьи послужили несколько обстоятельств. Первое – личное обращение Д. Монда, независимого исследователя и одного из авторов журнала [1] с просьбой поделиться результатами исследований по проблеме социального капитала. Второе обстоятельство определено тем, что проблема социального капитала достаточно давно входит в круг наших научных интересов, в частности, нами исследуется его ресурсная природа в социальном управлении в рамках социоресурсного подхода.

Поскольку приглашение к дискуссии по интересной научной проблеме поступило, а статья Д. Монда по своему содержанию нетривиальна (что отличает её от многих публикаций о социальном капитале), представим в данной статье собственный подход к пониманию концепта социального капитала в дискуссии с положениями статьи Д. Монда. Отметим, что сфера наших исследований – социальный капитал организации, что придаёт соответствующую специфику предлагаемому научному подходу к трактовке социального капитала.

Уже название статьи Д. Монда – «Теория услуги – теория социального капитала» – вызывает вопрос, поскольку ни в классических работах основоположников теории социального капитала, ни в современных публикациях, насколько нам удалось их проработать, социальный капитал не редуцируется к услуге. Речь идёт о реципрокности обмена в социальных отношениях, на которых основывается социальный капитал, при этом обмен интерпретируется в более широком, чем услуга, смысле.

Так, обмен в социальном смысле понимается как своеобразная «передача» деятельности, предмета, услуги, знания, знаков, символов и т.п. от одного субъекта другому за соответствующий эквивалент; это социальное взаимодействие, предполагающее общие ценности и доверие, ожидание взаимности в выполнении своих обязанностей по отношению к другому субъекту, исключающее преследование лишь собственных интересов. Социальный обмен составляет основу интеракции. Кроме того, в рамках структуралистской концепции социального обмена К. Леви-Стросса, субъекты руководствуются ценностями и социальными нормами. Обмен являет собой нечто больше, чем продукт человеческих потребностей, даже тех из них, которые приобретаются в процессе социализации.

Услуга в общепринятом смысле трактуется как результат (как правило, нематериальный) по меньшей мере одного действия, осуществлённого при взаимодействии поставщика и потребителя, либо как действие, совершаемое в интересах другого, помощь. В обеих трактовках присутствует обмен (как передача и принятие), вместе с тем в случае услуги «передача» происходит между субъектами не обязательно знакомыми, постоянно взаимодействующими (даже если речь идёт о помощи).

Исходя из природы социального капитала, определяемой особым качеством социальных отношений, обмен, рассматриваемый как социальный акт между взаимодействующими субъектами, выступает, в нашем понимании, основой социального капитала. В подходе Д. Монда, как мы понимаем, услуга трактуется в контексте диадической модели обмена Дж. Хоманса и П. Блау, акцентированной, прежде всего, на принципе соответствия выгоды и издержек, и неоднозначно оцениваемой в социологической науке в силу её неприменимости к многостороннему социальному взаимодействию. Таким образом, заявка Д. Монда на интерпретацию социального капитала посредством разработки теории услуг представляется, по нашему мнению, интересной, но не вполне вписывающейся в концепцию социального капитала в силу невозможности редукции концепта социального капитала к услуге.

Определение. Рассматривая различные определения социального капитала, Д. Монд приходит к выводу о том, что «теоретические и эмпирические изыскания авторов идут в разных направлениях, что приводит всю область знания в состояние разобщённости» [1, с. 69]. Данный вывод не нов, поскольку сам концепт «социального капитала» (и это признаёт большинство исследователей) является, в известном смысле, недотеоретизированным, а его исследование и концептуализация затрагивают разнообразные социальные контексты, опираясь на полипарадигмальный подход в социологическом осмыслении данного феномена.

Полипарадигмальность, выступая природной формой существования социологии как учения о социуме, предполагает использование различных исследовательских методов на основе различных концептуальных и методологических

подходов («единство многообразия» в интерпретации Г. Риккерта). Ещё в работах Г. Гегеля отмечалось, что «чем богаче подлежащий определению предмет, то есть, чем больше различных сторон он предоставляет рассмотрению, тем более различными оказываются даваемые ему дефиниции» [2, с. 143]. Поскольку социальный капитал относится к развивающимся концептам, разнообразие его определений обусловлено различием научно-исследовательской программы и ракурсом научного подхода каждого автора.

Не согласимся с Д. Мондом и относительно «состояния разобщённости». Наши исследования показывают, что в интерпретации социального капитала сложилось определённое теоретическое «ядро», образованное на основе работ классиков теории социального капитала (П. Бурдьё, Р. Патнэма, Дж. Коулмана), а также их последователей. Современные исследования в определённом смысле дополняют сложившиеся представления в различных аспектах анализа и, с учётом всех теоретических нюансов, формируют теоретическую базу теории социального капитала.

Отметим, что в сфере наших научных интересов входит социальный капитал организации, практически не рассматриваемый в классических и современных работах, который исследуется нами в рамках разработанного социоресурсного подхода.

В методологическом плане социоресурсный подход даёт возможность трактовать социальные взаимодействия в организации как интегрированный многофункциональный процесс создания и воспроизводства социальных ресурсов, обеспечивающих уникальность и возможности развития организации как социальной системы. Основная идея социоресурсного подхода заключается в том, что в процессе социальных взаимодействий создаются и воспроизводятся социальные ресурсы, обеспечивающие уникальность, перспективы и возможности развития организации.

Посыл о ресурсном характере социального капитала стал исходным для формирования собственного определения социального капитала, который в нашем подходе интерпретируется как организационный ресурс социального управления, определяемый формой и характером социальных отношений между работниками, опосредованных функционально обусловленной деятельностью и социально-значимыми интересами. Концептуальная модель социального капитала и его компоненты описаны в наших монографиях и ряде научных публикаций [3; 4; 5; 6].

На основе приведённого определения представляется необходимым прокомментировать «ключевые противоречия», выделенные Д. Мондом из определений социального капитала. Первое из противоречий, по его мнению, заключается в вопросе «причинно-следственной связи»: социальный капитал как предпосылка или как действие? По нашему мнению, в приведённых определениях не выделено «причинно-следственных связей» (Д. Монд, как нам представляется, подменяет понятие «предпосылка» понятием «причина», хотя, в общем смысле, данные понятия не тождественны).

Второе замечание касается понятия «действия», которое наш оппонент, опять не вполне корректно, отождествляет с ресурсами. Ресурсом является то, что обеспечивает действие, но ресурс не является субститутом действия (что, кстати, выделяется нами в качестве специфической черты социального капитала как ресурса социального управления). Кроме того, сложность самого концепта «социальный капитал», его семантическая трансверсальность определяют и возможность его представления как феномена, обладающего

амбивалентной природой, позволяющей рассматривать его и как предпосылку определённых социальных действий (условие чего-либо, исходный пункт), и как само социальное действие по отношению к другому субъекту.

Оговоримся, что социология управления определяет социальный капитал в теоретическом отношении как объект анализа, а не как предпосылку, признавая его, безусловно, самостоятельной аналитической категорией, понимая субъектов не как автономных, а как встроенных в сложную систему социальных отношений индивидов с присущим им общим мотивационным комплексом. Подобный ракурс анализа получил название «социализация социального капитала», предполагающий анализ на качественном уровне социальных отношений и связей, на которых основывается социальный капитал.

Вместе с тем полагаем, что возможно, при определённом допущении, рассмотреть социальный капитал и как причину (явление, обстоятельство, обусловливающее появление другого явления – следствия); для этого необходимо определить природу и сущность данной причины и её следствия. Позволим предположить, что сформированный социальный капитал можно было бы интерпретировать как причину социальных действий (следствие), основанных на доверии и нормах, а также реципрокности взаимодействия. Механизм реализации подобной причинно-следственной связи требует дополнительного теоретического анализа и эмпирических исследований.

Обратим внимание и на замечание Д. Монда, касающееся необходимости «примирить в рамках одной концепции рациональное и иррациональное начала» [1, с. 69], которое рассматривается как источник противоречивости теории социального капитала. Сложные отношения рационального и иррационального в социальных науках – проблема не новая, но не утратившая актуальности.

Влияние теории обмена на интерпретацию социального капитала выразилось в ресурсном подходе, где социальный капитал – это сознательно устанавливаемые социальными акторами отношения, которые могут составлять для них полезный ресурс [7, с. 128]; ресурсы, перемещающиеся от доноров к реципиентам и приравнивающиеся к сумме связей актора с другими акторами [8]; способность индивидов распоряжаться ограниченными ресурсами на основании своего членства в определённой социальной сети или в более широкой социальной структуре [9]; ресурсы, которые акторы получают из специфических социальных структур и используют, исходя из своих интересов [10].

Очевидно, что и отношения, и связи, и распоряжение ресурсами, и их использование в своих интересах носят рациональный характер. Как, впрочем, и сам социальный капитал, рассматриваемый в рамках социоресурсного подхода, в теоретическом отношении, как рациональный, представляющий собой культурно-исторически детерминированный концепт. В практическом плане социальный капитал признаётся реально существующим фактором социального управления, способным выполнять роль актива в силу именно достаточно высокого уровня его рационализации как на уровнях эмпирической и теоретической аргументации, так и на уровне неуниверсальной (контекстуальной) аргументации, предполагающей оценку на уровне традиций, здравого смысла и ценностей.

С утверждением нашего оппонента о том, что «разум и расчёт тоже являются частью социального капитала» можно было бы согласиться, если бы не слово «тоже»: анализ работ классиков социологии и наши исследования показывают, что именно осознанный, рациональный характер взаимодействия способствует формированию социального капитала, определяющего и после-

дующие взаимодействия. Модели взаимодействия, которым следуют люди, интерпретируются как преднамеренно сконструированные. По нашему мнению, включение в структуру социального капитала разума и расчёта нельзя признать обоснованным; вероятно, корректнее относить их к факторам, способствующим (препятствующим при определенных обстоятельствах) развитию социального капитала.

Приведённый в статье Д. Монда пример об оказании помощи бездомным, рассматриваемой как проявление социального капитала, также представляется нам не вполне корректным, поскольку представляет собой единовременный акт благотворительности. Однако социальный капитал предполагает перманентный характер взаимодействия, что обеспечивает его формирование, развитие и использование в качестве ресурса. Помощь бездомным – дело, вне всякого сомнения, благое, но социального взаимодействия не порождающее, поскольку эта помощь основана на идее бескорыстного действия, не предполагающего ожидания ответного действия со стороны её реципиента. Не выдерживает критики и пример с соседом, одолжившим машину: готовность одолжить машину – «у нас есть социальный капитал», если одолжил – «наш социальный капитал реализовался».

По нашему мнению, подобные трактовки вульгаризируют само понятие «социальный капитал». Интенция к некоему действию означает только наличие готовности его осуществить, а не наличие социального капитала; возможно, это может означать определённый уровень доверия, которое не является синонимом социального капитала; совершение действия вряд ли можно рассматривать как «реализацию социального капитала» без учёта контекста и условий данного действия: одолжить (предоставить в пользование) безвозмездно или за плату? В первом случае уровень доверия выше, во втором – ниже?

Дискуссионной представляется и сентенция Д. Монда о готовности оказать бескорыстную услугу как проявлению «иррациональной части социального капитала». Выше мы уже описывали рациональную природу социального капитала, сейчас же отметим, что в нашем подходе к структуре социального капитала мы исходим из трёх его компонентов (структурного, когнитивного и реляционного), не включающих иррационального компонента непосредственно. Кроме того, следуя логике нашего оппонента, можно расценивать любые проявления бескорыстия (в том числе и помощь бездомным) как иррациональные («не ведаем, что творим?»).

Данное и подобные утверждения Д. Монда определяются, вероятно, достаточно вольной трактовкой понятия «услуга», о чем наш оппонент сам пишет, отмечая, что данное понятие «следует понимать в максимально широком смысле – «сделать хорошо», чтобы это ни значило в разных контекстах». Как раз в случае анализа социального капитала, по нашему мнению, принципиально важно указать границы контекста, поскольку использование семантически многозначных и критериально неопределённых понятий «хорошо», «плохо» в сочетании с глаголом «сделать» не позволяет сосредоточиться на содержательном аспекте анализа сложного концепта.

Обратим внимание и на вопрос о «хранилище социального капитала», который затрагивает Д. Монд. Термин «хранилище» вряд ли можно признать релевантным по отношению к социальному капиталу как феномену нематериальной природы (вероятно, это издержки авторского перевода Д. Монда либо неудачная метафора). Скорее, в данном случае уместно говорить об уровнях социального капитала, которые подробно описаны в работах различных

исследователей, но проведённый нами анализ показал, что в меньшей степени исследован именно социальный капитал организации, что и определило наш научный интерес к его изучению.

Далее Д. Монд уточняет определение социального капитала: от первоначального определения социального капитала как «предпосылки к действию (причина), к пониманию социального капитала как принадлежащего «социальной единице», представляющего собой «накопленную на уровне либо общей социальной сети, либо личных отношений готовности других социальных единиц оказать ей корыстную или бескорыстную услугу» [1, с. 70]. Данное определение представляется теоретически «рыхлым», поскольку его компоненты требуют пояснения: что такое «накопленная готовность» и как определить, что её «накопилось» достаточно для реализации взаимодействия? Какими факторами определяется «запуск» процесса «накопления»? Какой смысл вкладывает автор в понятие «социальная единица», относя к социальным единицам человека, группу, компанию, страну? Возможно, автор имеет в виду устоявшийся в социологии термин «актор», которым можно определить указанные в перечне денотаты...

Вообще следует отметить, что изложению Д. Монда свойственны абсолютизация и категоричность там, где они не обоснованы или даже неуместны. Например, утверждение о том, что готовность оказать услугу определяется только двумя причинами: симпатией и выгодой. На уровне межличностном, возможно, это и может иметь место (при этом опять же неоднозначно воспринимается вывод автора о том, что если мы нравимся людям, «они готовы оказать нам бескорыстную услугу»: практика любого субъекта знает немало примеров, когда подобный вывод не работал, и симпатия не подтверждалась конкретными действиями). Кроме того, определяя симпатию, наш оппонент использует терминологию, скорее, психологии, а не социологии: симпатия от слова «нравиться», то есть «доставлять удовольствие, делать приятно; симпатия – это реакция на удовольствие. Чем его больше, тем сильнее симпатия».

И в данном случае Д. Монда не оставляет желание абсолютизировать, причём безапелляционно. Симпатия – это чувство устойчивой эмоциональной предрасположенности к какому-либо субъекту; с эмоциональной сферой, как известно, работает психология. Социология исследует отношения, в том числе и не основанные на симпатии (например, в организации социальное взаимодействие строится независимо от симпатии (взаимодействуют ещё и роли, и статусы), которая может, при её наличии, создавать благоприятный социально-психологический фон формирования социального капитала (в части его реляционного компонента).

Кстати, есть на наш взгляд внутреннее противоречие в определении симпатии Д. Мондом и его утверждением о том, что «строго говоря, услуги на основе симпатии не являются бескорыстными» (получается, что «доставлять удовольствие и делать приятно» можно только на корыстной основе? Остаётся определить, в каких единицах измерить и в каких объёмах предоставить «корыстную основу»...).

Практическая значимость данной проблемы определяется тем, каким образом субъекты управления организуют взаимодействие работников, между которыми симпатия не возникла (и не могла возникнуть) в связи с тем, что функционально они находятся во взаимозависимости и не обязаны друг другу нравиться, чтобы «доставлять удовольствие, делать приятно», как полагает Д. Монд.

Симпатии Д. Монд противопоставляет антипатию, которую интерпретирует как «готовность навредить». Развивая эту мысль, наш оппонент отмечает, что это не «тёмная сторона, плохие последствия хороших отношений, а именно

плохие отношения, которые, вероятно, тоже имеют светлую сторону» (?). Выше мы уже отмечали некорректность использования оценочных категорий субъективного характера: «хорошие», «плохие», «тёмный», «светлый» – категории относительные и, в значительной мере, субъективные. Тем более что социальный капитал не предполагает «плохих» отношений, порождаемых «хорошими» отношениями. Он, собственно, потому и капитал, что обладает потенциалом позитивировать и мультиплицировать позитивные эффекты социальных отношений, на основе которых он формируется и которые впоследствии поддерживаются и развиваются на его основе.

Интерес представляют и рассуждения Д. Монда о доверии как основе «оказания услуги», в которых оппонент вновь использует понятия «плохо», «хуже», приходя к спорному, по нашему мнению, утверждению о том, что «готовность оказать корыстную услугу зависит от доверия». Иными словами, данное утверждение следует понимать так: обращаясь к кому-либо знакомому (или незнакомому), к кому субъект испытывает доверие и кто испытывает доверие к нему, с какой-либо просьбой мы можем рассчитывать только на корыстную помощь. Но ведь ранее в статье Д. Монда утверждалось, что суть услуги – «делать хорошо»; а если к другому субъекту он, кроме доверия, испытывает ещё и симпатию, то как трактовать утверждение о том, что субъекту готовы оказать бескорыстную услугу, если он нравится? Ситуацию несколько исправляет ремарка Д. Монда о том, что доверие «немыслимо вне контекста», что и определяет взаимные ожидания.

В рамках разрабатываемого нами социоресурсного подхода не представляется возможным согласиться с утверждением Д. Монда о том, что «капитал – не ресурсы, а способ их использования». Ресурсные возможности всех видов капитала в достаточной степени теоретически обоснованы и введены в научный оборот многих наук. Кроме того, способ использования любого ресурса определяется его спецификой и потенциалом, что и позволяет выбирать виды ресурсного обеспечения процессов управления. Примеры с автомобилем, имеющим симпатию и доверие (кого? кому?), но не способным их использовать, а также с животными, которые «могут использовать доверие и симпатию людей к себе», что даёт основания говорить о наличии у них социального капитала, мы не станем комментировать в силу отсутствия в них социальной составляющей и их некорректного характера в представленной коннотации.

Считаем необходимым обратить внимание на принципиальные неточности в использовании Д. Мондом отдельных понятий в предлагаемом им подходе. В частности, наш оппонент выделяет три типа социального капитала – структурный, когнитивный и отношенческий, что корректнее было бы определить не как типы, а как компоненты социального капитала. Термин «отношенческий» является дословным переводом английского слова «*relational*», которое, по мнению большинства исследователей, целесообразно оставлять в калькированном варианте, поскольку оно отражает социальную составляющую социального капитала. Термин «отношенческий» употребляется в другой коннотации: отношения организаций с партнёрами, контрагентами на рынке с учётом маркетинговой и имиджевой составляющих. Мы полагаем данный подход обоснованным.

Выводы, предложенные Д. Мондом, объёмны, но, наш взгляд, недостаточно систематизированы для того, чтобы считать их достаточно аргументированными. Лаконичность теории, несомненно, делает её привлекательной, но утверждение о том, что принятие идеи о готовности оказать услугу в качестве базовой идеи теории социального капитала разрешает множество противоре-

чий указанной теории, представляется чрезмерно абсолютизирующим один фактор и не учитывающий множество других факторов процесса формирования социального капитала.

Выводы. Как известно, в науке не бывает бесполезного знания: любое уточнение теории, любая попытка конкретизации определений понятий, их взаимосвязи идут на пользу при условии, что эти уточнения, в конечном итоге, обеспечивают приращение научного знания и обогащают соответствующую область науки. Это, в определении Н. Н. Талеба, так называемое аддитивное знание, предполагающее накопление новых знаний, за счёт чего оно и увеличивается [11, с. 454]. Статья Д. Монда, как показал её анализ, может быть отнесена к проявлениям субстрактивного (разностного) знания (в классификации Н. Н. Талеба), которое образуется посредством удаления из накопленного массива научных данных всего «лишнего» и «неверного» [11, с. 454]. Несомненно, заслуживает уважения попытка исследователя на основе собственных исследований предложить собственный подход, а в данном случае – научную теорию. Полагаем, что дальнейшая работа в данном направлении позволит нашему оппоненту развить предложенный массив идей и выйти на новый уровень научных обобщений.

Вместе с тем, знакомство со статьёй Д. Монда даёт основание вспомнить методологический принцип английского философа У. Оккама: «Сущности не следует умножать без необходимости» (в терминах логики высказываний: $A=A$), в соответствии с которым требуется устранять из науки все понятия, не являющиеся интуитивно очевидными и не поддающимися проверке в опыте. Возможно, что после дополнительного теоретического обоснования предложенных идей, сущности, предлагаемые Д. Мондом, из разряда «умноженных без необходимости» перейдут в разряд сущностных основ обновлённой теории социального капитала.

Авторитетный российский социолог Ж. Т. Тощенко отмечает, что «в науке идёт постоянный процесс улучшения или смены парадигм, и нередко возникает ситуация, при которой совокупность накопленных научных данных не может быть объяснена с точки зрения существующей парадигмы. Тогда... на смену ей приходит новая..., которая претендует на более точную и глубокую интерпретацию теорий, фактов, методов» [12, с. 14]. Научные дискуссии по сложным и актуальным проблемам, таким, например, как теория социального капитала, в контексте изложенного выше определённо полезны в плане поиска новых аспектов сложившихся и формирования новых подходов к исследованию фактов реальной жизни как функционирующего сочетания взаимоотношений общества и человека.

Библиографический список

1. Монд Д. Теория услуги – теория социального капитала // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28, № 3. С. 68–80. DOI [10.19181/nko.2022.28.3.5](https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.3.5). EDN [OZOJRU](https://www.edn.ru/0ZOJRU).
2. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук: в 3-х т. Т. 1. Наука логики. М. : Мысль, 1974. 452 с.
3. Игумнов О. А. Развитие организационного социального капитала: теоретические гипотезы // Социология. 2020. № 1. С. 136–148. DOI [10.24411/1812-9226-2020-00009](https://doi.org/10.24411/1812-9226-2020-00009). EDN [QIUGVG](https://www.edn.ru/QIUGVG).
4. Игумнов О. А. Социальный капитал в социологическом дискурсе: теоретические аспекты и управленческий контекст. Саратов : Изд-во «КубиК», 2020. 250 с. ISBN 978-5-91818-662-6. EDN [PBIZSZ](https://www.edn.ru/PBIZSZ).

5. *Игумнов О. А.* Социальный капитал как ресурс управления: формирование и развитие в российских организациях. М. : Изд-во «Перо», 2021. 219 с. ISBN 978-5-00189-120-8. EDN [ULTYWC](#).
6. *Игумнов О. А.* Становление концепций социального капитала: обзор теоретических подходов // Социология. 2019. № 1. С. 41–49.
7. *Коулман Дж.* Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 121–139.
8. *Градосельская Г. В.* Анализ социальных сетей: автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.01 / Градосельская Галина Витальевна. М., 2001. 22 с.
9. *Portes A.* Social capital: its origins and application in modern sociology // Annual Review of Sociology. 1998. Vol. 24. P. 1–24. DOI [10.1146/annurev.soc.24.1.1](#). EDN [HEZDQJ](#).
10. *Becker G. S.* Human Capital. N.Y. : National bureau of economic research, 1964. 423 p.
11. *Тaleb Н. Н.* Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса / Пер. с англ. Н. Караев. М. : КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2014. 762 с. ISBN 978-5-389-07579-5.
12. *Тощенко Ж. Т.* О социологических стратегиях в социологии // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2014. № 4(126). С. 11–21. EDN [SGMATJ](#).

Поступила в редакцию: 17.01.2023. Принята к печати: 23.01.2023.

Сведения об авторе:

Игумнов Олег Александрович, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры экономической теории и менеджмента Института социально-гуманитарного образования ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет».

Москва, Россия.

oleg_igumnov@mail.ru

Author ID РИНЦ: 330721

ORCID: 0000-0002-7852-3819

O. A. Igumnov¹

¹ Moscow Pedagogical State University,
Moscow, Russia.

ON SOCIAL CAPITAL THEORY DEVELOPMENT QUESTION, OR WHETHER IT IS NECESSARY TO MULTIPLY ENTITIES UNNECESSARILY

Abstract. The article is a review of the material: *Mond D. Favor theory – theory of social capital*. (Science. Culture. Society. 2022. Vol. 28. No. 3. P. 68–80) and is devoted to the theory of social capital development problem. Based on a critical analysis of the approaches presented in the article by independent researcher D. Mond conclusions about the inconsistency of the proposed theoretical solutions are drawn. In particular the willingness to provide services as the basis of social capital presented as a factor of the common denominator of the theory of social capital, as well as sympathy and trust interpreted from the value judgments standpoint. The author considers the proposed approaches as a kind of subtractive knowledge which makes it possible to clarify certain provisions of emerging scientific theories.

Keywords: social capital; trust; components of social capital; socio-resource approach; social resources; exchange theory; reciprocity

For citation: Igumnov O. A. (2023) On social capital theory development question, or whether it is necessary to multiply entities unnecessarily. *Science. Culture. Society*. Vol. 29. No. 1. P. 173–182. DOI [10.19181/nko.2023.29.1.13](#)

References

1. Mond D. Favor theory – theory of social capital. *Science. Culture. Society*. 2022;28(3):68–80. DOI [10.19181/nko.2022.28.3.5](https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.3.5) (in Russ.).
2. Hegel G. W. F. *Encyklopädie der philosophischen Wissenschaften im Grundrisse*: in 3 vols. Vol. 1. *Wissenschaft der Logik*. Moscow: Nauka Publ.; 452 p. (in Russ.).
3. Igumnov O. A. Organizational social capital development: theoretical hypotheses. *Sociologiy*. 2020;(1):136–148. DOI [10.24411/1812-9226-2020-00009](https://doi.org/10.24411/1812-9226-2020-00009) (in Russ.).
4. Igumnov O. A. Social capital in sociological discourse: Theoretical aspects and managerial context. Saratov: “Kubik” Publ.; 2020. 250 p. ISBN 978-5-91818-662-6 (in Russ.).
5. Igumnov O. A. Social capital as a management resource: formation and development in Russian organizations [own]. Moscow: “Pero” Publ.; 2021. 219 p. ISBN 978-5-00189-120-8 (in Russ.).
6. Igumnov O. A. The emergence of concepts of social capital. *Sociologiy*. 2019;(1):41–49 (in Russ.).
7. Coleman J. Social Capital in the Creation of Human Capital. *Social Sciences and Contemporary World*. 2001;(3):121–139 (in Russ.).
8. Gradoselskaya G. V. Social media analysis [own]: abstract of candidate degree thesis. Moscow; 2001. 22 p. (in Russ.).
9. Portes A. Social capital: its origins and application in modern sociology. *Annual Review of Sociology*. 1998;(24):1–24. DOI [10.1146/annurev.soc.24.1.1](https://doi.org/10.1146/annurev.soc.24.1.1).
10. Becker G. S. *Human Capital*. New York: National Bureau of Economic Research; 1964. 423 p.
11. Taleb N. N. *Antifragile: things that gain from disorder*. Moscow: KoLibri, Azbuka-Attikus Publ.; 2014. 762 p. ISBN 978-5-389-07579-5 (in Russ.).
12. Toshchenko Zh. T. About sociological strategies in sociology. *RSUH/RGGU BULLETIN. Series Philosophy. Social Studies. Art Studies*. 2014;(4):11–21 (in Russ.).

Received: 17.01.2023. Accepted: 23.01.2023.

Information about the author:

Oleg A. Igumnov, Candidate of Pedagogics, Associate Professor, Associate Professor of the Economic Theory and Management Department, Institute of Social and Humanitarian Education, Moscow Pedagogical State University. Moscow, Russia.

oleg_igumnov@mail.ru

ORCID: 0000-0002-7852-3819

DOI 10.19181/nko.2023.29.1.14

EDN KWQRVQ

УДК 316.2

Д. В. Иванов¹

¹ Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС.
Санкт-Петербург, Россия.

ЗАПАДНАЯ СОЦИОЛОГИЯ С ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ (РЕЦЕНЗИЯ НА УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ. ТИТАРЕНКО Л. Г. СОВРЕМЕННАЯ ЗАПАДНАЯ СОЦИОЛОГИЯ. МИНСК: РИВШ, 2021. 420 С.)

Аннотация. В рецензии анализируется учебное пособие белорусского социолога и философа Л. Г. Титаренко «Современная западная социология» (Минск, 2021). Структура и содержание книги рассматриваются с точки зрения мультипарадигмального состояния современной социологии и в контексте тенденций постглобализации. Рецензируемая работа по объёму материала и глубине его анализа выходит на уровень добротного академического учебника. Автор предлагает рассмотрение основных теорий и парадигм, определяющих характер научной дисциплины в её современный период, который автором датируется как столетний: с 1920-х до начала 2020-х годов. В учебнике Л. Г. Титаренко хорошо показано, что западная социология – это ядро современной социологии как научной дисциплины, что западная социология подвергается переосмыслению, модифицируется в локальных социологических сообществах и служит отправным пунктом для развития новых, в том числе декларативно антизападных, контрглобалистских концепций социального знания.

Ключевые слова: западная социология; парадигмы; учебник

Для цитирования: Иванов Д. В. Западная социология с восточноевропейской точки зрения (рецензия на учебное пособие. Титаренко Л. Г. Современная западная социология. Минск: РИВШ, 2021. 420 с.) // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29, № 1. С. 183–188. DOI 10.19181/nko.2023.29.1.14. EDN KWQRVQ

Несмотря на имеющееся обилие учебников и учебных пособий, запрос на качественную учебную литературу и вопрос «Как преподавать историю современной социологии?» не теряют своей актуальности для академического сообщества. К тому же, в третьем десятилетии XXI века этот вопрос обретает двойную сложность, поскольку социология переживает двойную фрагментацию, и приходится практиковать, изучать, преподавать мультипарадигмальную социологию в ситуации постглобализации.

Ситуация постглобализации, когда возникновение новых разрывов и барьеров препятствует транснациональным и транслокальным сетям и потокам в формировании глобальной социальности, застала международное социологическое сообщество в момент нарастания критики европоцентризма и борьбы против доминирования «глобального Севера» в производстве научного знания.

Как результат, не состоялось создание глобальной социологии для объединяющей весь мир глобальной социальной реальности вместо множества теорий для разных социальных реальностей. К тому же релевантность того множества теорий, которые были созданы в западноевропейской и североамериканской социологии, оспаривается многими исследователями, предлагающими развивать альтернативные подходы к изучению социальной жизни в разных регионах мира.

Новая ситуация побуждает и российское академическое сообщество реконфигурировать свои научные контакты и коммуникации и находить полезные для себя информацию и опыт не только в привычных глобальных центрах производства социологического знания. Обращение к опыту ближайших соседей может не только восполнить вдруг возникший дефицит международной академической коммуникации, но и дать представление о тех формах, в каких практикуется незападная постглобальная социология. В этом отношении интересен белорусский опыт преподавания истории современной социологии, который представлен в рецензируемом учебнике, написанном Ларисой Григорьевной Титаренко. Формальный статус этой книги обозначен как «учебное пособие», однако по объёму материала и глубине его анализа эта работа, вне всякого сомнения, выходит на уровень добротного академического учебника.

Учебник «Современная западная социология» предлагает рассмотрение основных теорий и парадигм, определяющих характер научной дисциплины в её современный период, который автором датируется как столетний: с 1920-х до начала 2020-х годов. Современность в данном случае оказывается широким горизонтом, и в столетней перспективе нынешнее состояние социологии развёртывается в длительный и непростой процесс её развития. В учебнике нашли отражение структура западной социологии и её динамика, и таким образом учебник может успешно применяться для преподавания разных дисциплин, включая и историю социологии, что является собственной целью автора, и теоретическую социологию. Рисуемая автором структурно-динамическая картина современной западной социологии опирается на диагноз о переживаемом сегодняшней социологией состоянии «гипердифференциации теорий и подходов» (1, с. 11). Современная социология в учебнике Титаренко представлена как сложное единство в многообразии, когда старые парадигмы не исчезают с появлением новых, альтернативные теории и парадигмы не столько конкурируют, сколько сосуществуют, создавая многочисленные новые «ресурсные ниши» для работы исследователей.

Материал учебника разделён на 15 глав, которые объединены в две части. Первая часть – это своего рода долгая экспозиция. В драматургическом смысле экспозиция – это описание событий и обстоятельств, предшествующих собственно сюжету и приведших к разворачиванию основного действия. По отношению к той социологии, которую сегодня практикуют и переживают в собственном опыте поколения действующих исследователей, теории и парадигмы, создававшиеся с 1920-х по 1960-е гг., и есть экспозиция для актуальных исследовательских сюжетов.

Первая часть учебника включает 10 глав – первую с общей характеристикой основных парадигм в социологии и последующие с анализом теоретических и методологических разработок лидеров Чикагской школы, структурного функционализма, парадигмы социального конфликта, технократической парадигмы развития общества (разные версии индустриализма и постиндустриализма), парадигмы социального обмена, символического интеракционизма, неофрейдизма, феноменологической социологии и этнометодологии, диалектической социологии в общем и Франкфуртской школы в частности. Столь широкая

панорама западной социологии середины прошлого века ценна тем, что представлены не только хрестоматийные фигуры Парсонса и тех, кто оспаривал доминирование его подхода, но и авторы и концепции, редко попадающие «в кадр» в стандартных учебниках по социологии. Первая часть выглядит хорошо выполненной экспозицией и в фотографическом смысле. В фотографии количество света, попадающее на светочувствительные поверхности и определяющее видимость фотоизображения, должно быть достаточным для передачи деталей. Благодаря достаточно большой экспозиции, в учебнике получили заметное место не входящие в социологии в число канонических фигур Р. Арон, Э. Тоффлер, Э. Фромм, К. Хорни, Ж. Гурвич и многие другие.

Вторая часть учебника представляет собой хорошо подготовленное экспозицией развёртывание заявленного в названии сюжета – современного состояния и развития западной социологии в конце XX – начале XXI века. Анализ актуальной европейской и американской социологии уместился в 5 глав, каждая из которых по-своему повествует о поисках решения одной и той же проблемы – развития социологии как научной дисциплины в условиях мультипарадигмальности, сложившейся к 1970-м гг. и определившей теоретические и методологические разработки практически на полвека.

Главы второй части посвящены постмарксизму, в тексте называемому привычными терминами «критическая теория» и «неомарксизм», хотя в теориях Ю. Хабермаса и И. Валлерстайна неомарксистский импульс обновления критики капитализма сошел на нет уже к началу 1980-х гг.; интегративным теориям Э. Гидденса, П. Бурдьё, Н. Лумана, в тексте называемым метапарадигмами, хотя идею метатеоретизирования Дж. Ритцер сформулировал как альтернативу попыткам интегрировать структурный и агентностный подходы в одной теории; феминизму и гендерным теориям от С. де Бовуар до Р. Коннелл; теориям модерна и постмодерна, включая концепции «посмертной» симуляции модерна (Ж. Бодрийяр), его радикализации (Э. Гидденс), дифференциации (Ш. Айзенштадт), макдональдизации (Дж. Ритцер).

Особое место занимает в учебнике 15-я глава, где представлены современные тенденции развития социологии. В отличие от предшествующих глав, включающих по три-пять параграфов, в последней главе учебника целых восемь параграфов, что показывает и комплексность, и динамичность сегодняшней западной социологии. В объёмной главе нашли отражение появление концепции общества риска, модификации классических парадигм, ответы социологического сообщества на вызовы и противоречия глобализации и ставшие модными у нынешнего поколения теоретиков «повороты» – новые концептуализации в стремлении развернуть социологов к по-новому понимаемому предмету и объекту изучения. Особое внимание здесь уделено идеям о роли мобильностей и комплексности социально-материальных систем Дж. Урри, а также отмечены повороты к материальному (Б. Латур), к культуре (Дж. Александер), к истории (Ч. Тилли).

Основной текст учебника не исчерпывается пятнадцатью главами. Есть еще Заключение с обобщением авторского видения состояния и перспектив развития социологии. Выделенные автором 6 тенденций (в тексте именуются «закономерностями») развития современной социологии и 4 главные социальные проблемы начала нынешнего века вполне могли бы составить материал еще одного параграфа учебника и задания для студентов на точное знание 6 тенденций и 4 проблем.

Шесть «закономерностей» развития социологии – это 1) сохранение и модификация базовых парадигм, не исчезающих с появлением новых; 2) появление и популярность новых парадигм, вовремя отвечающих на вызовы вре-

мени; 3) регулярное возникновение «поворотов», адаптирующих социологию к изменчивому окружающему миру; 4) сохранение исходной проблематики социологии (социальное действие, социальный порядок, социальное развитие) в новых теориях и парадигмах; 5) возвращение центра развития социологии из Америки в Европу; 6) необходимость постоянного мониторинга состояния социологии в силу её текучести и турбулентности.

Четыре основные проблемы XXI века – это проблемы демократии, окружающей среды, неравенства, интерсекциональности. Автор здесь демонстрирует хорошую осведомлённость о том русле, в котором ведутся дебаты в международном социологическом сообществе, особенно в руководстве Международной социологической ассоциации, задающем повестки научных конгрессов и форумов. А также автор стремится дополнить обсуждаемую по инерции повестку прошлого десятилетия актуальными проблемами – ковидной паникой и кризисом неolibеральной модели глобализации, внезапно помешавшими социологам провести эти конгрессы и форумы в очном режиме и в запланированные сроки. Читатели учебника, обнаруживая после четырех сотен страниц текста в Заключение новые факты и процессы, смогут воочию убедиться в правоте вывода автора об изменчивости социологии и необходимости каждодневного отслеживания её современного развития.

Говоря в целом, учебник Л. Г. Титаренко «Современная западная социология» представляет собой хороший вариант совершенно необходимого в учебном процессе совладания с комплексностью, фрагментированностью и динамичностью научной дисциплины. Несомненными достоинствами учебника являются живое изложение научного материала и удачное соединение в этом изложении фактологии, фиксирующей историю создания теорий и биографии их создателей, с авторской аналитикой теоретического содержания и значения изучаемых работ.

Наряду с несомненными достоинствами, стоит отметить и недостатки, которые обнаруживаются как продолжения достоинств учебника.

Во-первых, в учебно-методическом аппарате, сопровождающем каждую главу и весь текст в целом, есть контрольные вопросы, определения терминов, семинарская тематика, литература, но нет ориентированных на самостоятельную работу студентов современных форм – тестов и кейсов.

Во-вторых, украшающая, оживляющая и очеловечивающая академический текст визуализация личного вклада исследователей в развитие социологии становится в учебнике чередой фотографий старых (и зачастую уже мёртвых) белых мужчин, но нет даже в разделе про феминизм и гендер фото С. де Бовуар, Н. Чодороу, Дж. Батлер, Р. Коннелл. Нет и фотографий, а также и развернутого анализа вклада в «конвенциональные» теории, таких заметных в социологическом мире женщин, как М. Арчер и К. Кнорр-Цетина.

В-третьих, в учебнике по истории современной социологии, логично разделённом на два этапа, есть очевидные анахронизмы – неофункционализм Дж. Александера, теория сетевого общества М. Кастельса, теория рационального выбора Дж. Коулмэна попали в параграфы, отнесённые к периоду 1920-х – 1960-х гг., хотя это относящиеся к 1980-90-м гг. модификации тех парадигм, которые создавались в середине прошлого века.

В-четвёртых, в параграфе про глобализацию и её следствия так мало текста (две с половиной страницы), что не нашлось места ни для имен исследователей, ни для названий и терминов их теорий. А главное, в учебнике не нашло отражения то интересное движение за развитие «южной теории» в противовес концептуальному доминированию «глобального Севера», и за пересмотр канона, которое объединяет социологов из стран Азии, Африки, Латинской Америки и тех радикальных пред-

ставителей западной социологии, которые лидируют в этом антизападном тренде (R. Connell [2]; J. Comaroff & J. L. Comaroff [3]; S. F. Alatas, V. Sinha [4].

Отмеченные недостатки не отменяют общей высокой оценки рецензируемого учебника. В учебнике хорошо показано, что западная социология – это ядро современной социологии как научной дисциплины, что западная социология подвергается переосмыслению, модифицируется в локальных социологических сообществах и служит отправным пунктом для развития новых, в том числе декларативно антизападных, контрглобалистских концепций социального знания. Автором учебника отмечены тенденция критики глобализации в социологическом сообществе, поворот к региональной и локальной проблематике, рост популярности так называемого «методологического национализма».

Развернувшийся в 2022 году кризис в международных отношениях истолковывается некоторыми российскими исследователями как повод пойти по этому пути дальше. Минувя научно вполне respectable «методологический национализм», они выдвигают конъюнктурные прожекты «суверенной социологии». Учебник Л. Г. Титаренко представляет в этой ситуации ценность ещё и тем, что в нем наглядно представлена та единая и могучая в своем многообразии научная социология, которая способна пережить прожекты «суверенной социологии» так же, как естественные науки в прошлом пережили известные лженаучные изоляционистские течения. Современная западная социология останется в мировой науке, а «суверенную социологию» ждет судьба отставшей от релятивистской и квантовой теорий «арийской физики» Ф. Ленарда и отставшей от молекулярной генетики «мичуринской агробиологии» Т. Лысенко.

Учебное пособие «Современная западная социология», предназначенное изначально для белорусских студентов, может быть полезным учебником для российских студентов и хорошим источником для понимания видения западной социологии исследователями из восточной Европы. Учебная литература по социологии должна способствовать пониманию того, что социология сейчас не живет и выживает в некоем «разрыве» между «глобальным Севером» и «глобальным Югом», «Западом» и «Востоком», а что социология всегда живет и развивается через взаимообмен, взаимопонимание, взаимопроникновение, взаимопомощь различных социологических традиций [5].

Библиографический список

1. *Титаренко Л. Г.* Современная западная социология : учебное пособие. Минск : РИВШ, 2021. 420 с. ISBN 978-985-586-422-7.
2. *Connell R.* Southern theory. The global dynamics of knowledge in social science. Cambridge : Polity Press, 2007. 271 p. ISBN 978-0-7456-4248-2.
3. *Comaroff J., Comaroff J. L.* Theory from the South. Or, how Euro-America is evolving toward Africa. Boulder : Paradigm Publ., 2012. 272 p. ISBN 978-1594517655.
4. *Alatas S. F., Sinha V.* Sociological theory beyond the canon. London : Palgrave Macmillan, 2017. 401 p. ISBN 978-1137411334.
5. The ISA handbook of diverse sociological traditions // Ed. by S. Patel. London : SAGE Publ., 2010. 384 p. ISBN 978-1847874023.

Поступила в редакцию: 11.01.2023. Принята к печати: 20.01.2023.

Сведения об авторе:

Иванов Дмитрий Владиславович, доктор социологических наук, профессор, Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС. Санкт-Петербург, Россия.
dvi1967@gmail.com
 Author ID РИНЦ: 74706; ORCID: 0000-0002-7622-4022; Researcher ID (WoS): D-6108-2013

D. V. Ivanov¹¹ North-Western Institute of Management – Branch of RANEPА.
Saint Petersburg, Russia.

WESTERN SOCIOLOGY FROM AN EASTERN EUROPEAN PERSPECTIVE (REVIEW OF THE HANDBOOK. TITARENKO L. G. MODERN WESTERN SOCIOLOGY. MINSK: RIVSH, 2021. 420 P.)

Abstract. The review presents the textbook “Modern western sociology” (Minsk, 2021) by Belarusian sociologist and philosopher L. G. Titarenko. Structure and contents of the handbook are considered from a point of view of the multiparadigm condition in current sociology and in the context of post-globalization trends. The reviewed work, due to amount of material and to deep analysis, is reaching a level of sophisticated academic textbook. The author analyses main paradigms and theories which define the character of scientific discipline in its modern period covering a century since the 1920s to our days. The book demonstrates very well that Western sociology remains the core of modern sociology as a scientific discipline and that Western sociology is reassessed and modified in local sociological communities being a starting point for the new conceptions of social knowledge, including anti-Western and counter-globalist ones.

Keywords: western sociology; paradigms; handbook

For citation: Ivanov D. V. (2023) Western sociology from an Eastern European perspective (review of the handbook. Titarenko L. G. Modern western sociology. Minsk : RIVSH, 2021. 420 p.). *Science. Culture. Society*. Vol. 29. No. 1. P. 183–188. DOI 10.19181/nko.2023.29.1.14

References

1. Titarenko L. G. Modern western sociology [own]. Minsk: RIVSH; 2021. 420 p. ISBN 978-985-586-422-7.
2. Connell R. Southern theory. The global dynamics of knowledge in social science. Cambridge: Polity Press; 2007. 271 p. ISBN 978-0-7456-4248-2.
3. Comaroff J., Comaroff J. L. Theory from the South. Or, how Euro-America is evolving toward Africa. Boulder: Paradigm Publ.; 2012. 272 p. ISBN 978-1594517655.
4. Alatas S. F., Sinha V. Sociological theory beyond the canon. London: Palgrave Macmillan; 2017. 401 p. ISBN 978-1137411334.
5. Patel S. (ed.) The ISA handbook of diverse sociological traditions. London: SAGE Publ.; 2010. 384 p. ISBN 978-1847874023.

Received: 11.01.2023. Accepted: 20.01.2023.

Information about the author:

Dmitrii V. Ivanov, Doctor of sociology, professor, North-Western Institute of Management – Branch of RANEPА, Saint Petersburg, Russia.

dvi1967@gmail.com

ORCID: 0000-0002-7622-4022

Researcher ID (WoS): D-6108-2013

ТАЛАНТЛИВЫЙ УЧЕНЫЙ, ОРГАНИЗАТОР НАУКИ, НАСТАВНИК: **СЕРГЕЮ ВЛАДИМИРОВИЧУ РОГАЧЕВУ – 90**

Аннотация. Редакция журнала «Наука. Культура. Общество» и сотрудники Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН поздравляют доктора экономических наук, профессора Сергея Владимировича Рогачева с юбилеем!

Ключевые слова: Сергей Рогачев; поздравление; юбилей

Поздравления коллег на сайте **ИСПИ ФНИСЦ РАН**

Руководителю Центра социальной безопасности и рискологии Института социально-политических исследований (ИСПИ) ФНИСЦ РАН, почетному президенту Академии политической науки, доктору экономических наук, профессору **Сергею Владимировичу Рогачеву исполнилось 90 лет.** И этот юбилей касается не его одного. По-настоящему деятельного, общественно активного человека, учёного с широким диапазоном исследовательских интересов, талантливого руководителя окружает немало число учеников, сподвижников, коллег и друзей, которые искренне желают ему плодотворного долголетия во всех сферах приложения сил.

© Редакция журнала «Наука. Культура. Общество», 2023

Родившись в семье известного ученого-химика, он и представить себе не мог в ранней юности, что займется общественными науками. Но время было такое, что требовало поднимать из послевоенной разрухи страну, вдохновлять молодёжь на мирное созидание, а у него открылся талант вожака, который был замечен еще в студенческие годы. Первого секретаря Дмитровского горкома комсомола – Сергея Рогачева до сих пор помнит старшее поколение города, куда он был послан на работу. Далее был Московский обком комсомола и снова организация ударных молодёжных отрядов, снова напряжение сил по восстановлению и дальнейшему развитию сельского хозяйства уже всей Московской области.

С сердечной теплотой и гордостью за успехи того поколения молодых тружеников вспоминает в своей книге «Жила бы страна родная: Рассказы по истории Дмитровской районной организации ВЛКСМ», вышедшей в 2009 году, свидетель и участник молодёжного подвига – созидания Дмитровского района Московской области – И. Н. Курьшев.

Автор книги приводит воспоминание Сергея Владимировича Рогачева о том времени: *«На своём повседневном опыте я неоднократно убеждался, что деятельное участие молодого человека в производственной деятельности одновременно является замечательной жизненной школой, способствует его социализации, его зрелости. Формирует принципы и приоритеты коллективизма и патриотизма....*

Воспоминание о комсомольских годах, о комсомоле, так или иначе, связаны с воспоминанием о юности и окрашены ореолом романтики. Как поётся в прекрасной песне А. Пахмутовой и Н. Добронравова:

*Как молоды мы были,
Как искренне любили,
Как верили в себя.*

Так всё и было!.. Двенадцать лет в комсомоле, и каких лет!»¹.

Судьба резко повернулась, когда Сергея Владимировича послали на учёбу в аспирантуру Академии общественных наук при ЦК КПСС. Здесь состоялось его оформление как учёного. Его стали узнавать по работам в области экономики, социальных наук, как талантливого директора Научно-исследовательского института «Опыт» в АОН при ЦК КПСС. Но за что Сергею Владимировичу бесконечно благодарны политологи, так это за продвижение политической науки в Российской академии управления, которая сменила АОН к 1992 году.

С. В. Рогачева по праву считают одним из пионеров российской политологии. Именно он прочитал первую лекцию по основам политической науки, став директором Политологического центра в Российской академии управления, организовал дискуссионный клуб в 90-е, где оттачивали своё полемическое мастерство и проекты развития страны многие известные сегодня политики и эксперты, редактировал выпуски альманахов по их итогам. По его инициативе состоялась первая Всероссийская конференция преподавателей политологии в стенах академии. Благодаря его поддержке в Российской академии государственной службы при Президенте РФ прошел I Всероссийский конгресс политологов, а на II и III Всероссийских конгрессах он был сопредседателем оргкомитетов уже как президент экспертной общественной организации «Академия политиче-

¹ Курьшев И. Н. Жила бы страна родная : рассказы по истории Дмитровской районной организации ВЛКСМ. Дмитров, 2009. С. 181.

ской науки» (АПН). И поныне Сергей Владимирович активно участвует в работе всех конференций и конгрессов АПН и РАПН, давая принципиальный анализ достижениям и промахам в отечественном обществоведении.

Его многолетняя и плодотворная деятельность как организатора политической и социальной науки на различных руководящих должностях в Институте комплексных социологических исследований Российского государственного социального университета, в Институте социально-политических исследований ФНИСЦ РАН приносит очевидную и несомненную пользу нашей стране. Где бы Сергей Владимирович ни работал, его самоотверженная деятельность всегда отмечена творческим научно-исследовательским поиском, новаторством. Он автор и соавтор многих книг, монографий по экономической и социальной политике России.

Вместе с коллективом ученых ИСПИ ФНИСЦ РАН он успешно реализовал исследовательский проект «Россия в условиях неопределенности: стратегия упреждения рисков и угроз национальной безопасности», результаты которого стали значимой частью коллективной монографии «Российское общество и государство в условиях глобальной многополярности. Социально-политическое положение России в 2022 году»², вышедшей в начале 2023 года.

Блестящий научный руководитель молодёжи, Сергей Владимирович сумел дать путевку в жизнь десяткам соискателей кандидатских и докторских ученых степеней.

Мы желаем Сергею Владимировичу больших и заслуженных успехов в науке, в реализации новых проектов, талантливых аспирантов и докторантов и последователей, которые уже называют себя учениками школы Рогачева.

Редакционная коллегия журнала «Наука. Культура. Общество»

TALENTED SCIENTIST, SCIENCE ORGANIZER, MENTOR: SERGEI V. ROGACHEV – 90

Abstract. Editorial Board of the journal «Science, Culture, Society» and the staff of the Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS congratulate doctor of economics, professor Sergey V. Rogachev with his jubilee!

Keywords: Sergey Rogachev; congratulations; anniversary

---

² Российское общество и государство в условиях глобальной многополярности. Социально-политическое положение России в 2022 году / Н. В. Березина, И. Я. Богданов, Н. М. Великая [и др.] ; отв. ред. В. К. Левашов. М. : ФНИСЦ РАН, 2023. 549 с.

НАУКА. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

сетевой научный журнал

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ЭЛ № ФС 77 - 81252 от 30 июня 2021 г.

Соучредители:

Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук
Адрес: 117218, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5

Общественная российская академия социальных наук
Адрес: 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 24/7, стр. 1

Главный редактор:

Виктор Константинович Левашов

Ответственный секретарь:

Оксана Валерьевна Гребняк

Журнал «Наука. Культура. Общество» включён в базу РИНЦ и перечень ВАК.

ISSN 2713-0681

Материалы журнала размещены в открытом доступе на сайте

<https://www.journal-scs.ru>

Доступ к контенту журнала бесплатный.

Плата за публикацию с авторов не взимается.

Точка зрения авторов публикуемых материалов не обязательно отражает
точку зрения редакции. При использовании материалов ссылка на журнал
«Наука. Культура. Общество» обязательна.

2023. Том 29. № 1. Дата выхода в свет: 31.03.2023.

Адрес редакции: 119333, Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, стр. 1
Тел.: +7 499 530-27-32. E-mail: nauka.kultura.obshestvo@yandex.ru